АНИ ЧОИНГ

МЕЧЕННАЯ

Ее голос в переполненном зале московского Дома кино словно рвался сквозь стены в небеса. О чем пела эта такая непохожая на нас тибетская монахиня, что хотела она донести до душ слушателей в такой далекой от ее родины России? «Если ты смотришь на мир глазами розы – то живешь в розовом саду, а если глазами колючки – то в колючей чаще. Это значит, что человек сам вправе выбирать, в каком мире ему жить» — примерно так можно перевести эти, такие важные для Ани Чоинг Дролмы слова Будды, с которыми она обращалась к московской публике, с которыми она обращается и к читателю этой книги.

Ани совсем еще ребенком столкнулась со страшной жестокостью и несправедливостью жизни. Но она не пошла по пути ненависти, она выбрала добро, любовь и свободу.

Правдивая, очень откровенная и честная история жизни известной во всем мире «поющей монахини», обладательницы удивительного голоса, славящейся своей особой манерой исполнения мантр и тибетских песнопений, рассказана ей самой в этой замечательной книге.

«Я никогда не забуду этот день; у меня до сих пор на лбу остался шрам, сантиметра четыре длиной. Я знаю, что люди смотрят на него и гадают, откуда он взялся. Шрам яркой полосой выделяется на моей бритой голове. Иногда люди спрашивают, как я его получила…»

ISBN 978-5-386-02543-4
9 785386 025434
РИПОЛ КЛАССИК

«Стоя на четвереньках, испачкав руки о жирную влажную землю, я поднимаю голову к тяжелому небу и вою. Вою истошно, выворачивая душу наизнанку, как собака, чтобы освободиться, очиститься от ненависти. Не хочу больше с ней жить. Но мне удается лишь скрыть ее на время, я знаю, что она рядом, готова воскреснуть в любое мгновение. Я очень хочу ее одолеть, но не уверена, что смогу это сделать. Она сильнее меня».

Фото на обложке
(c) Photo12 – Jean-Marie Périer

«Отец молниеносно бьет меня по лбу металлическим стаканчиком с острыми краями. По лицу течет что-то влажное и теплое, я погружаюсь в уютное полубессознательное состояние. Нет, я не падаю в обморок, но все вокруг как в тумане. Мне жарко и больно. Кровь течет по лбу, заливает глаза, я пытаюсь вытереть ее руками и шмыгаю носом. Я не осмеливаюсь смотреть на отца…»

Ее голос в переполненном зале мо
словно рвался сквозь стены в небеса
непохожая на нас тибетская монахиня
сти до душ слушателей в такой далек
сии? «Если ты смотришь на мир глазами розы – то живешь в розовом саду, а если глазами колючки – то в колючей чаще. Это значит, что человек сам вправе выбирать, в каком мире ему жить» – примерно так можно перевести эти, такие важные для Ани Чоинг Дролмы слова Будды, с которыми она обращалась к московской публике, с которыми она обращается и к читателю этой книги.

Ани совсем еще ребенком столкнулась со страшной жестокостью и несправедливостью жизни. Но она не пошла по пути ненависти, она выбрала добро, любовь и свободу.

Правдивая, очень откровенная и честная история жизни известной во всем мире «поющей монахини», обладательницы удивительного голоса, славящейся своей особой манерой исполнения мантр и тибетских песнопений, рассказана ей самой в этой замечательной книге.

«Я никогда не забуду этот день; у меня до сих пор на лбу остался шрам, сантиметра четыре длиной. Я знаю, что люди смотрят на него и гадают, откуда он взялся. Шрам яркой полосой выделяется на моей бритой голове. Иногда люди спрашивают, как я его получила…»

ISBN 978-5-386-02543-4
9 785386 025434
РИПОЛ КЛАССИК

АНИ ЧОИНГ

ANI CHÖYING DROLMA

MA VOIX POUR LA LIBERTÉ

En collaboration avec Laurence Debril

Document

Préface
de Matthieu Ricard

Серия «Документ»

АНИ ЧОИНГ

МЕЧЕННАЯ

РИПОЛ
КЛАССИК
Москва • 2010

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44
Ч-75

Перевод с французского Е. И. Колябиной

Чоинг, А.
Ч-75 Меченная / А. Чоинг ; [пер. с фр. Е. И. Колябиной]. — М. : РИПОЛ классик, 2010. — 240 с. — (Документ).

ISBN 978-5-386-02543-4

Совсем маленькой девочкой Ани Чоинг Дролма — обитательница непальского монастыря, известная сегодня во всем мире под именем «поющей монахини», которая прославилась своим завораживающим голосом и особой манерой исполнения традиционных тибетских мантр и песнопений, столкнулась с жестокостью и несправедливостью.

Человеком, который принес зло в жизнь маленькой Ани, был ее отец. Он, пьющий и недалекий, с самого раннего детства словно стремился уничтожить собственную нелюбимую дочь, почти ежедневно унижая и избивая ее. Девочке пришлось пройти через страшные испытания, через боль побоев, муку обид и потерь, прежде чем она поняла, что должна пойти по жизни не дорогой ненависти, а дорогой добра и любви.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

Copyright © Oh! Editions, Paris, 2008. All rights reserved.
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2010

ISBN 978-5-386-02543-4

Предисловие

В тибетском языке есть слово *nyingjé*. Обычно его переводят как «сострадание», но оно скорее означает «повелитель сердца», будучи употребляемо в отношении человека, который занимает наши мысли. В буддизме сострадание — это желание исцелить себя и окружающих от страдания всех форм и в первую очередь искоренить причины физической или душевной боли: невежество, ненависть, зависть, ревность и тому подобное. Альтруистическая любовь воплощается в поиске истоков счастья для всех живых существ.

Мы все настолько погружены в самих себя, что становимся чрезвычайно уязвимыми и легко оказываемся жертвами отчаяния, бессилия и многочисленных страхов. Но если посредством сострадания нам удается развить в себе сопереживание по отношению к страданиям других людей, наше беспомощное смирение превращается в отвагу, забитость — в любовь, узость мысли — в открытость навстречу всем, кто нас окружает.

Обычно степень нашего сострадания и нашей любви зависит от того, насколько хорошо или плохо относятся к нам и к нашим близким другие люди. Поэтому нам очень трудно чувствовать хотя бы симпатию к тем, кто причиняет нам боль. А в буддизме сострадание подразумевает то, что человек

абсолютно всем желает освободиться от мук, страданий и особенно от ненависти.

В своей биографии Ани Чоинг Дролма рассказывает, как, пережив моральные и физические издевательства жестокого отца, она смогла превратить свою озлобленность в сопереживание, добиться свободы и обрести внутреннюю гармонию после многих мучений. В то же время она с радостью показывает, что избранная ею монашеская стезя заключается не в том, чтобы отказаться «ото всех благ земного существования», а в избавлении от бесконечных ограничений, основанных на боли. Улетевшая птичка не «отрекается» от своей клетки, а оставляет ее ради неба. Но Ани Чоинг не ищет освобождения только для себя, нет, ей этого недостаточно. Все свои силы, весь безудержный энтузиазм она направила на помощь другим: бесприютным монахиням, бедным детям, которые даже не мечтают о том, чтобы ходить в школу, и прочим страждущим. С тех пор как я познакомился с Ани Чоинг и узнал ее в ходе нескольких совместных проектов, меня не покидает ощущение, что она непрерывно ищет тех, кто в ней нуждается. Поэтому-то авторские права на ее книгу принадлежат центру гемодиализа в Катманду — в память о матери Ани, умершей от почечной недостаточности. Это первый случай за историю страны. Ани хочет, чтобы центр мог спасти всех, кому нужна помощь.

Маттье Рикар

Пролог

Я ухожу за кулисы, однако в зале все не стихают аплодисменты. Они доносятся до меня еще минут пять. Один из организаторов концерта ласково берет меня под руку и отправляет обратно на сцену:

— Давай, Ани, поприветствуй свою публику!

Я возвращаюсь. Мне сказали, что сегодня пришло четырнадцать тысяч зрителей. Я должна была уже привыкнуть, но до сих пор испытываю невольное волнение. Только что я пела в огромном концертном зале Гонконга, для меня это уникальный опыт: я открыла празднества по случаю десятой годовщины возвращения бывшей британской колонии Китаю. Вместе со мной выступали несколько знаменитых китайских и тайских исполнителей, и все мы пели в сопровождении шестисот буддийских монахов. Шум зала, аплодисменты, восторженные крики, смех коллег — все доносится до меня словно сквозь туман. Я так волнуюсь... Многие монахи подходят ко мне с поздравлениями, говорят о том, как они ценят мое религиозное пение. Я рада, что мои песни доходят до людей. Нет, это не жажда успеха и не тщеславие — мне они безразличны. Это радость от того, что мое послание было услышано. Мои песни говорят о любви, сострадании, они несут людям надежду. И мое сердце переполняет радость, когда я понимаю, что многие разделили мои чувства.

Такси мчится по улицам Гонконга, увозя меня в отель, а я с вздохом выпрямляю ноги. Устала. По прошествии нескольких дней я улетаю в Мюнхен, затем в Мадрид, где у меня запланирован еще один концерт. И только потом я смогу вернуться в Катманду, в квартал Боднатх, тот самый, где я появилась на свет тридцать семь лет назад. Да, я устала, но я счастлива. Благодаря этому концерту я заработала немало денег, которые пойдут на обеспечение школы. А остальное не важно. Голос — мой рабочий инструмент. Я веду бесконечную битву против бедности и невежества. Ведь именно бедность и невежество виной тому, что сотни девочек в Непале и Тибете уходят в монастырь, чтобы избежать ада повседневной жизни. И каждая становится монахиней, чтобы не превратиться в домашнюю рабыню, чтобы ее не выдали замуж за грубого мужлана, который будет бить свою жену и заставит ее работать как лошадь. Мне это слишком хорошо знакомо, ведь я — одна из этих девочек. В десять лет я решила, что никогда не выйду замуж. Что никому больше не позволю поднять на себя руку. И в первую очередь — моему отцу.

Отец... Как я его любила! Как я его ненавидела! Он избивал меня, как собаку. Он восхищался мной, как богиней. В моей жизни было два главных мужчины, которые сделали меня такой, какая я есть. Мой отец — потому что он меня бил; мой буддийский учитель — потому что он меня любил. Я обязана им всем, что у меня есть, и я никогда их не забуду. Если бы не ярость одного и сострадание другого, то сегодня я, вне всякого сомнения, была бы женой какого-нибудь торговца старше меня лет на двадцать, покорной супругой, которая, как большинство тибетских женщин, утром обязана гото-

вить, днем — убираться, а ночью — ублажать мужа. Читала бы кое-как, по слогам, но меня бы это не сильно волновало, потому что многочисленные дети занимали бы все мое время, не оставляя мне ни минуты на бесплодные мечтания. Я была бы зависимой и бесправной — сама того не сознавая. Но я избежала этой судьбы. Мне повезло.

«Ваши песни так успокаивают, они помогают мне избавиться от напряжения, у вас такой нежный голос, спасибо вам!» — часто слышу я после концертов.

Нежный голос... Да, я могу быть нежной. Я маленького роста, и многие утверждают, что в моем лице, осанке, манере держать себя есть какая-то хрупкость, слабость. Выбритый лоб, оранжевые одежды — отличительные черты моего религиозного статуса — подразумевают скромность и сдержанность. Я не люблю резкость, грубость, говорю довольно тихо, стараюсь мило улыбаться. Буддизм и медитации наполняют меня внутренним спокойствием и безмятежностью.

Но даже если я веду себя женственно, во мне есть твердость и решительность, перед которыми склоняются многие мужчины. Внутри меня таится клубок беспокойных частиц. В нем, словно лава в центре Земли, бурлит энергия и сила, которая толкает меня вперед. Этот самородок необработанной воли — мой главный союзник сейчас. Еще вчера кипучая энергия могла мне навредить. Иногда она уводила меня с правильного пути. В ней все еще осталось много ярости и много злобы. Словно прирученный тигр, она притаилась в моем сердце, в моей душе — такая домашняя и вместе с тем неискоренимо дикая. Я воин. И мое оружие — Любовь и Сострадание.

I
Меченная

Я родилась в Катманду, в квартале Боднатх. Это маленький кусочек Тибета, затерявшийся в Непале. Большая каменная дверь обозначает вход в наш район. До нее — Непал. За дверью — мы. Улицы разбегаются во все стороны от *stupa* — огромного буддистского храма, расположенного в самом центре квартала. Мама часто с гордостью говорит, что наш храм один из самых больших в стране. Вечером там собирается много семей, чтобы помолиться и обсудить последние новости. У жителей Тибета давно вошло в привычку прогуливаться вокруг своих храмов, причем всегда в одном направлении, слева направо — это очень важно; они мимоходом задевают крылья молитвенных мельниц, закрепленных на стенах, и негромко произносят священные тексты. Тысячи треугольных флажков — разноцветных *lung-tas* — хлопают на ветру. Слышатся разговоры тибетских торговцев, многие люди пьют *po-cha* — чай с прогорклым маслом из молока яков; возле храма можно купить *momos* — пельмени с мясом или с овощами, такие же вкусные, как в Лхасе, столице Тибета. Рядом с нами живут непальцы, и всех вполне устраивает такое соседство. В моих венах течет тибетская кровь родителей, но сама

я считаю себя тибето-непалкой и очень горжусь тем, что появилась на свет в стране Будды.

Мои родители по отдельности покинули родную страну в пятидесятых годах двадцатого века, когда китайские коммунисты захватили Тибет и начали убивать и сажать в тюрьму всех, кто противился их режиму. Мама с папой оба приехали из Камы — области на востоке, но из разных деревень.

Так как их семьи пользовались достаточным уважением, сначала они обосновались в Индии, где у них было много знакомых. Родители почти ничего не рассказывают о том, как они жили прежде. Иногда по вечерам, когда к нам приходят гости, я слышу, как они делятся воспоминаниями. Нельзя сказать, что тут им плохо живется, напротив, гораздо легче, чем в горах, откуда им пришлось бежать. Как и многие наши соседи, мама с папой носят традиционные тибетские одежды: платья, застегивающиеся спереди и перевязанные куском цветной ткани на поясе. Папа на две головы выше других мужчин; у него длинные волосы, которые он собирает в тонкий конский хвост. У мамы тяжелые черные косы, спускающиеся почти до колен. Она помогает папе с работой и, конечно, делает все по дому. Мы живем все вместе в одной комнате. Здесь мы работаем, готовим, едим и спим. Все делаем. Именно здесь папа изготавливает религиозные статуэтки. Это довольно трудная работа, для нее нужны полный покой и сосредоточенность. Когда поздно вечером папа откладывает в сторону инструменты, вдоль стены выстраивается множество статуэток. Для работы папа использует несколько формочек, в которых плавит бронзу и медь. Потом он красит фигурки при помощи опасных материалов — мне

к ним нельзя прикасаться. Я плотно прижимаюсь к противоположной стене и вдыхаю странные запахи. От них у меня туман в голове, потом я чувствую себя как-то странно, все вокруг плывет и качается. Запах из бутылочек с черепами уносит меня все дальше и дальше от реальности. Я люблю наблюдать за тем, как папа работает, сижу тихо-тихо, чтобы ему не мешать.

Когда мои родители познакомились, они уже были влюблены. Но не друг в друга. Папа жил с женщиной, которую считал своей второй половинкой. У них родился сын — мой сводный брат. И они были очень счастливы. А мама всем сердцем любила одного тибетского военного, которого видела очень редко, потому что он постоянно разъезжал по делам службы. Она постоянно писала ему письма (мне это всегда казалось очень романтичным). Потом у них родилась дочка. Маминому отцу совсем не нравился ее выбор. Я видела дедушку всего один раз в жизни, но и тогда он не раз упоминал об этом мужчине и ругал его почем зря. Когда папина жена умерла (это произошло в Индии), маму сразу же выдали за него замуж. Да, так все и произошло, она даже слова сказать не успела. Дочери не обсуждают решения отцов. Таковы местные обычаи: судьба детей решается родителями. У них не было даже брачной церемонии. На это не хватало ни времени, ни денег. Их просто свели вместе, вот и все.

В любом случае, никто и не хотел устраивать праздник: папа только что потерял свою возлюбленную, мама давно не получала вестей от своего мужа, поэтому ей пришлось отдать дочь на воспитание его отцу и тете. И однажды утром, с сердцем, переполненным горечью отчаяния, она переступи-

ла порог своего нового дома. Ее второй муж был на двадцать пять лет ее старше. Чтобы она прекратила плакать, ей рассказали, как ее возлюбленный безропотно принял финансовую компенсацию от моего папы — тот заплатил ему за его жену. Таковы обычаи Тибета: можно за деньги забрать чужую супругу. Этот человек не сделал ничего, чтобы вернуть ее, он просто взял предложенную сумму. Мама думала, что ее сердце разорвется от горя — ведь ее легко забыл тот, кому она отдала всю свою любовь. Но она смирилась. Не знаю, плохо это или хорошо, но я появилась совсем скоро после их свадьбы. Я — дитя принудительного брака.

Мама родила дома, на десятый день четвертого месяца по лунному календарю, в год Крысы. По крайней мере, так она мне всегда говорила, но мне кажется, что она не помнит точной даты. Здесь этому не придают большого значения. Мама была беременна восемь раз, но выжили только четверо детей. Один из двух. Смерть так же сильна, как и жизнь. Круговорот жизни и смерти слишком сложен, чтобы останавливаться на каком-то конкретном числе... Когда меня спрашивают о дате моего рождения, я, не испытывая большого желания вступать в бесконечный разговор о том, почему я не знаю день своего рождении, отвечаю: «Четвертое июня 1971 года» — и все довольны.

Как только мне исполнилось пять лет, мама решила, что я уже достаточно взрослая, чтобы ей помогать. Рот, который требует еды, должен зарабатывать свой хлеб. Я должна была обеспечивать дом водой. Каждое утро и каждый вечер я брала два ведра и шла к общественному фонтану, минуя несколько улиц. Было тяжело, и я шла осторожно,

чтобы не расплескать воду. Мне очень нравилось помогать маме, и я радовалась любой возможности что-то сделать для нее. Я прекрасно видела: мама несчастна, хотя она никогда по-настоящему не жаловалась. Папа часто приходил домой пьяный и избивал жену за любой пустяк. Когда у него заканчивались силы, он падал на кровать или прямо на пол и засыпал. Под звуки его пьяного храпа я подползала к маме и прижималась к ней. Я осторожно дула ей в уши — это была единственная известная мне ласка. И мы засыпали, обняв друг друга, лежа на ледяном бетоне, подальше от родительской постели. Когда холод становился совсем невыносимым, мы просыпались, и мама уходила на свою кровать и укладывалась рядом с мужем, словно ничего не произошло. А я ложилась в свою постель, стоявшую в углу. Прижималась спиной к стене, словно хотела ее оттолкнуть, и обхватывала руками колени. В таком положении я могла наблюдать за родителями и видеть, все ли хорошо. А если отец вдруг просыпался и вспоминал о своем долге, грубо раздвигая бедра безропотной жены, я отворачивалась, чтобы не смотреть, но я все слышала.

В шесть лет я начала угадывать настроение отца по его злобному взгляду, по тому, как сжимались и разжимались его челюсти, хотя во рту ничего не было. Но он точно что-то жевал. Только вот что? У него всегда в запасе была пара причин для побоев. Очень скоро мамины страдания перестали утолять его ярость. Сначала она пыталась меня защитить, но безуспешно. Когда отец ударил меня в первый раз? Мой мозг предпочел стереть воспоминания об этом, но я была уже достаточно взрослой, чтобы не забыть.

В то утро я работала на улице вместе с нашими соседками (их обеих звали Долма). Одна из них придумала соревнование: кто лучше начистит посуду. Алюминий чернел при контакте с огнем, и кастрюли приходилось долго скрести для того, чтобы они снова засверкали. Мы сидели перед домом, на маленьких ступеньках, чтобы не запачкать одежду, и, вооружившись пучками листьев маиса и соломы, как одержимые терли стенки посуды, стремясь уничтожить малейшие пятнышки копоти. Мы смеялись, представляя, что эти кастрюли сделаны из серебра, а не из алюминия. На самом деле мы никогда не видели настоящего серебра, но Долма рассказывала, что оно есть в монастыре. Я сосредоточенно терла пятно на дне кастрюли. И до такой степени ушла в работу, что не услышала, как меня зовет отец.

Вдруг он возник прямо передо мной. Огромный и пугающий. Я сидела на земле, поэтому он показался мне похожим на великана (я сразу подумала о рисунке, который видела в одном журнале, когда последний раз ходила в бакалейный магазин) или на зеленого монстра, на чьих мускулах с треском рвалась рубашка, с угрожающим видом наблюдающего за маленьким человечком. Что со мной будет?

— Помо, ты что тут делаешь? Я тебя ищу уже десять минут!

Помо по-тибетски значит «девочка», меня все так зовут. Мое настоящее имя — Дролма Тсекуид, но им никто не пользуется. Я всегда была Помо. Девочкой.

— Прости, папа, я тебя не слышала, мы играли в *dohori*, пока чистили посуду.

Dohori это такая словесная игра. Ты поешь какую-нибудь фразу, и тебе должны ответить в рифму.

— Значит, *dohori*?

Он хватает меня за волосы и поднимает вверх, как куклу. Я не могу освободиться и, чтобы не было очень больно, становлюсь на цыпочки, пытаюсь стать выше — только тогда мне удается поспевать за ним. Я знаю, что если упаду, то он потащит меня за волосы по земле. Ноги заплетаются, а руками я инстинктивно хватаюсь за него. Он останавливается и грубо отталкивает меня. И я падаю. Одна и другая Долма уже успели сбежать.

Я съеживаюсь возле подпорки у входа в наш дом. Отец идет внутрь, я — за ним.

— Ты прекрасно знаешь, что мне нужна твоя помощь!

Он раскладывает кисти, говорит тихим голосом — а я почему-то трясусь от страха. Позже я заметила, что чем больше времени проходит между тем моментом, когда я совершаю ошибку, и тем мгновением, когда он меня исправляет, тем сильнее он бьет меня. Если он не может наказать меня сразу, то начинает спокойно и размеренно заниматься своими делами. Но никогда не забывает о задуманном.

— Сейчас мне надо сходить к твоему дяде, забрать мешок *tsampa* (мука из обжаренного ячменя, которую очень любят тибетцы). Накажу тебя, когда вернусь. Из-за тебя я ухожу, не попив чаю. Хорошенько подумай об этом, Помо.

И он выходит, весьма довольный собой.

Мое сердце бьется так громко, что мне кажется, будто его слышно даже на улице. Так громко, что

заглушает все остальные звуки. Я знаю, что папа с дядей будут пить *tschang*, тибетское пиво, которое делают из перебродившего риса. Если папа возвращается в сопровождении сладковатого запаха *tschang*, он выходит из себя еще быстрее, чем обычно. В такие дни любой взгляд может его спровоцировать.

Мама ушла — не знаю куда, — ее не будет несколько часов. Знаю только, что вечером я останусь один на один с отцом, а это точно не предвещает ничего хорошего. Кроме меня, дома никого нет. Мне вдруг показалось, что воздух сгустился и потяжелел, стало трудно дышать. Я стою на одном месте, совершенно потерянная, и до самого вечера не решаюсь присесть или уйти. Наконец отец возвращается. Ни слова, ни взгляда, только сладковатый запах и тяжелая походка. Включает свет, садится в углу своей мастерской и начинает точить инструменты. Я готова. Прятаться бесполезно. Но он так увлечен работой, даже насвистывает что-то себе под нос. Кажется, что он забыл обо мне. Желудок у меня сжимается до такой степени, что меня сейчас стошнит. Это пытка.

Может быть, он все-таки забыл? Или в конце концов решил, что я не сильно провинилась? Я была настолько охвачена страхом, что никак не могла понять, почему он не обращает на меня внимания. Мысли стремительно крутились в моей голове. Если отец не изобьет меня сегодня, то сделает это завтра — за что-нибудь еще. И сразу же вспомнит, что накануне я избежала наказания. Решит, что я непослушная девчонка, которая вздумала его провести. Если я повинюсь сейчас, то, наверное, это произведет на него хорошее впечатление.

— Папа, папа, ты кое-что забыл... Помнишь, недавно мы играли в *dohori*, и твой чай...

Отец отрывает глаза от ножа. Слегка удивленно смотрит на меня. Думаю, что он мною гордится. Его глаза блестят в полутьме комнаты. Лампа освещает его снизу, он словно окружен трепещущим оранжевым ореолом, — и внезапно я понимаю, что на самом деле у него безумный вид. Он не горд, он безумен. И пьян в стельку. Он швыряет в меня свой нож. От страха я не могу пошевелиться. Деревянная рукоятка дрожит рядом с моей головой. Отец хватает зубило и снова прицеливается. Он явно хочет меня убить. Становится на четвереньки, потом поднимается и начинает приближаться. Я вижу, что у него в руках больше нет инструментов. Я падаю на пол и пытаюсь спрятаться за толстым одеялом, под которым всегда сплю. Ну, вот и началось. Он бьет меня по спине, по ногам, по голове — везде, куда может дотянуться. Я свернулась клубком, мне нечем дышать, чтобы задушить слезы, я впиваюсь зубами в одеяло. Мои крики лишь распаляют его. Он слишком пьян и не понимает, что одеяло меня защищает, — и даже не пытается его сдернуть. В конце концов он останавливается. Я не двигаюсь. Он говорит, что устал, что не понимает, почему я все время огорчаю его — своего отца, который работает не покладая рук, чтобы обеспечить мне и матери нормальное существование... Минут десять он продолжает подогревать в себе злость, потом падает на кровать. На этот раз мне повезло.

Отец находит повод для того, чтобы избить меня, почти каждый день. Объясняет, что наказывает меня часто только для того, чтобы я делала меньше глупостей. Но я не замечаю никакого прогресса,

наоборот, дела идут только хуже, потому как теперь я все время покрыта синяками и ссадинами. От меня требуют, чтобы я хорошо себя вела, но я никогда не знаю, что может разозлить отца. Если он голоден, а я еще не успела приготовить еду, то он бьет меня по голове; если зовет меня, а я откликаюсь недостаточно быстро, если я медленно мою посуду, запинаюсь, читая молитвы, если долго не могу успокоить плачущего младшего брата, о котором забочусь, словно я его мать... Если, если, если... Отец всегда находит причины, чтобы выплеснуть ярость, бурлящую в его крови. Словно бешеный, одержимый дьяволом, он хватает все, что попадется под руку: ножи, тарелки, сковородки, провода... Бьет меня изо всех сил, никогда не сдерживается. Избивает меня и не боится, что может мне что-нибудь сломать или повредить. Словно хочет полностью меня уничтожить.

Он — мой отец, значит, имеет право меня бить, делать со мной что угодно. Я никому не жалуюсь. Но не понимаю, зачем он бьет меня так сильно. Именно это кажется мне самым несправедливым. Я живу в постоянном страхе. В страхе, что я сделаю что-нибудь не так, что меня снова изобьют. В детстве отца часто бил его отчим — он мог поясом исполосовать ему в кровь всю спину, — поэтому он прекрасно знает, что ожидание боли куда мучительнее, чем само страдание. Словно ты идешь по краю пропасти и знаешь: в любой момент земля у тебя под ногами может обвалиться. Падение неизбежно, но тебе неизвестно, что послужит тому причиной и каковы будут последствия.

Тем не менее отец ни разу мне ничего не сломал. У меня вся спина в синяках, тело постоянно ломит,

но он редко бьет меня до крови. До тех пор, пока однажды случайно не рассекает мне лоб.

Это тоже произошло дома. Мама ушла на базар, я осталась с отцом. Мы готовили *tsampa*: добавляли чай, масло, пробовали, что получилось, подсыпали сахар. Это основное кушанье в нашей семье. Каждый раз, когда папа доверяет мне какое-нибудь ответственное дело, я внутренне дрожу от страха. Сейчас я сижу рядом с ним и держу мешок, из которого он пересыпает муку при помощи металлического стаканчика. Все идет хорошо. Но через пару минут его рука задевает мешок, и немного муки просыпается на пол. Он сам виноват, но расплачиваться придется мне.

— Дура. Дурра!

— Папа, прости, прости, я сейчас все уберу...

Отец молниеносно бьет меня по лбу металлическим стаканчиком с острыми краями. По лицу течет что-то влажное и теплое, я погружаюсь в уютное полубессознательное состояние. Нет, я не падаю в обморок, но все вокруг как в тумане. Мне жарко и больно. Кровь течет по лбу, заливает глаза, я пытаюсь вытереть ее руками и шмыгаю носом. Я не осмеливаюсь смотреть на отца, мне стыдно. Я ни в чем не виновата, но заслужила это. Папа каждый день работает, чтобы купить нам муки.

— Прости, папа, мне очень жаль...

Я чувствую себя виноватой, сама не знаю в чем. Отец молча наклоняется надо мной, достает из кармана платок и, прижимая его к ране, пытается остановить кровотечение — скорее грубо, чем нежно, но также очень осторожно. Лицо у него при этом остается совершенно бесстрастным. По прошествии нескольких минут он встает и бросает стакан

на пол. Стакан ударяется о землю с глухим стуком, подпрыгивает, а потом подкатывается к моим ногам. Отец выходит из комнаты, ни разу не обернувшись. Я чувствую себя ужасно глупой.

Я никогда не забуду этот день; у меня до сих пор на лбу остался шрам, сантиметра четыре длиной. Я знаю, что люди смотрят на него и гадают, откуда он взялся. Шрам яркой полосой выделяется на моей бритой голове. Иногда меня спрашивают, как я его получила. Вместо ответа я показываю другой шрам, тоже на лбу, — он появился в результате небольшой автомобильной аварии. Я стараюсь никогда не вспоминать об этом периоде моего детства.

Мне больше нравится воскрешать в памяти счастливые моменты, проведенные с отцом, например, когда он решил, что я уже достаточно взрослая и мне пора читать молитвы, или когда брал меня на руки и укачивал как младенца. Папа действительно мог быть замечательным человеком. Все считали его радушным хозяином; его двоюродные братья из Тибета, бежавшие в Индию, всегда знали, что если они придут в наш дом, то их обязательно встретят отменным угощением. Эти моменты кажутся настолько яркими, что иногда я могу расплакаться, вспоминая о том времени. А плохие воспоминания словно укутаны густым туманом, они меня почти не трогают.

2
Младшая сестра Брюса Ли

Мама скоро родит мне второго младшего брата. Ей трудно передвигаться, имея огромный живот, поэтому я делаю все возможное, чтобы ей помочь. Однажды утром она поднимает мешок риса (нам принесла его жена маминого брата) — и вдруг складывается пополам, а потом падает на колени. Низ ее платья быстро темнеет. Мама кладет руку на живот и кричит:

— Помо, начинается, начинается, скорее приведи отца!

Но я не хочу никуда идти, я хочу остаться рядом с ней.

Незадолго до этого к нам в гости приехала теща моего старшего брата Лоду Кунчапа, первого папиного сына. Она сразу же укладывает маму на циновку. Я стою рядом, прямо перед маминими ногами, и все вижу. Никто не додумался сказать мне, чтобы я вышла. Я уже один раз видела, как на улице щенилась собака, но тут все совсем не так. Столько крови, столько криков, у меня голова кружится от страха за маму. Но я не хочу лишиться чувств. Мама закатывает глаза, а мне кажется, что все вокруг окраси-

лось в красный цвет: ее лицо, живот, кровать и то, что появляется у нее между ног. Я смотрю на эту женщину в луже крови, теряющую сознание от боли, и не узнаю в ней свою любимую маму. Головка не выходит. Соседка хватает маленькие скользкие ножки: мой брат выходит попой вперед. Мне уже семь лет, и я прекрасно знаю, что это может очень плохо кончиться. Меня трясет. Папа заходит в дом и бросается к маме. Он пытается ей помочь, но я ясно вижу, что он толком не знает, что надо делать.

— Нужно отвезти маму в больницу, папа, пожалуйста, отвези маму в больницу!

— Все тибетские женщины рожают дома, я не вижу причин для того, чтобы делать исключение!

Отец старается говорить уверенно, но голос у него дрожит. Впервые вижу его неуверенным в себе. В любом случае, у нас нет денег, чтобы отвезти маму в больницу.

Ребенок наконец вышел. Глаза у него закрыты.

— Он не кричит, — замечает соседка.

— Йеши, ребенок мертв... — вздыхает папа.

Действительно, он не подает никаких признаков жизни.

— Подождите, не перерезайте пуповину...

Мама, почти потерявшая сознание от боли и напряжения, вдруг садится и пытается собраться с силами. Она словно не слышит, что говорит отец. Берет в руки ребенка, все еще связанного с ней, и начинает облизывать. Легкими движениями языка она осторожно очищает его нос и рот от слизи — так кошка облизывает котенка... Наверное, глубокий природный инстинкт подсказал ей решение. Я видела, что так же делали собаки со своими щенками.

— Он плачет, плачет!

Младенец вернулся из царства мертвых и прилежно запищал. Я смеюсь, неожиданно для самой себя бросаюсь к папе, он обнимает меня и тоже издает счастливые возгласы. Потом поднимает меня на вытянутых руках, словно это я только что родилась. Мама, сотворив чудо, снова погружается в полубессознательное состояние. Вскоре папа решается отвезти свою жену и новорожденного сына, Карма Шоесанга, в больницу. Мама так ослабела от потери крови, что у нее нет сил на то, чтобы вытолкнуть плаценту. Тут уж ей могут помочь только врачи. Я остаюсь дома со своим маленьким братом, Кармой Пхунсок Сомнамом; ему уже три года.

Мои младшие братья стали моими детьми. До сих пор моими единственными друзьями были щенки, я тайком подкармливала их из детской бутылочки, которую откопала в мусорной куче. Мне всегда приходилось одеваться в одежду, которую до меня носили уже четыре поколения, поэтому футболки болтались на мне мешком, а штаны были застираны до дыр... Не знаю, где папа доставал эти вещи, скорее всего, покупал в гуманитарных ассоциациях. Я не спрашивала и радовалась тому, что есть. На мне эта одежда чаще всего заканчивала свое существование. Когда отец давал мне какие-то вещи, они были слишком велики. Он приносил другие — но они уже были малы. Единственное, чего у нас дома всегда хватало, так это еды. Меня всегда кормили досыта: мясом, овощным супом *dhal bat*. Папа считал это делом чести. Что касается остального... тут нам редко приходилось радоваться. Я еще не ходила в школу, и моими единственными игрушками были всякие штучки, которые я подбирала на улице. И конечно, мои младшие братья...

Мне нравится, что они от меня зависят. Когда мама сбежала из дому, чтобы укрыться от бешеного нрава отца, и ее не было несколько дней, я осталась с братиками. Они заставляют меня чувствовать свою значимость. Конечно, иногда я просто выхожу из себя, особенно когда приходится стирать их пеленки. Карма Шоесанг родился зимой, в эту пору вода в главном фонтане замерзает. Я моюсь один раз в неделю, и воду приходится брать у соседей. Они делают домашнюю наливку, поэтому им нужно много воды: они нагревают ее, а потом переливают в большой чан. Когда вода остывает и пара становится недостаточно, я могу забрать ее и привести себя в порядок. Тогда я прячусь за домом и с наслаждением моюсь. Но теплой воды все равно не хватает, поэтому мыть посуду и стирать одежду и пеленки братьев приходится в ледяной воде. От этого трескается кожа на моих несчастных, сильно озябших руках, и я не могу их даже согнуть — совсем как бабушка Долмы.

Я не понимаю, как мой братик, такой маленький, такой миленький, может столько из себя извергнуть. Но стоит ему только захныкать — и я тут же бросаюсь менять ему пеленки. Думаю, что это и есть любовь: вытирать неприятно пахнущую попку крошечного плачущего существа и при этом чувствовать, как сердце переполняет нежность. Забота о брате делает меня добрее. Наверное, именно благодаря малышам и маме в моем сердце все же ожила любовь, хотя душа моя была готова зачерстветь и высохнуть от страданий.

В девять лет я веду себя как маленькая разбойница. Соседи даже называют меня Брюсом Ли. Наверное, из-за того, что у меня такая же стрижка —

под горшок. И мне очень нравится это прозвище, потому что я люблю Брюса Ли. Я хочу научиться драться, как он, стать такой же сильной, так же разбивать ударом кулака кирпичные стены и побеждать во всех схватках. Меня побаиваются даже те ребята из нашего квартала, которые старше. И меня это очень радует. Все же я еще очень маленькая. С виду мне не дать больше семи лет. Но зато я ничего не боюсь. Одним ударом больше, одним меньше — какая разница? В любом случае, никто не сможет причинить мне большую боль, чем родной отец. Это наполняет меня опьяняющим чувством могущества. Больше всего мне нравится нападать на мальчишек, которые старше и сильнее меня.

У наших соседей два сына, оба толстые и глупые. Однажды утром я увидела, как один из них, Лекхи, бьет свою младшую сестру. Он повалил девочку на землю и хлещет ее пластиковой трубкой — не очень больно, только чтобы сестра заплакала. Меня мгновенно охватывает ярость. Хватаю камень и швыряю ему в спину. Он мгновенно бросается за мной в погоню, я пытаюсь убежать по грязным улочкам Боднатха и добираюсь до границ нашего квартала. Я гораздо быстрее толстяка, но прятаться некуда. Оборачиваюсь и вижу: плетется, красный, потный, спотыкается. Знаю, что скоро он отстанет. Поэтому поворачиваюсь, смотрю на него, подбрасывая камень в руке.

— Помо, да что тебе от меня нужно, почему ты не можешь спокойно сидеть дома? Занимайся своими делами…

— Оставь в покое свою сестру, она же ничего не сделала, она совсем маленькая.

На самом деле мне не очень хочется драться. Если Лекхи отступает, значит, признает себя побежденным. Ему прекрасно известно, что я дерусь, как бешеная собака, — а бешеные собаки никогда не отпускают свою жертву. Однажды Лекхи увидел, как я колочу кулаками по стене соседнего дома — на нашей улице он единственный из бетона, а не из самана. В тот день у меня было плохое настроение. Я подошла к стене, прижалась к ней лбом и носом. Крупицы слюды, содержащиеся в бетоне, поблескивали на солнце. Вблизи они казались огромными, прекрасными, как маленькие алмазы. Я прижала кулак к стене. Крепко-крепко. Острые песчинки оставили красивый белый узор на моих пальцах. Попрежнему прижимая кулак к стене, я легонько провела им по бетону. Кожу словно обожгло. Кулак покраснел, костяшки пальцев немножко ободрались. Из маленьких царапин выступила красная блестящая кровь. Я провела второй раз, резко, сверху вниз. Даже не думала, что будет так больно. Потом я начала бить кулаком по стене, сначала тихо, осторожно, почти смущенно, потом все сильнее и сильнее. Слезы подступили к горлу, но я только крепче сжала зубы, запрокинула голову, чтобы не расплакаться, — и тут увидела Лекхи, который, открыв рот, наблюдал за мной из окна. Он смотрел на меня как на сумасшедшую. Все, отныне у меня репутация бешеной.

Дома я старалась вести себя как можно тише. Мне никогда не приходило в голову ставить под сомнение авторитет родителей. У меня даже мысли не возникало том, чтобы поднять руку на отца или дать ему сдачи. Но после каждых побоев я становлюсь тверже, жестче. Я упрямая. Очень упря-

мая. Конечно, я боюсь отца, но это не мешает мне иногда делать то, что хочется. Я очень люблю смотреть фильмы, снятые в Болливуде, — причем до сих пор люблю! В Боднатхе нет нормального кинотеатра, но некоторые торговцы в нашем квартале организуют платные показы, используя свои телевизоры. Конечно, я могу ходить на просмотры только после того, как сделаю всю работу по дому. Но индийские фильмы очень продолжительные, иногда длятся по три часа. На протяжении трех часов я полностью свободна от отца. Это приводит его в бешенство, он запрещает мне ходить на просмотры, к тому же он считает индийские фильмы глупыми и разрушающими мозг. Но иногда, когда у меня уже не остается сил, чтобы терпеть, или когда одна из соседок совсем заинтригует меня рассказами о новом фильме, я не выдерживаю. Покупаю билет на просмотр фильма, который идет как раз во время обеда или ужина, поэтому приходится сбегать из дому с пустым желудком, в надежде что отец, слишком занятый едой, не будет меня искать. Но каждый второй раз, когда я возвращаюсь, с головой в облаках и сердцем, полным романтики, меня встречают со специально подготовленным хлыстом из электрических проводов. И я говорю себе, что две рупии плюс трепка — вполне достойная плата за фильм!

При всем том мне ни разу не приходило в голову ненавидеть себя или как-то недооценивать. Я никогда не думала, что заслуживаю того, что со мной происходит. Я не пыталась обратить свою ярость на саму себя, но при этом мне удалось развить в своей душе определенную твердость. В конце концов, я очень редко плакала. Нет, я не радовалась тому,

что отец меня бьет, но смирялась и покорно принимала такую судьбу. Благодаря этому я научилась укрощать боль. Ведь знакомую боль легко можно приручить, достаточно лишь не обращать на нее внимания и просто ждать, пока она уменьшится и совсем исчезнет. Не придавать ей особого значения. Вообразить ее в виде чего-то, что можно в случае необходимости убрать в коробку. Как только отец прекращает меня бить, часть меня забывает об этом. Такова моя судьба. Я инстинктивно стараюсь настроиться на то, что дарит мне счастье и доставляет удовольствие. На маму, братиков, на фильмы, снятые в Болливуде.

Вечером, после ужина, когда все домашние дела окончены, я иду гулять с малышами. Старшего держу за руку, а младшего прикрепляю к спине при помощи пеленок — получается маленький смеющийся кулек. Мы идем по улочкам Боднатха к храму, который находится совсем недалеко от нашего дома, — там обычно собираются все жители нашего квартала. Я периодически встряхиваю младшего брата — это движение отзывается болью в моих отбитых почках, зато малыш заливается смехом. А вот старшему брату приходится почти бежать, чтобы поспеть за мной, но он тоже счастливо улыбается, довольный прогулкой. Нас переполняет веселая энергия, и чтобы хоть как-то ее выплеснуть, мы начинаем бегать по ступеням *stupa.* Я не чувствую усталости и не замечаю, как бежит время. Только когда младший брат вдруг вцепляется ручонками мне в волосы, боль напоминает о том, что отец будет в ярости. Еще бы, ведь меня столько времени не было дома. После нескольких счастливых мгновений его тяжелые ку-

лаки вернут меня в суровую реальность. Ну да ладно: миг радости того стоил. Но все-таки частичка меня омертвела в те годы. Так же как мое тело до сих пор хранит следы отцовского гнева, душа моя покрыта трещинами и вмятинами, которые никогда не сгладятся.

3
В поисках укрытия

Конечно, мою жизнь нельзя назвать счастливой, она скорее ужасна, но я привыкла. А вот из-за маминых страданий действительно разрывается мое сердце. Папины кулаки сминают мою хрупкую маму, как тряпичную куклу. Я больше не могу это выносить.

Она всегда старается меня поддержать, а у меня никак не получается ее защитить и хоть как-то ей помочь. Я могу убираться, смотреть за детьми, показывать ей свою любовь, могу вместо нее вести домашнее хозяйство, но у меня никак не получается сделать ее счастливой, хоть как-то облегчить ее душевные страдания. А ведь для меня нет никого дороже мамы. Отец избивает меня каждый день, но маму он бьет с особенной ненавистью: он знает, что так может мне причинить боль. Его ярость питается ревностью: он никак не может смириться с удивительным согласием, царящим между нами. И он заставляет нас платить за ту безграничную любовь, которая ему недоступна. Очень дорого платить.

Как-то раз, вернувшись с прогулки к храму, я обнаруживаю маму лежащей на земле. Она держится правой рукой за поясницу и пытается подняться, опираясь на стену. Оленьи рога — подарок одного папиного знакомого, обычно висящий на стене, —

теперь валяются на полу. Украшение дома превратилось в пыточное орудие. Мама поворачивается ко мне, бледная, с запавшими глазами, и я вдруг понимаю, как она постарела.

Маленький столик, на котором обычно лежат молитвенные четки и стоит фотография далай-ламы, отброшен в сторону. Сейчас я уже не помню, что конкретно произошло в тот день. Может, мама недостаточно быстро подала отцу ужин? Или отважилась спросить, почему его не было дома? Не важно... Он грубо толкнул ее, чтобы она замолчала. Она ударилась о стену, а когда попыталась сохранить равновесие, нечаянно опрокинула большой металлический сундук, куда мы обычно складываем вещи. Тогда отец сорвал со стены рога и принялся бить маму по спине.

Я почувствовала, как во мне закипает злость — подобно лаве в жерле вулкана. У меня темнеет в глазах от ярости. Чтобы сдержать ее, я рефлекторно щипаю за ножку малыша, который, как обычно, висит у меня за спиной. Я понимаю, как это несправедливо, просто он оказался рядом в самый неподходящий момент. Перепуганный братик начинает плакать.

— И только попробуй сказать, что ты его не ненавидишь! — кричу я маме.

Злость сковывает мои движения. Я судорожно сжимаю кулаки, мне кажется, что, если я сделаю хоть шаг, последствия будут ужасны. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, перед тем как помочь маме подняться. Отец так сильно избил ее, что мне приходится практически нести ее на себе. Она не намного крупнее меня (к тому времени мне уже ис-

полнилось десять лет). Мне удается довести маму до кровати.

— Брось его, уходи, зачем ты остаешься? Уезжай к своему брату, пожалуйста, мама, отец убьет тебя…

— Не говори глупостей, Помо… А что после этого? Что я буду делать? Кто будет меня кормить? Ты? Что бы я ни сделала, куда бы ни ушла — здесь мой дом и моя семья. Я должна заботиться о своих детях. И потом, ты же знаешь, когда твой папа не теряет над собой контроль, он самый лучший муж и отец.

— *Когда, когда, когда*!.. Да он каждый день *теряет над собой контроль*! К счастью, он хотя бы изредка ведет себя по-человечески… Ненавижу его!

Я раз за разом повторяю эти слова. Костяшки пальцев побелели — так сильно я вцепилась в изголовье кровати. Я больше ни о чем не думаю, ничего не чувствую, я все еще здесь — но уже теряю связь с реальностью. Братик до сих пор плачет, и я вдруг понимаю, как виновата перед ним. Это же невинный младенец, так за что я его обидела? Я ненавижу жестокость, растущую в моей душе. Но зато прекрасно знаю, откуда она берется: ведь ярость может передаваться от отца к дочери, не так ли? У меня начинают дрожать губы, я стараюсь сдержать слезы, подступившие к глазам.

— Помо, доченька, что такое?

Мама сидит рядом со мной, я вижу, как она волнуется. Она мягко кладет руку на мой лоб. Такое легкое, нежное прикосновение, словно птица садится на ветку. Я открываю глаза. Мама пристально смотрит на меня и пытается угадать, что творится в моей голове. Ей прекрасно известно, какая буря бушует в моей душе. Она тихо накрывает мои паль-

цы, все еще судорожно сжимающие спинку кровати, своей теплой, шероховатой ладонью. Я смотрю на наши руки: у мамы рука красная, широкая, с потрескавшейся грубоватой кожей, у меня — маленькая, в царапинах. Внезапно на меня наваливается чудовищная усталость. Если бы я могла, то сползла бы на пол, совсем как ношеная рубашка, упавшая на землю и превратившаяся в бесформенную тряпку. Ярость уступила место изнеможению. Я чувствовала себя полностью опустошенной.

— Конечно, твой папа далек от совершенства. Но я никогда, никогда не смогу его ненавидеть. И знаешь почему?

— ...

— Потому что именно он подарил мне мое главное сокровище. Тебя и твоих братьев. Благодаря отцу у тебя есть крыша над головой. Благодаря отцу ты всегда ешь досыта. Он тебя вырастил и воспитал. Именно за это я буду ему благодарна до конца своих дней. И послушай меня, доченька. У твоего отца нет причин ненавидеть меня и вымещать на мне свою злость. Но этого хочет моя карма. Наверное, я очень плохо вела себя в прошлой жизни, и я плачу за свои ошибки теперь, так что хватит об этом говорить.

Я рада, что в мамином сердце столько терпимости и сострадания. С тех пор каждую неделю, заметив, что во мне растет ярость, она начинает меня успокаивать. Мама хочет, чтобы я поверила в то, чему она сама верит, ведь вера действительно спасает ее в самые ужасные времена. Она защищала меня, с помощью бесконечных разговоров и постоянного внимания и ласки поддерживала в моей душе ростки доброты, открытые всем ветрам и бурям. Долгие часы уборки и готовки превратились в уро-

ки терпимости и сострадания, мы разговаривали, разговаривали, и я наконец-то почувствовала, что в моем сердце есть что-то, кроме страха и ненависти. Кухня стала местом, где в моей душе зародились все положительные начала, которые позже я развила при помощи учителя.

Мама, как и все буддисты, считала, что каждое действие непременно будет иметь последствия — в этой жизни или в следующей. Что все наши перерождения влияют на настоящее, да и оно является лишь очередным звеном цепи. И мне очень хотелось верить в то, что в следующей жизни ее щедро вознаградят за доброту и понимание.

В маминой душе нет бунтарства. А в моей есть. Это часть моей натуры. Я не хочу подчиняться. Не хочу быть рабой мужчины или превращаться в тупое безропотное животное. Лучше умереть, чем всю жизнь зависеть от того, с какой ноги встало существо, которое ничем от тебя не отличается, если не считать штуки между ног и права получать образование. Я смотрю на маму и понимаю, что мне не нужна такая жизнь. Мама говорит мне о любви, а я чувствую, как с каждым днем в сердце растет ненависть. По утрам я приношу отцу чай, днем таскаю воду для его работы, вечером мы ужинаем вместе — и чувствую, что больше не могу терпеть. Меня пугает его союз с мамой, поскольку в нем я вижу свое будущее. Кому отец решит отдать меня в жены? Не хочу, чтобы меня, как маму, выдали замуж за человека, годящегося мне в отцы, который будет обращаться со мной как со служанкой.

Внутри меня с каждым днем росла сила, душившая желание быть хорошей дочерью, которая чтит своих родителей и во всем их слушается.

И мама это прекрасно понимала. В плохо освещенной кухне она прижимала меня к своей теплой груди, плакала — и в промежутке между двух ее слезинок случился решительный поворот в моей судьбе. Наверное, я всю жизнь копила для этого силы и храбрость. Я просто спросила маму:

— Зачем ты вообще вышла замуж? Это самое ужасное, что может случиться.

— Не плачь, милая моя, не плачь...

— Я не хочу жить, как ты, не хочу становиться рабой мужчины, которому наплевать на мои желания, на мои чувства, который обращается со мной, как с вещью, и бьет, как животное! Я этого не вынесу!

— Но тебе же не обязательно это делать...

Мама на мгновение замолкает. Никак не решит, стоит говорить или нет. Я пристально слежу за ее губами.

— Я слышала об одном буддийском учителе, который живет недалеко отсюда, в монастыре. Все отзываются о нем очень уважительно. Тебе нужно как-нибудь к нему сходить... И сказать, что хочешь стать монахиней.

Монахиней? Такая идея никогда у меня не возникала, и сейчас это было подобно яркой вспышке озарения. Конечно! Если я стану монахиней, то не буду рабой мужчины — потому что никогда не выйду замуж! Я обрету свободу, недоступную женщинам, вступившим в брак... До сих пор я терпеливо сносила удары судьбы, не задавая вопросов. Дни шли непрерывной чередой, и я почти не думала о своем будущем. Но вдруг мама слегка приоткрыла мне дверь в лучшую жизнь — и я воспользуюсь своим шансом. Честно говоря, мама и сама не пони-

мала, как ей раньше не приходила в голову подобная мысль. А я тут же ухватилась за эту идею. Стать монахиней — для меня единственная возможность спастись. Поэтому надо все хорошо обдумать, ведь у меня нет права на ошибку.

Для начала необходимо найти деньги. Когда приходишь к буддийскому учителю, надо принести ему какое-нибудь подношение, естественно, сообразуясь со своими средствами. Это и традиция, и дань уважения. Я хочу, чтобы учитель понял, как для меня важен разговор с ним. Итак, с завтрашнего дня я начну потихоньку откладывать деньги. Единственный способ — утаивать часть сдачи при покупке молока (каждое утро я покупаю три бутылки на всю семью). Так, по монетке, мне удалось собрать полную копилку. Но как-то раз папа заметил коробочку с монетками, схватил ее, потряс — и решил оставить себе. Это несправедливо! Я была вне себя от ярости! И упрямо начала собирать деньги снова. Но на этот раз я прячу их куда надежнее. Мама, как бы случайно, дает мне больше денег на покупки, так что после похода на рынок у меня всегда остается несколько монеток. Я прячу их, а мама не спрашивает, куда они делись. По прошествии нескольких недель у меня уже достаточно денег. В конце концов, неужели учитель не поймет, что я всего лишь маленькая девочка.

И вот я наконец готова. Просыпаюсь до рассвета, чтобы приготовить отцу завтрак. Потом отправляюсь помыться к фонтану. На улице холодно, из-за мусорных ящиков за мной наблюдают две бродячие собаки. Дрожа от холода, я возвращаюсь домой и тихо-тихо — родители еще спят — надеваю белое платье, которое мне дали в школе для спектакля по

случаю окончания учебного года. Я выбрала это платье, потому что белый цвет символизирует чистоту. Затем убираю волосы при помощи старой резинки (такой еще сумки перевязывают). Учитель должен сразу увидеть, что я настроена серьезно. Буддийские монахи спокойно ходят по улицам и покупают продукты на рынке, совсем как обычные люди. Может быть, он меня уже видел в нашем квартале (и если это было в тот раз, когда я гналась за мальчишкой, мне нужно непременно исправить произведенное впечатление).

Солнце едва начало пронизывать лучами облака, когда я вышла за порог нашего дома. Из древнего монастыря уже доносятся звуки гонга и песнопений. Мне кажется, что я ощущаю все вокруг яснее, чем обычно, словно мои чувства стали в десять раз сильнее. Я до сих пор могу описать каждый камушек, лежавший на дороге, по которой я шла. Словно во сне я прохожу сквозь красную с золотом дверь, украшенную росписью, которая изображает всех буддийских богов. Я иду по этим камням в тысячный раз — и в первый. Спрашиваю у молоденького монаха, где я могу найти Йамгона Конгтрула Ринпоче, знаменитого учителя, о котором мне рассказывала мама. (Не знаю, довелось ли ей с ним встретиться, но до нее точно дошли слухи о его доброте и мудрости.) Монах молча указывает мне на главное здание. С отчаянно бьющимся сердцем я разуваюсь, как того требует традиция, и неторопливо иду по длинному коридору. Вот наконец передо мной дверь в комнату для молитв. Я делаю глубокий вдох — и вхожу. Учитель действительно здесь, сидит на коврике, рядом с ним — его помощник. В руках у него

хрустальные *mala* — тибетские четки; бусины перебирают во время чтения мантр. Его губы едва движутся, в отличие от щек, которые слегка надуваются, словно он что-то жует. Помимо него в комнате находятся еще примерно десять мужчин и женщин; они стоят или сидят и ждут, пока он окончит молитву. Они тоже пришли поговорить с Йамгоном Конгртулом Ринпоче. Я тяжело вздыхаю: очевидно, мне придется ждать довольно долго, а ведь меня почти трясет от нетерпения. Сажусь на колени в стороне от двери; когда учитель будет готов, он меня увидит.

Я замечаю, что учитель с любопытством поглядывает на меня. Потом шепчет что-то на ухо своему помощнику, тот смотрит на меня и делает знак приблизиться (при этом он сгибает указательный палец наподобие крючка, чтобы притянуть меня, как рыбу). Подходя к Йамгону Конгртулу Ринпоче, я кланяюсь три раза — это традиционный символ почета и уважения, — а затем опускаюсь на колени перед учителем. Опустив голову, я протягиваю ему заранее приготовленный *khata* — белый шелковый шарф. Передавать его обязательно надо на вытянутых руках, повернув ладони к небу. Обычно *khata* вручают в знак добрых намерений. А еще белый шелковый шарф символизирует чистоту и уважение. Через минуту я решаюсь посмотреть на учителя. Он кажется мне очень красивым; у него круглые очки в металлической оправе, раскосые, как у китайца, глаза, гладкая, чистая кожа, сильные руки с длинными пальцами и желтая шелковая рубашка. Он буквально излучает мягкость и чистоту. На первый взгляд ему не дать больше тридцати лет.

— Малышка, ты откуда? Ты еще слишком маленькая для того, чтобы прийти ко мне совсем одна. Тебе что-то нужно?

Йамгон Конгртул Ринпоче выглядит очень добрым. Я чувствую себя удивительно важной, значимой, хотя меня, конечно, и пугает такое внимание. Внезапно я забываю обо всем: об обязательных формулах вежливости, о том, как надо правильно обращаться к учителю. Я бы с радостью укутала в одеяло красивых фраз мое обращение, но оно срывается с моих губ, словно просьба о помощи. Так что я сразу перешла к самой сути:

— Я хочу стать монахиней!

Мой голос не дрожит. Слова звучат как утверждение. Йамгон Конгтрул Ринпоче смотрит на меня с улыбкой, потом переглядывается с помощником, словно кто-то только что рассказал им веселую шутку. И мне приходится сдерживаться изо всех сил, чтобы не повернуться и проверить, не сидит ли за мной еще один ребенок, корчащий рожи. Краем глаза я замечаю, что на учителе новые кожаные сандалии. Я уверена, что он надел их в первый раз. Наверное, недавно разбогатевший старейшина нашего квартала передал их ему в качестве подношения во время последнего визита. Мне хочется, чтобы и учитель сегодня обновил что-то в этом мире.

— Я правда хочу стать монахиней!

Я искренне верю в свои слова, и все это прекрасно видят. Словно во сне, я наблюдаю за тем, как Йамгон Конгтрул Ринпоче достает из-за спины маленький красный мешочек и вытаскивает оттуда серебристые ножнички. Потом наклоняется ко мне и одним движением срезает прядь волос. Я знаю,

что этот обряд символизирует отречение от мира тех людей, которые решили посвятить себя религии. Но я не чувствую, что меня чего-то лишили, напротив, мир впервые открылся мне во всей своей свободной красоте. От волнения я теряю голос. Учитель отворачивается к стене, закрывает глаза и начинает читать молитвы. После короткой церемонии он показывает мне, что пришло время освободить место.

— Отныне тебя зовут Карма Чоинг Дролма.

Я пячусь к двери, опустив глаза, чтобы они не выдали охватившую меня радость и испытываемую мной гордость. На ступенях монастыря я наконец вздыхаю полной грудью. Вот и все! Я спасена. Уже ничего нельзя изменить. Что бы теперь не случилось, я навсегда останусь монахиней. Я могу больше не бояться, что стану рабой мужской глупости и жестокости. Я посвятила себя религии, потому что не хотела выходить замуж, то есть из практических соображений и повинуясь инстинкту самосохранения. Я стала монахиней, чтобы освободиться от страданий.

Позже я узнала, что именно в этом состоит суть буддизма. До сих пор религия не играла особой роли в моей жизни. Как и все дети нашего квартала, я росла в атмосфере буддизма и воспитывалась на основе нескольких принципов: не убивай, не лги, не воруй... Я уважала традиции и обычаи, но не особо задумывалась над их смыслом. Все религиозные действия я совершала по привычке, вслед за родителями. И в десять лет я стремилась к свободе, а не к постижению таинств буддизма. Но получилось так, что именно наставления Будды сделали меня свободной.

Я бегу домой вприпрыжку, меня переполняют радость, гордость и чувство облегчения. Никогда еще я не была такой счастливой.

— Я стала монахиней, монахиней! Вы больше не можете удерживать меня здесь, вы должны отправить меня в монастырь! Я уезжаю! — кричу я, едва переступив порог дома.

Мама с папой непонимающе смотрят на меня. А я уже принялась собирать вещи. Мне не много нужно. Старая одежда пусть отправляется в мусорное ведро, ведь отныне я буду носить просторные платья с множеством складок: коричневые, оранжевые, желтые — ведь только такие цвета подобает носить монахиням. Так, еще надо взять несколько фотографий великих учителей, моих духовных наставников, пару футболок, маленький походный будильник — эти зеленые часики однажды подарил мне папа (надо сказать, он крайне редко делал мне подарки). Все, больше мне ничего не нужно. А там посмотрим.

Мама улыбается и качает головой, папа тоже. Они выглядят счастливыми. Если один из членов буддийской семьи выбирает духовную стезю, то его действие отражается в первую очередь на родителях, поэтому такого человека все уважают и ценят. Мой сводный брат, сын отца от первого брака, тоже стал монахом, только в Индии, и папа им очень гордится. Теперь и я сумела его порадовать. Он идет к моей кровати и ласково берет меня за руку. Но в его взгляде мелькает что-то очень знакомое. Что-то, что подсказывает мне: моим мечтам не дадут сбыться так просто.

— Это очень хорошая новость, Помо, и мы с мамой постараемся сделать все, чтобы ты отправилась в монастырь. Но тебе придется немного подождать.

Я так и знала... Конечно, он не собирался меня так просто отпускать. На самом деле я ждала чего-то подобного. Три года. Три года я жила, одержимая мечтой о свободе. В мыслях своих я была уже далеко от дома. Но в действительности все оказалось куда сложнее. Я по-прежнему нужна папе дома. Кто еще поможет маме? Уж точно не мои братья. От меня было слишком много пользы, чтобы отец позволил мне сбежать просто так. С тех пор каждый день повторялся один и тот же разговор:

— Когда ты отпустишь меня в монастырь?

— Скоро, скоро...

Я вся кипела внутри, как молоко, поставленное на огонь. В конце концов нетерпение выплеснулось через край. Однажды утром я просыпаюсь с мыслью, что пришло время действовать. Как обычно, кормлю братиков, готовлю завтрак, наливаю чай в термос для нежданных гостей — и тайком откладываю несколько кусочков хлеба и еще кое-что из еды. После некоторых колебаний я все-таки решаю взять мамину любимую шаль, белую, льняную, с вышивкой. И ухожу из дому. Как раз накануне отец в очередной раз несправедливо наказал меня, и я подумала: «Все, хватит». Довольно. Я решила отправиться в Наги Гомпа, монастырь, где меня ожидали. Два года назад один из моих родственников представил меня глубоко уважаемому учителю по имени Тулку Ургьен Ринпоче. Этот монах руководит несколькими монастырями, среди них — горным Наги Гомпа и тем монастырем, что находится в нашем квартале. Именно здесь я впервые увидела его. Учитель сидел на коврике для молитв и медитировал. Он благословил меня, просто прикоснувшись рукой к моей голове. Не сказал ни слова — но

я увидела столько понимания и сострадания в его взгляде, столько доброты в его жестах, что меня тут же охватила безграничная радость. Тулку Ургьен Ринпоче тогда сказал отцу:

— Приводите девочку, когда сочтете нужным. Мы будем ждать...

С тех пор я постоянно думаю о нем. Много раз мне снится один удивительно яркий сон: я гуляю по Боднатху, и вдруг мое внимание привлекает странный шум. Поднимаю глаза: это же Тулку Ургьен Ринпоче прилетел на вертолете, чтобы забрать меня в монастырь! Учитель действительно казался мне спасителем. Поэтому сегодня я без колебаний направляюсь к нему, чтобы наконец встретиться. Монастырь расположен на горе Шивапури, на севере Катманду, в пяти-шести часах ходьбы от Боднатха. Больше я ничего о нем не знаю. Но это и не важно! Я все равно отправляюсь в дорогу. Иду по улицам родного квартала, по полям, окружающим его, — раньше я часто здесь играла. Солнце, по которому я ориентируюсь, уже высоко в небе; душно, печет. Мне надо идти на север. Я медленно иду по дороге, по обеим сторонам которой зловонные канавы, полные липкой грязи. Вокруг ни одного жилого дома. Я никогда прежде не уходила так далеко в одиночку. Внезапно я понимаю, что вообще никогда не покидала Боднатх. Я совсем не знаю мира. Я вдруг замечаю, что дрожу от страха. Не имею ни малейшего представления о том, где сейчас нахожусь. Я могла бы продолжить свой путь и в конце концов встретила бы человека, который подсказал бы, куда надо идти. Но я повернула назад.

Я никому не рассказываю о своей попытке к бегству, даже маме, потому что она жутко перепугает-

ся за меня. Несмотря на всю свою решимость, на страх, ставший моим ежедневным спутником, я все-таки отступила на полпути. Прошла всего один час — и сдалась. Неизвестность порой пугает нас куда сильнее, чем ад.

Я возвращаюсь домой. Судя по всему, никто так и не заметил моего отсутствия. Меня столько раз наказывали за то, что я уходила играть на соседнюю улицу, а тут я покинула пределы Боднатха — и никто даже не обратил на это внимания. Но с тех пор я перестала быть прежней Помо. Отец бьет меня — а я почти не чувствую ударов, твержу про себя: «Бей, бей, а завтра меня уже здесь не будет». Отец может избить меня до полусмерти, я все равно уйду в монастырь... Все вокруг раздражает меня, постепенно я начинаю молча сопротивляться. Я становлюсь упрямой как осел. Смотрю отцу прямо в глаза и стараюсь, чтобы между отдачей им приказа и моментом его исполнения проходило как можно больше времени. Всегда остаюсь спокойной. Он чувствует мою непоколебимую уверенность в себе. Отныне я официально нахожусь под защитой учителя из монастыря, и я постаралась, чтобы об этом знал весь квартал. Я по-прежнему остаюсь дочерью своего отца, и у него есть законное право мною распоряжаться. Но я также будущая монахиня, то есть весьма уважаемая особа. Отец не может помешать мне посвятить свою жизнь религии. В этом никто не заинтересован — и он в первую очередь. Ведь мой поступок и ему принесет выгоду: отец, чья дочь стала монахиней, получает уникальную возможность улучшить свою карму. Дочь-монахиня — честь для родителей. Поэтому я чувствую себя защищенной. И для меня нет пути назад.

4
Спасение

Моя жизнь изменилась в пятницу, в день большой стирки. Я с утра пошла к фонтану с мешком грязных вещей и в течение нескольких часов стирала одежду всей семьи. Сижу на корточках, руки болят от мокрого белья, кожа покраснела от плохого мыла и холодной воды, а я все тру и тру серую папину рубашку. Чтобы не терять времени даром, я повторяю про себя заданные уроки. Честно говоря, я редко хожу в школу. Отец отправил меня туда только потому, что один из его братьев, живущих в Индии, сказал, что это очень важно. Удивительно, но папа прислушался к его словам. Он платит сорок рупий в месяц за мое обучение в небольшой школе Боднатха. Нельзя сказать, что это очень большие деньги, и за все время я мало чему там научилась, но я уже умею читать, считать, могу выдавить из себя три слова по-английски и довольно сносно говорю по-непальски. Я знаю больше, чем мои родители. К тому же я одна из лучших учениц в классе; уже в первый год учитель перевел меня на две ступени выше, и я даже слышала, как он говорил отцу: «Если девочка будет продолжать в том же духе, то ее можно будет отправить на учебу в Америку»! Единственная проблема состоит в том, что я не могу за-

ниматься уроками дома: для этого нет ни времени, ни места. В результате я часто встаю очень рано, когда мама уже возится на кухне, тихо выполняю все свои обязанности и бегу в пустую школу, которая находится рядом с нашим домом. И там, под пение петухов, я сижу согнувшись над тетрадками и с высунутым от напряжения кончиком языка делаю уроки до тех пор, пока не придут остальные дети. Вечерами, когда ворчливые собаки роются в мусорных кучах под окнами спящих домов, я мою посуду, а потом силы у меня остаются только на то, чтобы доползти до кровати, упасть и уснуть, едва накрывшись одеялом. Я не очень люблю сидеть на уроках, честно говоря, я бы с большим удовольствием оставалась дома, но внутренний голос подсказывает мне, что возможность ходить в школу — большая удача, а мне не так уж часто везло в жизни.

Возвращаюсь домой, мешок с мокрой одеждой оттягивает руки, я стараюсь нести ее на бедре, чтобы не тревожить избитую спину, покрытую сине-красно-черными полосами. Это последствия очередной отцовской вспышки, во время которой ему под руку попался жгут из проводов. На перемене учитель похлопал меня по спине, чтобы похвалить за решение задачи по математике. Я думала, что взвою от боли, инстинктивно оттолкнула его руку, отшатнулась от него, словно от огня, и посмотрела на него черными глазами убийцы... Учитель не понял, чем была вызвана такая реакция, кажется, она его даже несколько обидела; он сказал, что я дикий и слишком импульсивный ребенок. Учитель отругал меня перед всем классом и выгнал за дверь.

Действительно, откуда ему знать, почему я отшатнулась? Тем не менее я все равно очень разо-

злилась на него. Я ведь никогда ему не рассказывала, почему иногда начинаю ерзать на стуле и морщиться. Я молча проглатывала боль. Я успела полюбить этого умного и проницательного человека. А он ничего не понял и накричал на меня.

Если соседские дети увидят, как я ковыляю со своим мешком, они начнут надо мной смеяться... Но мне повезло, я спокойно дошла до дома. Родители сидят и ждут меня. Мама смотрит на меня со странной нежностью в глазах, а папа выглядит очень счастливым. А еще в комнате находится человек, которого я прежде ни разу не видела. Это высокий худощавый монах. Он молод, ему не больше двадцати лет. Он кажется мне очень красивым.

— Помо, познакомься с Сонумом Гирме. Он монах из монастыря твоего учителя, Тулку Ургьен Ринпоче. У нас прекрасные новости для тебя, дорогая. Ты уезжаешь в монастырь. Доченька, ты скоро нас покинешь...

Папино лицо становится совсем грустным, но я смотрю на маму. В уголках ее глаз едва заметно блестят слезы. Три года я ждала этих слов... Три года я засыпала и представляла, как папа будет их произносить. Три года я мысленно собирала вещи и уезжала. Я сотни раз прокручивала эту сцену в голове. И вот наконец это случилось: папа решил, что я достаточно поработала дома. Наконец-то мое терпение вознаграждено.

— Я буду готова через десять минут.

Взрослые смеются:

— Подожди, Помо, не так быстро. Сонум Гирме вернется за тобой через три дня, и мы вместе поедем в монастырь.

Три дня после трех лет. Можно подумать, что они пролетят в мгновение ока. Но никогда прежде мне не казалось, что время течет так медленно. Последняя ночь была особенно бесконечной.

Я лежала и думала, что солнце никогда не выйдет из-за горизонта и я буду обречена всю жизнь ждать его первые лучи. Я ни на миг не сомкнула глаз. Мама, должно быть, тоже. Я слышу, как она ворочается в кровати. Наверное, она очень рада за меня, но грустит о собственной судьбе. Но я не могу сдержать ликование, остановить стремительный круговорот мыслей и сдержать безумное биение сердца. Я лежу неподвижно и смотрю в темноту. Никогда еще я не была так счастлива. Мне кажется, будто внутри меня зажглась свеча, будто в моей душе горит крохотный ласковый огонек, который отныне всегда будет согревать меня. Впервые в жизни я чувствую, что на меня снизошло благословение.

Я словно парю.

Я парю, пока мы едем в Наги Гомпа (путь занял несколько часов езды на машине). Я сижу на заднем сиденье маленького зеленого автомобиля «сузуки», принадлежащего Сонуму Гирме. На молодом монахе лежит ответственность за поездки в город. Дядя сидит впереди, а папа — рядом со мной. Между нами на сиденье лежит маленькая синяя сумка с моими вещами. На мне обычная одежда: синяя (как сумка) юбка, белая блузка, белые носочки и черные кожаные сандалии. Мама осталась дома, чтобы присмотреть за братьями, но так даже лучше. В моей голове все еще звучат ее последние слова и наставления: «веди себя хорошо», «не высовывайся», «слушайся учителя», — и я вижу, как она стоит на поро-

ге дома — братики жмутся к ее ногам — и кричит что-то вслед уезжающей машине.

Я счастлива: уже совсем скоро я стану настоящей монахиней. Не просто ребенком, который об этом мечтает. Я на самом деле парю. Я уверена, что по прошествии нескольких минут попаду в рай. Мое сердце переполняет счастье.

Мимо нас проплывают поля, деревни, снова поля, снова деревни. Через сорок минут мы оказываемся перед въездом в национальный парк Шивапури. Неподалеку отсюда, у подножья холма, расположен монастырь. Мужчины в форме охраняют высокие каменные ворота с аркой. Один из них подходит к машине, монах объясняет ему:

— Мы едем в Наги Гомпа. Эта девочка будет монахиней.

— А как ее зовут?

— Ани Чоинг Дролма!

Я сама испугалась тому, как громко произнесла свое новое имя. В первый раз я называюсь так незнакомцу. Мы с мамой долго тренировались произносить это новое имя, чтобы оно звучало отчетливо и естественно. Папа поворачивается, удивленный тем, что я подала голос. Могу поручиться, в этот момент он гордится мной.

Мужчина в форме внимательно смотрит на меня через стекло и пропускает нашу машину. Маленький автомобиль «сузуки» Гирме отважно пробирается по покрытой камнями дороге с рытвинами, которая выглядит так, будто ее буквально прогрызли в джунглях. Кажется, что двигатель никогда не оправится от такого испытания. Все молчат. Пассажиры стараются подстроиться под отчаянные скачки автомобиля, норовящего выйти из-

под контроля, но получается не всегда, и папа несколько раз ударяется головой о потолок. После двух остановок машина окончательно застревает в большой яме, и отцу приходится вылезать, чтобы с натугой оттащить в сторону пару камней. Идет дождь, колеса буксуют по грязи. Я прижимаюсь к двери и там, на дороге, менее чем в ста метрах от цели, впервые ощущаю страх. В животе у меня громко бурлит. Я и не думала, что монастырь Наги Гомпа на самом деле затерян в джунглях. Папа садится в машину, выжимая промокшую от дождя рубашку, и смотрит на меня с улыбкой. Это страх перед неизвестностью? Недоверие перед лицом внушительного, но не особо дружелюбного зрелища? Я улыбаюсь в ответ и думаю, что на самом деле отец не так уж и плох. А кто знает, что меня ждет впереди?

За долгие годы страданий я научилась с недоверием относиться к окружающему миру. Я знаю, что он суров и жесток. А что, если я сбежала из одного ада только для того, чтобы оказаться в другом, совсем незнакомом? Что, если я попаду к жестоким людям, окажусь в полном одиночестве и рядом не будет даже мамы, которая обнимет меня и успокоит, и братиков, которые пухлыми ладошками утирают мои слезы, когда я молча плачу? Сотни вопросов теснятся в моей голове. Что бы ни случилось, я смогу за себя постоять. Зато я наконец избавлюсь от отцовской жестокости. И потом, везде будет лучше, чем дома. Уже в девять лет я поняла, что раз мне довелось родиться девочкой, то вся моя жизнь будет состоять из бесконечной домашней работы, а вот моих братьев она никоим образом не коснется. В десять лет я узнала, что, когда выйду замуж,

стану кухонной рабыней мужа. Я боюсь мужчин и не доверяю им. Я еще не успела стать женщиной, но уже начала сопротивляться их власти. А когда я буду монахиней, проблема решится сама собой, потому что те мужчины, с которыми я буду жить в монастыре, испытывают неподдельное уважение к женщинам. Тулку Ургьен Ринпоче отличается от других. Я почувствовала это уже при первой встрече с ним, то есть два года назад. Когда я вышла из монастыря, то буквально на пороге столкнулась с прислуживавшей учителю молодой монахиней. Она рассказала, что этот великий человек открывает женщинам знания, которые в обычной жизни доступны лишь мужчинам, например *Chö* — тантрическую технику, позволяющую контролировать болезненные отрицательные эмоции: страх и ненависть. То, что сказала монахиня, поразило меня до глубины души. Наверное, если бы передо мной в тот момент стояла богиня, я смотрела бы на нее с меньшим изумлением.

И вот «сузуки» останавливается. После целого часа зверской тряски все мысли у меня в голове перемешались. Пока мы поднимаемся по ступеням монастыря, успеваем целиком вымокнуть от проливного дождя. Лестница длинная, папа с дядей начинают задыхаться. Я смотрю на их согнутые спины, слушаю усталое пыхтение. Да, они уже совсем старые. А у меня впереди вся жизнь. В тринадцать лет я наконец-то стану свободной. Я тихо прислушивалась к этому новому для меня чувству, такому незнакомому, такому долгожданному... А бесконечная лестница — всего лишь незначительное испытание на пути к счастью. Мне кажется, что сумка легче капель дождя, я могу шагать через четыре

ступеньки за один раз, но надо сдерживать себя. Необходимо произвести впечатление умной, спокойной и послушной девочки — хотя бы в первый день... Мы проходим мимо длинных серых бараков военного типа (это такие глиняные хижины с соломенными крышами).

И снова бесконечные ступени. В конце концов, впереди показался монастырь. Я делаю глубокий вдох и перепрыгиваю через последнюю ступеньку.

На земляной площадке, поросшей кем-то посаженной травой, возвышаются три здания с плоскими крышами. Чистые дорожки, мощенные камнем, соединяют их друг с другом. Думаю, что главное строение, где проходят самые важные церемонии, расположено в центре. От самого здания с плоской крышей, двумя колоннами по обеим сторонам резной двери и небольшим крыльцом исходит ощущение мира и гармонии. Молодая монахиня, кутающаяся в бордовое стеганое покрывало, выходит нам навстречу с радушной улыбкой. На вид ей не на много больше лет, чем мне.

— Меня зовут Ани Гьянатара. Добро пожаловать, Ани Чоинг Дролма. Пойдемте, я вам все покажу. Чоинг, оставь сумку здесь, никто ее не украдет.

Ани Гьянатара показывает мне верхний этаж главного здания. Здесь, в совсем маленькой комнате почти под открытым небом, живет Тулку Ургьен Ринпоче. Справа, позади главного строения, возвышается дом, в котором несколько этажей, где живут паломники, пришедшие в монастырь, гости; также туда приходят монахини, чтобы обрести себя и хоть на время избавиться от своего одиночества. Многие из них живут неподалеку от монастыря в отдельных домиках, соединенных в бараки, которые мы виде-

ли по дороге сюда. Там всего лишь одна крохотная комната. Справа — деревянная лестница, ведущая наверх, в некое подобие кухни. Все самостоятельно покупают себе еду и принимают пищу по отдельности, за исключением больших праздников. Я очень скоро узнала, что в монастыре, как и в остальном мире, богатые живут совсем не так, как бедные.

— Но ты будешь жить не здесь, ведь учитель назначил тебя своей помощницей.

Это новость для меня. Я понятия не имею, что Ани Гьянатара имела в виду и как я смогу помочь учителю, но, тем не менее, мне очень приятно. Только бы мне не пришлось стирать его рубашки... Вдруг молодая монахиня разворачивается и показывает на горизонт. Я смотрю и в один миг осознаю, что у моих ног распростерлась вся долина Катманду. Сюда, на гору, не доносятся шум, пыль, крики, горе и нищета. Зато с высоты видна красота уснувших на полях холмов и деревень, где уже зажглись теплым светом несколько окон, темнота густого леса и блеск огней большого города вдалеке. Мне кажется, что я сижу в кино и смотрю фильм о жизни: все выглядит очень правдоподобным, но чужим, далеким и несущественным. Мне просто хорошо. Легкий ветер доносит до моих ушей звуки джунглей. Я понимаю, что тут наконец-то буду в безопасности. Словно этот спокойный и величественный монастырь, приютившийся на склоне горы, все эти годы ждал, пока я покину страну бурь и приду к нему. Я буквально только что переступила порог Наги Гомпа, но уже стала его частью.

Я чувствую покалывание в затылке, оборачиваюсь: папа молча смотрит на меня. Я успела заметить,

как почтительно он относится к молодой монахине. А теперь он с некоторой тревогой переводит взгляд с нее на меня и обратно. Словно хочет сказать что-то, но сдерживает себя. Он всегда знал: я ему не принадлежу, и сколько бы он меня ни бил, это ничего не могло изменить. И сейчас он искренне рад за меня. Попасть в монастырь — большая удача.

Молодая монахиня быстро проводит нас через несколько комнат, и мы наконец попадаем в кухню, где горит большой костер. Вокруг него суетится еще одна монахиня, улыбчивая и довольно тучная. Она готовит суп. Аппетитный аромат щекочет мой нос, и я внезапно понимаю, что проголодалась. Ведь сегодня утром мой переволновавшийся желудок отказался принять даже завтрак.

— Вы побудьте здесь с Ани Тара, — говорит Ани Гьянатара, — а я сообщу учителю о том, что вы приехали.

Нас угощают ароматным, обжигающе горячим чаем. Мы стоим посреди кухни и чувствуем себя немного неловко. Отец переступает с ноги на ногу и постоянно обводит взглядом комнату — ему явно не по себе. А мне хорошо. Ани Гьянатара возвращается спустя десять минут. Не заходя в кухню, она делает нам знак, чтобы мы следовали за ней. Мы поднимаемся по бетонной лестнице, а я все время смотрю на нижний край платья нашей провожатой: подол, словно шелковая щетка, скользит прямо передо мной со ступеньки на ступеньку. Меня одновременно переполняют нетерпение и страх. Мы входим в просторную комнату, украшенную красно-золотыми колоннами; пол покрыт толстым разноцветным ковром. Из окна открывается потрясающий вид на долину. Несколько цветов, небреж-

но поставленных в вазу, настенные часы, простая кровать в левом углу — вот и вся обстановка. Просто и гармонично. Учитель сидит в глубине комнаты и медитирует в позе лотоса, раскрытые ладони, обращенные вверх, спокойно лежат на коленях. Мы подходим к нему с тремя поклонами, как того требует традиция. Мне кажется, что я наконец-то попала в тихую гавань, словно я всегда была частью этого места и лишь по какой-то нелепой ошибке столько лет жила вдали отсюда. Отец протягивает учителю маленькую бронзовую статую, которую он отлил специально для него. Тулку Ургьен Ринпоче благодарно улыбается ему и поворачивается ко мне. Учитель молчит, но по его глазам я вижу, как он рад тому, что я теперь дома. Я дома. Я действительно дома. И мне это не снится. Меня уже давно здесь ждали.

Пришло время для новой церемонии. Я должна войти в свой новый дом и отказаться от прошлого мира. Учитель снова наклоняется ко мне и срезает тонкую прядь. Я склоняю голову и замечаю, как мои черные волосы плавно опускаются на ковер и практически сливаются с его узорами.

— Отныне тебя зовут Ани Чоинг Дролма.

«Ани» по-тибетски значит «сестра». Я чувствую невероятное облегчение, словно за все эти годы ожидание и неуверенность успели окаменеть в моей душе и этот тяжкий груз мешал мне дышать полной грудью. И вдруг он исчез. Я дышу. Я вновь живу. У меня такое чувство, что я могу взлететь. Я настолько взволнована, что практически не замечаю, как проходит остаток церемонии. Слишком много эмоций. Другая монахиня (позже я узнала, что ее зовут Ани Анга) приносит мне платье — мои первые мо-

нашеские одежды, отрез бордового хлопка. После того как Тулку Ургьен Ринпоче благословляет одежды, меня уводят вниз, а папа с дядей остаются в комнате учителя. Теперь нужно обрить мне голову.

Вновь одна из монахинь проводит меня в маленький сад. Под ногами у меня расстилается долина Катманду, клубящиеся серые облака поблескивают, словно озеро, покрытое рябью. Моросит дождик. Я сижу на стуле, вокруг меня — четыре монахини. Ани Анга руководит процессом, она держит в руках большие ножницы. Остальные монахини молча смотрят на меня. А потом вдруг начинают говорить о каком-то концерте, задают мне множество вопросов, не прекращая при этом заниматься делом. Одна намыливает мне лоб при помощи кисточки для бритья, отчего у меня вся голова покрывается пеной; вторая начинает стричь волосы — они у меня едва скрывают уши. Третья бреет мне голову — сначала надо лбом, постепенно переходя к затылку. И вот тут я впервые ощущаю, как капли дождя падают на мою голую макушку. Кап, кап, кап... Капли совсем маленькие, но, когда они разбиваются о мою свежевыбритую макушку, мне кажется, что я слышу легкий звон. И мне это очень нравится. Меня переполняет гордость, поэтому я сижу с закрытыми глазами — вдруг монахини решат, что я слишком сильно радуюсь? Четвертая монахиня протирает мне голову полотенцем, снимая остатки пены. Всего за пять минут я стала настоящей монахиней! Как необычно ощущать прикосновение свежего ветра к голове — словно мой мозг сливается с природой. Я ощущаю небывалую легкость, впервые в жизни меня ничто не сковывает и не удерживает. Я свободна.

Затем меня раздевают, словно куклу. Чувствую себя так, будто я уже на небесах. Все еще лучше, чем я себе воображала. Прежде мне крайне редко доводилось ощущать себя ребенком, которого заботливо направляют и поддерживают. Ани Анга быстро укутывает меня в широкую ткань, плавные отточенные движения монахини выдают многолетний опыт. Потом она аккуратно расправляет складки сзади, после чего я немного напоминаю себе подарок в праздничной упаковке. Затем быстро проверяет, все ли в порядке с подолом, — и вот я уже полностью одета, хотя даже не успела понять, как это произошло.

— Ну же, идем, надо представить учителю нашу новую сестру, новую Ани!

С того момента как я покинула комнату на последнем этаже, прошло, наверное, минут тридцать, а я уже иду обратно. Но для меня за эти полчаса успела завершиться одна жизнь и началась новая. Возрождение. Как гусеница становится бабочкой, так и я сбросила с себя остатки старого кокона и обрела крылья. Девочка, представшая перед учителем, отцом и дядей через тридцать минут, это уже не Помо. Папа понял это, едва я переступила порог комнаты. Он смотрит на меня, широко раскрыв глаза, и постепенно удивление в его взгляде сменяется уважением. Я иду к учителю, а все, кто при этом находится в комнате, внимательно изучают мой новый облик. И мне это нравится, ведь я вступаю в новую жизнь.

Глаза учителя полны любви и радости за меня.

— Добро пожаловать, Ани Чоинг! — говорит он и поворачивается к моему отцу. — Уверяю вас, мы позаботимся о вашей дочери, с ней все будет хорошо. Не волнуйтесь за нее…

Отец воспринимает это как вежливый намек, что пора уезжать. Близится ночь. Папа встает, отряхивает костюм, хотя в этом нет никакой необходимости. Все уже сказано.

— Помо... То есть Чоинг... Ну, я пойду.

— Хорошо. До свидания.

И он уходит в сопровождении Ани Анга. А что еще я могла сказать? В глубине души я искренне радуюсь тому, что он ушел. Я смотрю на его широкую спину; отец выше дяди на целых две головы. Хотя сейчас он идет ссутулившись и опустив голову, поэтому кажется удивительно маленьким.

А меня уже увлекает за собой Ани Тара.

— Пойдем, я покажу тебе твою комнату. Мы с тобой соседки.

Приготовленная для меня комната совсем маленькая. Она расположена как раз над кухней, куда нас провели, когда мы приехали; фактически это своего рода средний этаж, куда ведет лестница, состоящая из нескольких ступенек. Я сразу влюбляюсь в свою комнатку. Она как раз подходит мне по размерам; дверь едва ли больше окна. А самое лучшее то, что она находится прямо в сердце монастыря, рядом с дровяным сараем и печной трубой, у которой монахини сплетничают, готовя еду. Так что я не буду одинокой — и это очень хорошо.

Остаток дня пролетает незаметно: мы ужинаем, болтаем, а потом кухня вдруг пустеет. Каждый уходит в свою комнату. Перед тем как пойти к себе, Ани Тара помогает мне донести сумку и желает спокойной ночи. Она обещает еще заглянуть ко мне, помочь разобраться с вещами, и я терпеливо жду ее. Но она, видимо, заснула и так и не пришла.

И вот я сижу и не решаюсь разложить свой небогатый багаж: несколько учебников, фотографии великих духовных наставников, заботливо уложенную одежду красного, оранжевого и коричневого цвета — родители купили ее в супермаркете Боднатха незадолго до моего отъезда, взяв меня с собой в магазин.

Я одна, в незнакомом месте. Внезапно мне становится тяжело дышать. За тринадцать лет жизни я еще ни разу не была совсем одна. Все ночи проводила с родителями и братьями в одной и той же комнате. А теперь мне страшно. Я ведь ничего не знаю, кроме родного дома и его единственной комнаты с кроватями, стоящими практически впритык друг к другу. Больше всего меня пугает столь непривычная тишина: раньше ночи были наполнены городским шумом, сонным сопением братиков, храпом отца, и эти знакомые звуки убаюкивали меня. В этой маленькой необжитой комнате я чувствую себя потерянной. Мое сердце бьется, как у животного, попавшего в западню. Мне кажется, что если я шевельнусь, то что-то ужасное прыгнет на меня из темноты. Я медленно отступаю к стене, прижимаюсь к ней спиной и сползаю вниз. Жду, обхватив колени руками. С верхнего этажа доносится смех. Кто-то прошел прямо над моей головой. Хлопнула дверь. Я обвожу взглядом свою комнату. Надо успокоиться. Тут нет никого, кроме монахинь. Я только сегодня покинула место, которое могло бы куда сильнее испугать людей. И оказалась в обители мира и покоя. Все будет хорошо, я уверена в этом. В темноте я различаю кровать и этажерку — больше здесь ничего нет. «Твоя комната» — так сказала Ани Та-

ра. Теперь это мой дом. Впервые в жизни у меня есть свое личное пространство. Тут я замечаю, что все это время я подсознательно сдерживала дыхание. Все, теперь я могу спокойно дышать. Забираюсь в кровать и сворачиваюсь под теплым мягким одеялом. Я улыбаюсь. Сегодня начинается новая жизнь.

5
Возрождение

Той ночью я почти не спала. Слишком много волнений, слишком много тишины. Но в шесть часов утра меня буквально выкинуло из пушистой полудремы — в мой сон бесцеремонно вторгся звон металлических кастрюль, доносящийся с кухни. Я недоуменно моргаю, пытаюсь сообразить, где это я. Бух! Громкий стук в дверь, и в комнату осторожно заглядывает Ани Тара:

— Ты что, еще не готова? Поторопись!

Не понимая, о чем идет речь и куда надо торопиться, я соскакиваю с кровати и пытаюсь завернуться в свое новое платье. В спешке не различаю, где верх, где низ, натягиваю на себя цилиндр из ткани и неловко пытаюсь завязать пояс сзади. Я так мечтала об этом дне, о том, что он наконец настанет, воображала себе таинственный ритуал, который завершит мое превращение в монахиню... А вместо того я кое-как расправляю складки сзади, одергиваю подол, словно это самое обычное платье.

— Ну, кто так одевается! Иди-ка сюда...

Ани Тара с видом опытного эксперта расправляет спереди, разворачивает меня, перевязывает сзади, снова одергивает подол. Все, я готова. Да, мне

потребуется немало времени, чтобы научиться так одеваться.

— Пойдем, пойдем! Сегодня особенный день: в монастыре устраивается пышная церемония.

Так вот почему столько суеты... Праздники организуются по лунному календарю, то есть пять раз в месяц: восьмого, десятого и пятнадцатого числа — в дни полнолуния, и двадцать пятого и тридцатого числа — в новолуние. Мне не терпится принять участие в церемонии. Я выхожу на центральную площадку и попадаю в красно-золотой водоворот. Монахини торопливо ходят в разных направлениях, смеются, на ходу делятся новостями, но я почти ничего не понимаю из их слов. Я отвлеклась на минуту, и Ани Тара успела куда-то исчезнуть. Тогда я решаю, что мне надо самостоятельно обойти монастырь. Все утро я посвящаю этому: исследую кухню, где готовятся пельмени *momos* и рис с овощами; захожу в зал для молитв, где монахини расставляют свежие цветы и раскладывают подушки на полу; с равнодушным видом брожу по коридорам и тайком заглядываю в приоткрытые комнаты, чтобы посмотреть, как живут другие. Все заняты какимнибудь делом, и я чувствую себя совсем бесполезной. Только путаюсь под ногами. Монахини легонько отталкивают меня, словно неуклюжего щенка, которого никто не хочет обидеть. Я тут явно самая маленькая. Утренняя суета наполнена радостью и весельем, и все, кроме меня, знают свою роль в сегодняшней церемонии.

В полдень я сижу в комнате отдыха, где обитатели монастыря обычно собираются после обеда. Я немного устала ото всех сегодняшних открытий и впечатлений, поэтому уютно устроилась в кресле.

Через некоторое время я понимаю, что кроме меня в комнате почти никого нет. Вдруг из комнаты для молитв до меня доносится звук гонга. Несколько глухих ударов. Старая монахиня, торопившаяся на молитву, останавливается на пороге комнаты и удивленно смотрит на меня. Потом понимающе улыбается:

— Малышка, ты чего сидишь, пойдем, все уже начинается.

Не задавая лишних вопросов, я иду за ней, сначала по лестнице, потом через двор, — и наконец попадаю в молитвенную комнату. Сотни монахинь, живущих в монастыре, сидят на земле, образуя несколько рядов, а некоторые стоят вдоль стены. Зал наполнен шепотом и бормотанием. Меня удивляет отсутствие Тулку Ургьен Ринпоче. Наверное, его что-то задержало. Но это не страшно! Как и все остальные, я кланяюсь три раза и иду вперед: хочу сесть где-нибудь ближе к центру, чтобы не пропустить ничего интересного. Поэтому я занимаю свободное место в первых рядах. Вижу, что на меня с улыбкой смотрит незнакомая старая монахиня; кажется, она руководит хором и обучает пению. Я, не задумываясь, пересаживаюсь поближе к ней. Меня переполняет энтузиазм, поэтому я не замечаю удивления в ее взгляде. В ее глазах я вижу только доброту. Внезапно я понимаю, что все, кто сидит рядом, почему-то молчат и как-то странно смотрят на меня. Тогда я решаюсь заговорить со своей соседкой — согласитесь, совершенно естественное поведение в такой ситуации.

— Как тебя зовут?

— Ани Дармазоба...

— Ничего, если я посижу здесь?

Несмотря на все свое дружелюбие, Ани Дармазоба не отвечает мне. Вместо этого она отводит глаза, начинает беспомощно озираться по сторонам; ее явно что-то беспокоит, но при этом она продолжает улыбаться. Я ничего не знаю о монастырских обычаях, никто не рассказал мне о том, сколько запретов может скрываться за молчанием. Поэтому молчание Ани Дармазобы я воспринимаю как согласие. Ошибка. Кто-то сильно трясет меня за плечо:

— Эй, ты! Иди-ка отсюда, тебе здесь не место.

Я смущенно оборачиваюсь. За мной сидит монахиня со странным, неправильно-морщинистым лицом. Я не могу назвать ее уродливой, но есть в ней что-то злое, что сразу вызывает у меня неприязнь. У нее довольно грубый, неприятный голос.

— Тебе нельзя тут сидеть, это места для заслуженных монахинь... иди отсюда!

Этой женщине на первый взгляд лет столько же, сколько моей матери. Она встает, снова хватает меня за плечо и пытается вытащить из ряда. При этом она что-то невнятно ворчит, а я, забыв, где нахожусь, начинаю упираться. Монахиню буквально переполняют важность и чувство собственного достоинства, поэтому у меня возникает инстинктивное желание сопротивляться. Чем сильнее она тянет, тем сильнее я упираюсь. Наше молчаливое противостояние привлекает всеобщее внимание. Некоторые монахини начинают тихо смеяться, прикрываясь рукавами, остальные смотрят на меня крайне неодобрительно.

— Малышка, тебе лучше пересесть назад, тебе оттуда все будет видно, обещаю...

Ани Дармазоба наконец-то решила подать голос. Я чувствую, что она не желает мне зла, поэтому

охотно выполняю ее просьбу. Скорее всего, я допустила какую-то ошибку. Мое место среди молодых и бедных, которые стоят у стены позади всех. Злюка (так я прозвала морщинистую монахиню) с довольным видом садится обратно. Потом она заставила меня дорого заплатить за мое открытое сопротивление. Я мысленно ругаю ее последними словами, и тут чья-то маленькая ручка тянет меня за рукав. Разворачиваюсь и в тот же миг понимаю, что в монастыре у меня обязательно будет друг.

Эта девочка старше меня на год, не больше, одного со мной роста, только плотнее. Ани Дикхи живет здесь уже много лет. Ее мама тоже монахиня; Дикхи родилась до того, как ее родители развелись и мать ушла в монастырь. Ани Дикхи очень затейливо подмигивает мне и прижимает указательный палец к губам, чтобы я молчала: церемония сейчас начнется.

Почти два часа монахини читают мантры, поют священные песни; трубы, цимбалы, колокольчики и самые разные традиционные религиозные инструменты (я даже названия их не знаю) задают ритм. Я взволнована, меня буквально околдовывает ощущение единства, сосредоточенности, опьяняют запахи благовоний, наполняющие залу и сплетающиеся со слаженными голосами монахинь. Тем не менее это не мешает мне рассматривать остальных участников церемонии, хотя я пока и не понимаю, кто есть кто, кому я могу доверять, а кого лучше остерегаться, кто сумеет меня рассмешить и с кем можно будет поиграть.

После церемонии все расходятся по комнатам или возвращаются в свои домики. Дикхи разговаривает с какой-то монахиней и изредка погляды-

вает в мою сторону. Могу поклясться, они говорят обо мне. Ну вот, сегодня только первый день в монастыре, а я уже успела навлечь на себя недовольство одной из самых влиятельных монахинь. Мне придется над собой поработать, но это не страшно: ничто не может омрачить мою жизнь в Наги Гомпа.

Не надо готовить, стирать белье, убираться, терпеть побои и таскать на разбитой спине непоседливых маленьких братьев. Всего через два месяца я чувствую себя так в монастыре, будто живу тут всю жизнь. Дикхи подсказывала мне, кто есть кто, как надо себя вести, и помогала, когда я ошибалась. Теперь мне ничего не страшно. Я наконец-то поверила в свое счастье. Я — одна из пяти монахинь, прислуживающих Тулку Ургьен Ринпоче. Хотя на самом деле я почти ничего не делаю. Просыпаюсь, гуляю по монастырю, общаюсь с другими монахинями, обедаю, смотрю на лениво плывущие по прозрачному осеннему небу облака. Дышу. Я словно узник, наконец-то выпущенный на свободу. Попав в монастырь, я будто вернулась на несколько лет назад. Мне тринадцать, останься я дома, меня могли бы уже выдать замуж, а я веду себя как беззаботная девчонка.

Я не привыкла быть счастливой и подсознательно жду, что в любой момент у меня отнимут мою сказку и отправят обратно в жестокую действительность. Я часто вспоминаю маму и переживаю: как она там без меня? Мне бы очень хотелось с ней поговорить, но у нас дома нет телефона, так что я не получаю никаких новостей от родителей. Иногда по ночам я не могу уснуть, ворочаюсь и думаю о том, как мы гуляли с братиками вокруг храма.

Я вообще плохо сплю, пугаюсь каждого шороха, каждой тени.

Теперь я иногда ночую в комнате Ани Тары. Никак не могу привыкнуть спать совсем одна (честно говоря, это единственный момент монастырской жизни, с которым у меня не получается примириться). Ани Таре двадцать пять лет, и я ясно вижу, что ее не очень радует перспектива делить кровать с тринадцатилетней девчонкой; она привыкла к тому, что ничто не ограничивает ее личное пространство. И она совсем не боится спать одна! А я не осмеливаюсь рассказать кому-нибудь о своем страхе — вдруг надо мной будут смеяться или сочтут меня глупой? Но учитель прекрасно понимает, почему я тру глаза и тайком зеваю во время молитвы. Наверное, он сам поговорил с Ани Тарой, потому что однажды вечером, перед тем как все отправились спать, она подозвала меня к себе и сказала:

— Чоинг, пойдем со мной. Можешь сегодня спать в моей комнате, так что беги за одеялом. Но не обольщайся, это только на одну ночь. Ты уже большая, привыкай спать одна. Постарайся справиться со своими страхами.

В ту ночь я свернулась клубком, чтобы не занимать много места, и лежала не шевелясь, боялась потревожить Ани Тару. Потом мы договорились, что я буду спать в своей комнате, но при этом могу не гасить свечи перед сном. Сколько раз я сквозь сон слышала, как Ани Тара заходит ко мне и дует на трепещущие огоньки. Все шло хорошо. Ну, за исключением тех случаев, когда я несколько часов ворочалась, смотрела в темноту и в конце концов на цыпочках прокрадывалась к ней в комнату и укладывалась спать на небольшом клочке свободного

пространства, остававшегося на ее кровати. По утрам она, конечно, лениво ворчала на меня, но я прекрасно понимала, что мои детские страхи вызывают у нее неподдельное сочувствие. Через некоторое время я привыкла к одиночеству.

Страх засыпать в пустой комнате не имел ничего общего со страхом, что меня отправят домой, от которого у меня порой замирало сердце. Мне никак не удавалось убедить себя, что у меня никогда не отнимут долгожданный мир и покой. А вдруг кто-нибудь решит, что мои каникулы затянулись и мне пора обратно в Катманду? В ожидании конца я наслаждаюсь каждым мигом новой жизни. Невозможно отнять то, что я уже получила. Меня постоянно преследует ощущение неотвратимой угрозы, и я не могу никак понять, настоящая она или нет. Однажды утром я иду с кухни и сталкиваюсь со Злюкой. Я смотрю себе под ноги. Обычно она молча проходит мимо, но сегодня…

— Иди к учителю, он хочет с тобой поговорить.

Я бегу на верхний этаж, подгоняемая дурным предчувствием. Учитель проводит большую часть времени в маленькой комнате под крышей площадью четыре квадратных метра. Там он часами медитирует, один, вместе с учениками или с иностранцами, приехавшими в монастырь для обучения. В свои шестьдесят пять лет Тулку Ургьен Ринпоче буквально излучает доброту. Это великий мастер медитации, наделенный редкой мудростью и огромными познаниями, по-настоящему просветленный человек со спокойной улыбкой. Ради того, чтобы увидеть его, поговорить с ним, получить благословение и частицу знаний, люди готовы обогнуть всю планету. Между тем он держит себя так, будто

он не великий учитель, а просто местный садовник, и все эти западные люди, такие высокие, белые, важные, наверное, слегка повредились умом, если решили ему поклоняться. Тулку Ургьен Ринпоче — самый скромный человек из всех, кого я знаю. Я часто вижу, как он задумчиво смотрит на меня. Мне кажется, я его забавляю. За тонкими стеклами очков я различаю веселые искорки в его глазах.

Я разуваюсь и без стука вхожу в комнату учителя. Он совсем один; сидит на кровати, закрыв глаза и погрузившись в глубокую медитацию. Губы едва движутся, слов различить нельзя. Я устраиваюсь у его ног, склонив голову. Прижимаюсь спиной к кровати и пытаюсь сосредоточиться. Я очень боюсь, что отец потребовал вернуть меня домой. Лучше я убегу... А может, кто-нибудь рассказал учителю о моем новом друге? Два дня назад мужчина из деревни, который помогает нам с работой по дому, отправился в лес за хворостом. Потом, когда он вернулся и монахини позвали его пить чай, я услышала, как он рассказывает о маленьком кабанчике, которого он повстречал неподалеку от монастыря. Детеныш явно потерялся. И у меня в голове тут же возникла совершенно сумасшедшая мысль: надо найти этого кабанчика и привести сюда. Он станет моим другом. На следующий день мне удалось уговорить Дикхи пойти со мной в лес. Всего через полчаса мы нашли кабанчика: перепуганный бедняжка прятался среди корней большого дерева. У меня получилось завернуть его в платок, взятый специально для такого случая, причем кабанчик почти не сопротивлялся. Я спрятала его в складках платья и прошла через весь монастырь в свою комнату с таким видом, будто ничего не случилось. Конеч-

но, мою тайну быстро раскрыли: уже по прошествии нескольких часов все знали о том, что я натворила. Тот самый работник первый отчитал меня за подобную выходку:

— Ты что, с ума сошла? Тебя за это могут в тюрьму посадить! За такое преступление пятнадцать лет дадут.

Не знаю, говорил ли он это всерьез или просто хотел меня напугать. Если он этого добивался, то ему удалось задуманное: я быстро отдала ему кабанчика, чтобы он отнес его обратно в лес.

Именно об этом я думаю, сидя у ног учителя. Честно говоря, я слегка дрожу от страха. Он точно меня накажет. Злюка, наверное, очень радовалась, когда рассказывала ему о моем проступке. А я тихо жду его решения.

— Чоинг, ты медитируешь, не так ли?

— Да, учитель...

Я больше не могу медитировать. Я хочу пойти на улицу, чтобы поиграть, побегать с собаками, посмотреть на то, как высоко в небе летают птицы. С тех пор как меня привезли в монастырь, я ни минуты не сижу на месте. В комнате снова воцаряется тишина. Зачем же он меня позвал?

— Чоинг, ты знаешь о том, что некоторые монахини жалуются на тебя?

— Учитель, мне очень жаль, что я загрязняю ваши драгоценные мысли своим недостойным поведением...

— Они говорят, что тебе не хватает смирения, ты слишком гордая и иногда позволяешь себе дерзить. Мне хотелось бы, чтобы ты выказывала им больше уважения, они его заслужили. Что ты мне на это скажешь?

— Я сделаю все возможное и постараюсь больше их не беспокоить.

— Это правда, что ты принесла в монастырь дикое животное?

— Да...

— Дитя мое, ты теперь монахиня, а значит, ты должна следить за своим поведением и думать о том, к чему могут привести твои действия, быть примером для других. И зачем ты это сделала? Ты же знаешь, что животное могло умереть с голоду. Ребенку нужна мать. Надеюсь, что в следующий раз ты проявишь больше благоразумия...

Значит, дикое животное нельзя разлучать с матерью? А как же я? Кто-нибудь подумал о том, каково мне без мамы? Но я молчу. Потому что учитель прав.

— Монахини также считают, что ты пользуешься своим положением и ничего не делаешь. В этом есть и моя вина. Монахини правы.

— Я тут ни при чем, просто они злые и завидуют мне. Я ничего не могу поделать!

— Не надо так говорить, дитя мое. Ведь ты вправду целыми днями гуляешь, читаешь и играешь с животными, в то время как остальные работают. Это очень хорошо, я сам хотел, чтобы ты пожила так некоторое время. Ты вправе получить свою долю детства, Чоинг, у тебя действительно есть на то право, и я знаю, что до сих пор ты была его лишена.

Моя «доля детства»? О чем он говорит? Что он знает? Кто ему сказал? Я никогда не рассказывала учителю о своей прежней жизни. Значит, он специально сделал так, чтобы все оставили меня в покое... А я-то думала, что до сих пор он не уделял

мне особого внимания и никто за мной не присматривал.

— Я очень, очень рад тому, что ты научилась наслаждаться своей новой жизнью. И надеюсь, что в будущем ничего не изменится. Но согласись, будет несправедливо по отношению к твоим товарищам, если ты и дальше не будешь ничего делать. Я должен найти тебе занятие. Отныне ты станешь отвечать за уборку и украшение алтаря.

Что ж, мне снова повезло. Вряд ли вытирание алтаря займет несколько часов и помешает мне заниматься тем, что мне нравится. Конечно, еще нужно менять воду в сосудах для цветов и очищать все от пыли и грязи, но в этом нет ничего ужасного. Надо сказать, я стала жутко ленивой, будто домашняя работа, которую я выполнила за свои тринадцать лет, истощила все мои внутренние запасы. Меня столько времени ничего не заставляли делать, что я отвыкла даже от подобия принуждения. У меня начинает судорожно дергаться правая щека, я никак не могу успокоиться. Учитель видит все, поэтому он ласково кладет руку мне на голову. Несколько секунд я ощущаю лбом теплоту его ладони, потом он начинает говорить:

— Успокойся, Чоинг, успокойся... В тебе много энергии, и это очень хорошо, но ты должна научиться сдерживать ее. Даже во время чтения ты несешься на всех парах, глотаешь слова и не заканчиваешь предложения! Каждое дело требует определенного, только ему свойственного ритма. Когда я разговариваю с тобой, я думаю только о тебе. И так будет до тех пор, пока мы не скажем друг другу все, что должны были сказать сегодня. Понимаешь?

Но как описать ему тот огонь, что пылает внутри меня? Ту неутолимую жажду пользоваться каждым моментом жизни? Я молчу и смотрю на него в глубоком раскаянии.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты боишься, что тебя отправят обратно. Обещаю, этого никогда не случится. Посмотри на меня: отныне ты — часть Наги Гомпа. Монастырь — твой дом. Ты дома. Ты — одна из нас. Мы любим тебя. Постарайся заглянуть вглубь себя и знай, что для тебя моя дверь всегда открыта. Даже если у меня будут гости, но я понадоблюсь тебе, приходи, я буду ждать. Всегда.

У меня горло сжалось так, будто его туго-туго обмотали шарфом. Не могу выговорить ни слова. Никто никогда со мной так не говорил. На самом деле, никто никогда не говорил, что любит меня. Я знаю, что мама меня любит, но она никогда не говорила об этом — ведь люди не говорят о том, что солнце греет, а вода освежает. Прошло всего три месяца с момента моего приезда, я — ничто для этого человека, а он открывает мне свое сердце и свой дом. Он доверяет мне. Самый мудрый человек на планете ценит меня, сопереживает и готов посвятить мне сколько угодно времени. Я самая счастливая в мире. Мне кажется, будто у меня с плеч свалился невероятно тяжелый груз.

Заглянуть в себя. Это может показаться удивительным, но я действительно сделала это.

6
Любимчик

Мне ужасно стыдно говорить об этом, но, если честно, сначала я подумала, что мне в штаны забралась пиявка. В июле, когда дуют муссоны и все время идет дождь, отвратительные липкие пиявки ползают повсюду. Нет, я их не боюсь, просто мне немного противно. Они терпеть не могут соль, поэтому перед тем, как пойти в лес, мы обливаем ноги соленой водой для того, чтобы их отпугнуть. В тот день я была на улице — собирала яйца — и вдруг почувствовала, как у меня по ногам что-то течет. Это не было похоже на мочу, потому что выходило более медленно. Я и представить не могла, что еще там может быть, поэтому спустилась вниз, постучала к охранникам, у которых хранились принадлежности для уборки, потом поднялась к себе. Честно говоря, меня несколько волновало происходящее. В монастыре мы никогда не обсуждаем проблемы нашего тела, даже с близкими друзьями. Здесь это действительно нежелательно.

У меня оставалось еще двадцать минут до встречи с женой учителя, которая пригласила меня в гости в то утро. Я забыла сказать, что Тулку Ургьен Ринпоче не монах; он женат и у него шесть

сыновей. Это очень уважаемые люди, воплощенные ламы. Я бегу в комнату, на ходу сбрасываю с ног сандалии, поднимаю вверх подол и спускаю штаны. У меня все бедра в крови. Я стою посреди комнаты, расставив ноги и загнув кверху нижний край платья, — и понятия не имею, что надо делать. Так проходит несколько минут; я совершенно растеряна и напугана. Пытаюсь найти объяснение и наконец придумываю его. В Наги Гомпа у нас нет нормальных туалетов. По большой нужде мы ходим в специально отведенное место, находящееся в стороне от главных зданий. Но зачастую нам лень туда бежать, поэтому малую нужду мы чаще всего справляем в полях за монастырем. Наверное, когда я сегодня утром сидела в высокой траве, ко мне внутрь забралась пиявка, а я просто ничего не заметила. Меня буквально трясет от отвращения. Я одеваюсь, и в этот момент входит моя двоюродная сестра Йеши Ламо, образец милосердия. Она не живет с нами, но недавно приехала в монастырь, чтобы поучаствовать в больших празднествах и церемониях, а также посетить занятия, которые проводят все великие учителя. Йеши Ламо здесь уже три месяца, живет со мной в одной комнате. Йеши Ламо двадцать лет, и мы успели стать хорошими подругами. Она никогда никого не осуждает и всегда готова всем помочь.

— Йеши, спаси меня! Ко мне внутрь забралась пиявка, она сосет мою кровь. Прошу тебя, вытащи ее!

— Что? Куда она забралась? Успокойся, о чем ты говоришь?

— Сюда, она сюда забралась…

Я указала пальцем на низ живота. Йеши посмотрела мне в глаза, потом вниз, потом снова мне в глаза. Она явно не верила своим ушам:

— Ты смеешься надо мной?

— Похоже, что я шучу?

— Ну-ка покажи...

Она кусает губы, закрывает рот рукой. Я поднимаю кверху подол платья и показываю штаны, все в пятнах крови. И тут Йеши Ламо — я от нее этого никак не ожидала — начинает смеяться, да так, что на первый взгляд это выглядит, будто она кричит. Йеши падает на кровать, обхватывает себя руками и не может остановиться. Никогда не видела, чтобы она так смеялась. В тот момент я ее ненавижу. Моя сестра — дура, я больше ничего ей не буду говорить. Я просто в ярости, готова выбежать из комнаты. Йеши Ламо пытается мне что-то сказать, но с ее губ срывается лишь истерический смех. Чтоб она задохнулась!

Но уже через минуту она роется в своих вещах, находит и протягивает мне кусок черного материала:

— Чоинг, дорогая, то, что с тобой происходит, совершенно нормально. Теперь это будет случаться каждый месяц. Это не страшно. Положи эту ткань в штаны, меняй ее каждый день, вот и все... Сегодня ты стала женщиной.

Она улыбается, а я улыбаюсь ей в ответ. Я слышала о месячных, но не представляла себе, что это такое. Мама никогда мне об этом не говорила. Один раз в моем присутствии о месячных упоминала двоюродная сестра. Мы все довольно застенчивые в отношении того, что касается нашего тела. До того, как родился мой младший брат, я была

уверена, что малыши вылезают из маминого живота через пупок. Из-за этого я даже один раз подралась в школе с мальчишкой, который заявлял, что дети появляются откуда-то снизу, а моя мать мне все наврала... Я до сих пор стесняюсь говорить о таких вещах. А что о них говорить? Тело есть тело, вот и все.

Я чувствую себя усталой. Мне не нравятся эти месячные. К тому же пора бежать к Кунсанг Дечен, жене учителя. Она хотела со мной о чем-то поговорить. Сегодня утром, когда я вышла из кухни, она остановила меня:

— Чоинг, подожди, за тобой что, кто-то гонится?

— Эээ... нет...

Я застыла как статуя, с сухариком *chapatti* в руке. Ну вот! Буквально несколько минут назад меня уже отчитали на лестнице:

— Чоинг, с тех пор, как ты живешь в монастыре, я ни разу не видела, чтобы ты просидела на одном месте дольше десяти минут. Ты носишься как маленькая комета.

— Говорят, что если голодной собаке дать чечевицы, то она съест ее так быстро, что у нее заболит живот. Девочка все делает слишком быстро. И чаще всего не очень хорошо.

Никто не стал спорить со Злюкой. Монахини замолчали и с улыбкой посмотрели в мою сторону. Эта вредина своего не упустит... Но меня не трогают ее замечания, я научилась пропускать их мимо ушей. К тому же Злюка права: я на самом деле очень голодна, я изголодалась по жизни и по ласке, которой так долго была лишена.

— Зайди ко мне сегодня после обеда. Я буду тебя ждать около двух часов.

У меня были свои планы на это время, но я не осмелилась ослушаться. Сегодня в обед я собиралась остаться с нашими американскими гостями, которые приехали в монастырь накануне. На самом деле к нам почти каждую неделю прибывают посетители: я успела познакомиться с немцем и жителем Сингапура. Большинство из них все время улыбаются, и вообще у них такой вид, будто они переживают лучшие моменты в своей жизни. В Наги Гомпа все им кажется чудесным и необычным. Тут мы с ними похожи. Мне нравится помогать посетителям, показывать им окрестности монастыря. А они в благодарность всегда что-нибудь мне дарят. Например, Отто из Германии оставил мне две совершенно необычные вещи (я хранила их как величайшее сокровище): образец духов и — самое главное — набор путешественника, из тех, какие раздают в самолетах (в нем была крохотная зубная щетка, которая понравилась мне больше всего). Но конечно, не только это привлекало меня в иностранцах: общаясь с ними, я могла разговаривать по-английски. Я очень горжусь тем, что единственная из всех монахинь Наги Гомпа владела этим языком. В школе я выучила несколько выражений. Сначала с трудом выговаривала «thank you», «hello», «bread», потом, потренировавшись немного, смогла поддерживать некое подобие разговора. Мне удается очаровать иностранцев улыбками и маленькими глупостями, поэтому они уделяют немного времени тому, чтобы помочь мне с английским. Я очень хочу научиться нормально разговаривать на этом языке.

Итак, в два часа, после обеда, я стучусь к Кунсанг Денчен. Она сидит на кровати, в традицион-

ных тибетских одеждах. Жена моего учителя очень красива и безупречно элегантна. За это я Кунсанг Денчен и люблю — и за многое другое тоже. Я одна из самых маленьких монахинь в монастыре, и Кунсанг Денчен обращается со мной с большой лаской и добротой. Сейчас перед ней стоит тарелка с пельменями *momos*. Я ем их очень редко; это кушанье обычно готовят для церемоний и особых случаев.

— Угощайся, я принесла *momos* для тебя. Повар приготовила их для английских гостей, и я немного припасла. Я же знаю, как ты их любишь.

Любимчик — так иногда в шутку называют меня другие монахини. Они делают это не из злости или зависти, просто подтрунивают надо мной, и я не сержусь на них: на самом деле они правы. Большинство монахинь приняли меня благожелательно, опекают меня, я стала особо приближенной помощницей учителя и его жены. И я не испытываю никаких угрызений совести по этому поводу, мне кажется, что все просто встало на свои места. Я заслужила это, отстрадав столько лет. День за днем внимание и забота учителя и его жены смягчают мою душу. Мое сердце тоже наполняется любовью, будто доброта передается от человека человеку. Учитель сказал правду: двери его дома всегда открыты для меня. Чем больше любви он мне дарит — а он никогда не скупится, — тем больше мне нужно. И все это понимают. Я не первая девочка в Наги Гомпа, которая истосковалась по любви и пониманию. Сейчас я провожу все больше и больше времени рядом с Тулку Ургьен Ринпоче. Однажды вечером я даже попросила его рассказать мне какую-нибудь историю, и он согласил-

ся — пусть даже ему и не очень хотелось, чтобы об этом кто-то узнал.

— Вчера наши гости сказали мне, что ты начала разбираться в английском. Это очень хорошо, дитя мое...

— Да, они дали мне несколько журналов, и я собираюсь сегодня вечером их почитать!

— Ты растешь, Чоинг. Ты смогла вернуть все, чего была лишена, и теперь пришло время для того, чтобы идти дальше. Я знаю, что у тебя сильная воля, и ты очень быстро учишься. Но если ты будешь уделять занятиям больше времени, то, поверь мне, это пойдет тебе только на пользу... Ты знаешь, я заметил, что ты читаешь молитвы все лучше и лучше, и хочу тебя за это похвалить. Но мне кажется, что тебе еще нужно поработать над техникой и голосом.

До того дня ни учитель, ни его жена ни разу не говорили, что у меня удивительно красивый голос. А я об этом и понятия не имела. Я была всего лишь ребенком и пела не лучше и не хуже остальных монахинь. Но если я за что-то берусь всерьез, то отдаю этому делу всю себя, и, должна признаться, по большей части мне удается добиться успеха в любом начинании. Наверное, именно потому, что я идеальный ученик, Тулку Ургьен Ринпоче так нравится обучать меня чему-то новому. И я очень рада, ведь таким образом я приобщаюсь к бесконечной мудрости великого наставника больше, чем остальные монахини, которые в основном делятся знаниями между собой. Я понимаю, что мне невероятно повезло, поэтому без колебаний отвечаю учителю:

— Если вы действительно решили сделать мне такой подарок, то я буду очень рада. Я всегда готова учиться чему-то новому.

Это правда. Мне всегда нравилось развивать свои способности. Даже когда я была совсем маленькой и мама показывала мне, как надо стирать белье, я не томилась от скуки и не упиралась, а внимательно следила за ее действиями и старалась делать все как можно лучше. У меня не было ничего, кроме меня самой. Поэтому я решила: чем больше я умею, тем лучше мне будет в жизни. И поступала так, словно день за днем старательно наполняла маленькими ключиками огромный мешок — чтобы однажды выбраться на свободу. Это позволяло мне чувствовать, что я хоть чего-то стою.

— Ты знаешь, Чоинг, как я верю в тебя и твои силы. Мне кажется, в тебе есть нечто особенное, исключительный дар. Но теперь ты уже не ребенок и должна над собой работать...

И так я начала заниматься пением. Постепенно я стала получать удовольствие от уроков. По понедельникам и четвергам были занятия по духовному пению, а еще по мелодии. Я также научилась плавно двигать руками и играть на трубе, которая называется *gyaling*. Иногда со мной занимается сам учитель, иногда — его жена. У них у обоих прекрасные голоса, но каждый из них старается учить меня на свой лад. Кунсанг Дечен сосредотачивается на высоких нотах и в основном на носовых гласных, тогда как Тулку Ургьен Ринпоче воспроизводит всю полноту звучания низких нот и играет естественными модуляциями. Они никак не могут договориться между собой, поэтому тихо спорят, явно радуясь этим моментам душевной близости. А я не хочу разочаровать ни одного из них, поэтому стараюсь сочетать оба стиля.

Таким образом, постоянно меняя тональность исполнения, мне удается натренировать голосовые связки и обрести свою собственную манеру пения... С течением времени мое пение становится более собранным и душевным. Постепенно я начинаю понимать: исполняя молитвы, я вкладываю в них всю себя без остатка. Я прикрываю глаза, и слова священных текстов приходят сами собой — благодаря урокам учителя я научилась полностью погружаться в пение. Теперь мне стало гораздо легче медитировать. Когда я сижу в комнате для молитв, радость от пения буквально переполняет меня и забирает все силы. Живот надувается как шарик. Сестры встают, идут по своим делам, разговаривая на ходу, а я продолжаю сидеть. Меня пробирает дрожь от счастья. Я смотрю на учителя и каждый раз вижу гордость в его глазах. Для меня это самая лучшая награда: я счастлива, потому что Тулку Ургьен Ринпоче доволен мною!

Когда я читаю в комнате, завтракаю на кухне, убираю кровать по утрам, закутываюсь в одеяло перед сном, я часто ловлю себя на том, что пою. Порой вполголоса мурлычу мантры, но не только их: мне подарили кассетную магнитолу, и я постоянно кручу на ней самые разные песни. Больше всего мне нравятся исполнители из Болливуда. А еще меня буквально покорил голос американской певицы Бонни Рэйт. Пленку с записью ее песни «Love has no Pride» я заслушала почти до дыр... Один из гостей приехал в монастырь с гитарой и показал мне несколько аккордов. И я начала усердно упражняться, потому что мне очень хочется самой играть музыку, пусть даже от струн ужасно болят пальцы!

Я до сих пор храню чудные воспоминания о времени обучения. Мне достаточно закрыть глаза, чтобы снова вернулись те волшебные мгновения, когда я включала музыку на полную громкость и начинала подпрыгивать, приплясывать и подпевать. Да, если бы моя жизнь оборвалась в тот момент, я все равно сказала бы, что она прожита не зря.

7
Падение

Я не в силах сдержать волнение каждый раз, когда возвращаюсь в Катманду. Дорога в большой город занимает всего два часа, но они кажутся мне вечностью. На этот раз меня вез довольно приветливый таксист. Тем лучше, сегодня я не в настроении с кем-либо препираться. С тех пор как я уехала в монастырь, прошло уже два сезона дождей; время течет незаметно, и встречи с родителями с каждым разом становятся все мучительнее. Я стараюсь приезжать к ним раз в месяц, если учителю не требуется моя помощь. На самом деле, я возвращаюсь домой только ради мамы — и ради братьев, конечно. Но точно не ради отца. Его жизнь меня ни капельки не волнует. Я провожу дома всего три дня и стараюсь, чтобы у меня сохранились только хорошие воспоминания. В основном я гуляю по Боднатху. Мне очень нравится тратить карманные деньги, которые я смогла заработать: я хожу в кино, покупаю всякие безделушки, конфеты, много всего. Но в монастырь я всегда возвращаюсь с пустыми руками!

Хм, я-то думала, что мне в кои-то веки встретился нормальный водитель, но ошиблась. И этот таксист наотрез отказывается заезжать в Боднатх, так что последние триста метров мне приходится пре-

одолевать пешком. У моего квартала плохая репутация среди непальцев, потому что вокруг храма теснятся забегаловки, в которых торгуют спиртным. Это просто хижины из высохшей глины, дерева и кирпичей, где, если у вас есть несколько монет, вам нальют в алюминиевый стакан напиток, который готовится прямо на месте. Такое зелье ударяет в голову до того, как попадает в желудок... И после этого по грязным улицам вечернего Боднатха шатаются толпы нетрезвых тибетцев: они бормочут себе под нос истории, которые никого, кроме них самих, не интересуют, тоскуют по минувшим временам и родной стране, которую их вынудили покинуть. Один из них — мой отец.

Сегодня я опоздала и не смогла предупредить родителей, поэтому мама не увидела, как я приехала. Она стоит спиной ко мне, рядом с ней — мой брат Карма Пунтсок, на руках у которого вертится грязный белый щенок. На недовольной мордочке щенка явно читается желание кое-кого укусить. Мама хватает брата за руки, и щенку удается улизнуть.

— Ты понимаешь, что сделал ей больно, ну-ка, скажи, понимаешь?

Мама сильно щиплет брата за локоть. Карма Пунтсок кричит, извивается, пытаясь вырваться. Тогда мама прекращает его щипать, но все равно не отпускает. Я прекрасно вижу, что она хочет ему объяснить, — ведь и со мной недавно приключилась точно такая же история.

— Вытри-ка слезы и послушай меня. Запомни: нельзя больше наступать на улиток! Это живое существо, такое же, как и ты. Тебе больно, когда я тебя щипаю? А теперь представь, что чувствует улит-

ка, когда ты наступаешь на нее ногой! Обещай, что больше так не будешь делать...

Карма Пунтсок вытирает слезы, смотрит сначала на красный след на локте, потом немного обиженно — на маму и убегает, не дожидаясь продолжения. Он усвоил урок.

— Я смотрю, ты до сих пор практикуешь добрые старые методы убеждения...

— Чоинг, девочка моя! А я уж думала, что ты сегодня не приедешь...

Мама поворачивается ко мне, и я с ужасом смотрю на нее. На лбу — свежий, еще не заживший порез, круги под глазами темнеют сильнее, чем обычно, на фоне кровоподтека, занявшего половину лица. То, чего я так боялась, снова случилось. Он опять избил маму. С того самого дня, как я стала монахиней, никто не поднимал на меня руку. Ну, разве что иногда я получала несильные шлепки от монахинь, если уж совсем их доводила, но отец ни разу не ударил меня. Нельзя поднять руку на ту, что посвятила свою жизнь религии, даже если это ваша собственная дочь и на ее теле до сих пор остались следы вашего гнева. Отец не смел. Но мама была совсем беззащитной. Отцу больше не на ком вымещать свою ярость, а меня даже не было рядом, чтобы ей хоть как-то помочь.

Я чувствую, как к горлу подкатывает ком. За время, проведенное в монастыре, я успела отвыкнуть от грязной жестокости мужчин. Но стоило мне спуститься с горы, как я тут же погрузилась в трясину человеческого мира, где отец диктует свои законы. Я бы все отдала, чтобы забрать отсюда маму. Но я не уверена, что она сама этого хочет.

За один взмах ресниц злые слезы успели растопить те крупицы мудрости, которые я старательно

скопила за два года жизни в Наги Гомпа. Ярость — самое сокрушительное оружие, с которым я когда-либо сталкивалась. Гнев охватил меня, как неудержимый поток захватывает своим течением камешки, мирно лежавшие на берегу. Как наркоман, отказывающийся от борьбы и с замирающим от страха сердцем погружается в обольстительный дурман, я отбросила в сторону доброту и мягкость Чоинг, чтобы в один миг вернуться к бешенству Помо... Еще вчера я была такой спокойной, такой счастливой... Но ярость похожа на старого друга: она может месяцами не напоминать о своем существовании — и появиться на пороге с таким видом, будто вы расстались лишь вчера. Младшая сестра Брюса Ли никуда не исчезла...

Я ни о чем не спрашиваю маму, я даже не хочу знать, что произошло. Это бесполезно. Я молча направляюсь к центру Боднатха. За плечом у меня по-прежнему болтается дорожная сумка, но я этого не замечаю. Иду по улице, не отвечая на приветствия старых знакомых. Рассекаю толпу, люди сами уходят с моего пути, их удивляют мой быстрый, решительный шаг и сумка на плечах. Монахини редко куда-либо торопятся...

Я замечаю его, когда между нами остается еще несколько десятков метров. Его высокая фигура выделяется из толпы его субботних собутыльников-тибетцев. Они всегда собираются на одном и том же месте, неподалеку от храма. Его волосы, теперь уже совсем седые, стянуты в тонкий конский хвост черной лентой, концы которой свисают ему на плечи. Сегодня он надел свой лучший, бело-коричневый костюм. Отец всегда уделял много внимания своей внешности. Он стоит спиной ко мне; должно быть, рассказы-

вает очередную шутку, потому что его друзья, сидящие вокруг, внимательно слушают и время от времени хохочут. У всех в руках — маленькие алюминиевые стаканчики. Я приближаюсь. Дядя узнал меня. Должно быть, я похожа на маленького быка: ноги слегка расставлены, голова втянута в плечи, кулаки прижаты к бедрам.

Отец разворачивается и наконец замечает меня. Его взгляд меняется так же быстро, как зимнее небо. Глаза внезапно светлеют, радость пробивается даже сквозь алкогольные пары. Улыбается, как ребенок, очевидно довольный тем, что я приехала.

— Чоинг, моя маленькая Чоинг! Посмотрите, какая у меня серьезная дочка!

В тот день я могла унизить его, заставить идти прямо перед собой, чтобы все друзья видели, как он шатается и едва держится на ногах. Могла бы отволочь его домой, как беспробудного пьяницу. Я думала об этом. Но в тот миг я не двигаюсь с места. Внезапно меня охватывает жалость. Как мы дошли до такого? Почему человек, стоящий передо мной, верный друг, радушный хозяин, талантливый художник, стал таким ничтожным мужем и отцом? В его силе никто не сомневается, его уважает весь квартал, но почему он считает нужным вымещать свой гнев на собственной семье, тем самым доказывая свою власть? Не понимаю. Наверное, это невозможно объяснить.

Вспыхнувшая дома ярость выжгла все мои силы. Мне кажется, что я сейчас усну.

— Здравствуй, папа! Пойдем домой, все тебя ждут.

— Замечательно, Чоинг, пойдем... Вот, смотрите все, я хороший отец, я слушаюсь свою дочурку...

Он одним глотком опустошает свой стакан, с металлическим стуком опускает его на деревянную бочку, которая заменяет стол, жмет руки нескольким друзьям и идет ко мне практически строевым шагом. Окружающие начинают улыбаться. Отец обожает притворяться клоуном. Он протягивает мне руку — я с расстроенным видом киваю на свою сумку и неловко пожимаю плечами. Я по-прежнему не могу к нему прикоснуться. Лучше уж разыграть небольшой спектакль.

Остаток выходных проходит просто замечательно. Я помогаю братикам делать уроки, вручаю им маленькие подарки (я так делаю каждый раз, когда приезжаю). Не скажу, что у меня много денег, но учитель дает мне достаточно на карманные расходы, а еще гости монастыря часто в благодарность оставляют мне несколько купюр, так что если малышам требуется новая пара кроссовок, то я могу себе это позволить. Я знаю, каково это — быть самой бедной в классе, и не хочу, чтобы мои братья испытали то же самое. Еще я сходила на болливудский фильм и вернулась в превосходном настроении. По вечерам мы сидим за столом, едим мясной *dhal bat*, а родители рассказывают о своих старых друзьях.

Последняя ночь перед отъездом в монастырь. Я лежу в своей кровати, смотрю на пятно света на полу и никак не могу уснуть. Вся семья спит. Отец храпит, как старый мотор. Я слушаю его и улыбаюсь. Может быть, наша семья не хуже других... В конце концов, все мы, словно мухи, залетевшие в банку из-под варенья, бьемся о стенки этой жизни. Я решила уехать и изменить свою судьбу, но это не значит, что теперь я могу осуждать тех, кто остался.

Утром на душе у меня неспокойно. Несколько последних часов в кругу родных промчались как во сне; все старались проявить себя с лучшей стороны. После обеда я уезжаю — и при этом мне кажется, что я бросаю маму на произвол судьбы. Такси везет меня обратно в монастырь, а я судорожно сжимаю пластиковую сумку с едой — угощение для друзей. Машина подпрыгивает на ухабах, и я трясусь вместе с ней. Я напряжена до предела, не реагирую на слова водителя, который рассказывает о своей жене, которая должна скоро родить. Мне кажется, что два часа в дороге превратились в два месяца. Наконец мы въезжаем в национальный парк и, подобно гусенице на лепестке розы, начинаем медленное покорение горы: аккуратно объезжаем ямы и выбоины, минуем по самому краю глубокие лужи, преодолеваем бугорки. И в конце концов добираемся до монастыря. Я плачу и выпрыгиваю из машины, как чертик из коробки. Не могу больше. Такси целую вечность разворачивается на маленькой грязной площадке. Наконец свет фар машины исчезает вдалеке. Я бросаю сумки на землю, бегу в сторону от тропинки. Останавливаюсь возле цветущего куста, падаю на колени — и меня вырывает. Стоя на четвереньках, испачкав руки о жирную влажную землю, я поднимаю голову к тяжелому небу и вою. Вою истошно, выворачивая душу наизнанку, как собака, чтобы освободиться, очиститься от ненависти. Не хочу больше с ней жить. Но мне удается лишь скрыть ее на время, я знаю, что она рядом, готова воскреснуть в любое мгновение. Я очень хочу ее одолеть, но не уверена, что смогу это сделать. Она сильнее меня.

8
Над облаками

Когда я увидела его в первый раз, то подумала о Мохаммеде Али.

Я сижу в комнате для молитв и вдруг вижу, как мимо окна проходит незнакомец. Смотрю на него — и он смотрит на меня снаружи через стекло. Я впервые в жизни вижу настоящего чернокожего человека; он рядом, не в телевизоре! Поверить не могу. Как только церемония заканчивается, я бегу к Андреасу, немцу, который живет в Наги Гомпа уже несколько лет. Он прекрасно говорит по-тибетски и, как и я, входит в круг людей, приближенных к учителю. За время моей жизни в монастыре мы успели подружиться, я даже называю его *Aba Gaga* — дорогой папа.

— Ты видел черного человека? Кто он такой?

— Это американец из Солт-Лейк-Сити, профессор боевых искусств и рукопашного боя. Он приехал, чтобы послушать Тулку Ургьен Ринпоче, проведет у нас несколько дней.

Рукопашный бой... Монахиня монахиней, но моя любовь к Брюсу Ли никуда не делась. И желание научиться драться — конечно, уже не такое жгучее, как в Катманду, — по-прежнему живет в моей душе.

— Он обязательно должен обучить меня кун-фу, обязательно!

— Если тебе нужен мой совет, то я вот что тебе скажу: хорошо позаботься о нашем госте, приноси ему завтрак по утрам, покажи ему монастырь, помогай ему во всем. А я попрошу его дать тебе несколько уроков.

На следующее утро, ровно в семь, я стучусь в дверь американца. Джерри Гарнер уже многие годы является последователем буддизма, он прекрасно знает правила монастырской жизни. Но вот меня он не знает.

— Доброе утро, вот ваш чай. Пожалуйста, угощайтесь и позанимайтесь со мной кун-фу.

Американец недоуменно смотрит на меня. Даже сидя на кровати, он возвышается надо мной. Да, он очень большой и очень мускулистый.

— Малышка, а ты кто такая?

— Меня зовут Ани Чоинг Дролма. И я совсем не малышка... Мне уже шестнадцать лет.

Я объясняю ему, что хочу научиться драться, что я очень крепкая и пусть его не смущает мой маленький рост — я сильнее некоторых мальчиков.

— Ты хочешь, чтобы я научил тебя драться, но мне кажется, что ты будешь использовать эти навыки из дурных побуждений.

— Неправда! Это вы хотите оправдать отказ меня учить из дурных побуждений: потому что я женщина и потому что я монахиня.

— Ну, хорошо. В таком случае лучше я обучу тебя тайскому боксу. Он позволит тебе защищаться и уклоняться от ударов, но не даст возможности атаковать.

И вот в маленьком саду перед домом, стоящим чуть в стороне от основных монастырских строений, в котором живет Андреас, Джерри проводит первый урок боевых искусств. Мы приходим туда рано утром, причем Андреас решил к нам присоединиться.

К тому времени, даже если я и вела себя как задира-сорванец, тело мое уже начало приобретать женские формы. Округлившиеся груди меня особенно смущали. Женская сущность постепенно одерживает верх, и я оказываюсь в весьма неудобном положении. Наполовину мальчик, наполовину девочка — осколок гранита, покрытый пеной.

В полдень, незадолго до обеда, я сижу на кухне, передо мной — Злюка. Она и представить себе не может, какие мысли скрывает мой лоб со шрамами. Недовольно смотрит на меня поверх очков. Если она решила, что это произведет на меня какое-либо впечатление, то она просто не знает, с кем имеет дело... Я никогда не входила в число застенчивых смирных монашек, которые говорят тихим голосом, смотрят в пол, смеются в ладошку, даже находясь к открытом поле, и думают, что получают благословение небес, если кто-то обратил на них внимание. Я гордая и признаю это. Я слишком высокого мнения о себе. Но я понимаю, что пока еще маленькая и почти ничего не знаю. А морщинистая Злюка, фигурой напоминающая бутылку, успела многое пережить. И ушедшие годы должны были наставить ее на путь мудрости. Но видимо, в день, когда перед ней открылся этот путь, она забыла дома очки...

— Ну, как ты, Чоинг, не устала? Столько дел, наверное...

— Да нет, думаю, успею еще поспать после обеда, но все равно спасибо за беспокойство.

У нее нервно дергается правая щека. Да, мне очень редко доставляет удовольствие выводить кого бы то ни было из равновесия, но Злюка — это исключительный случай.

Во время разговора я продолжаю делать свечи — в Наги Гомпа нет электричества. В прошлом месяце мужчина, одетый в европейский костюм, пришел в монастырь и предупредил нас, что в следующем месяце будут проводиться муниципальные выборы и если мы проголосуем за его кандидата, то нам наконец проведут электричество. И вот однажды утром в Наги Гомпа прислали автобус, который отвез монахинь в сельскую школу. Я еще слишком мала, чтобы голосовать, но все равно поехала — из любопытства. Все сестры поставили галочку напротив одного и того же имени и под бдительным взглядом официального наблюдателя опустили бюллетени в урну. Многие монахини даже читать не умеют, но их не очень беспокоило, за что и за кого они отдали свой голос. Ведь всем хотелось, чтобы в Наги Гомпа было электричество…

А пока его не провели, я делаю свечи — причем применяю свой собственный метод. В старую банку из-под консервов складываю огарки, которые собираю в храме *stupa* Боднатха, и осторожно нагреваю. Потом беру маленькую бутылочку (из тех, в каких продается сироп от кашля), просовываю в бутылочку тонкую веревочку и наливаю внутрь горячий воск, так чтобы фитиль был строго посередине. И ставлю бутылочку в сторону — остывать. Через два дня, когда воск достаточно затвердеет, аккуратно разбиваю бутылочку и получаю новую свечку!

Этим я и занимаюсь, пока Злюка заполняет книгу приходов-расходов. Именно она руководит закупкой риса, картошки и остальной провизии, которой питаются те, кто состоят на службе у учителя.

— Я поговорила с Тулку Ургьен Ринпоче... не надо на меня так удивленно смотреть. Так вот, твое недостойное поведение, твоя дерзость и особенно твои ежедневные драки в саду Андреаса — это ужасный пример для всех остальных. И учитель хочет тебя видеть. Кстати, он ждет тебя уже пять минут.

И она меня не предупредила?! Я опаздываю на встречу, о которой ничего не знала. Но я не буду торопиться, не хочу доставлять Злюке такого удовольствия. Поэтому аккуратно выливаю воск в последнюю бутылочку, ставлю ее на стол и покидаю кухню.

Я без стука вхожу в комнату медитаций Тулку Ургьен Ринпоче. Вот уже несколько недель — с тех пор, как я в последний раз ездила в Катманду, — меня не оставляет смутная тревога. Я понимаю, что расслабилась: стала менее внимательной на совместном чтении священных текстов; вечером, перед тем как идти спать, мне хочется как можно быстрее произнести молитву, не тратя время на медитацию.

Учитель видит, что я пришла, но молчит. Я выразила ему свое уважение, зажгла благовония и села у его ног. Опустив голову и закрыв глаза, я пытаюсь усмирить бурю, которая уже много дней бушует в моей душе: она вот-вот вырвется на свободу. Лишь оказавшись рядом с учителем, я понимаю, насколько у меня внутри все перевернулось.

— Может, вместо того чтобы проклинать тьму, надо попытаться зажечь свечу?

Учитель явно имеет в виду не мои опыты с воском. Пусть я еще совсем юная монахиня и мало знаю о буддизме, но слова учителя, словно зерна мудрости, уже начали прорастать в моей душе. Я молча жду, когда он снова заговорит.

— Вместо того чтобы ждать чего-то от других и тратить свою энергию, свои силы и свой ум на то, чтобы осуждать и критиковать окружающих, попробуй изменить свое восприятие. Если в их душах живет зло, помоги им, ведь тебе удалось познать добро. Отдавай, если ничего не хочешь получить взамен. Не можешь повлиять на других — начни с себя. Пойми, что именно тебе не нравится в других людях, и постарайся развить в себе противоположные качества.

Учитель никогда не бывает многословен. Его уроки редко бывают теоретическими, он не привык давать ключи, он предпочитает действовать. Я наблюдаю за Тулку Ургьен Ринпоче, вижу его взгляд, полный любви, доброты, понимания и сострадания к другим, — и учусь. В тот день он говорил со мной дольше, чем когда-либо.

— Да, я знаю. Но я не могу усмирить ярость, которую пробуждает во мне отец. Я его не понимаю... Он явно не любит ни меня, ни мою мать. И эта несправедливость сводит меня с ума. Жестокость и ненависть вытеснили все остальные чувства из моего сердца, я бы очень хотела от них избавиться — но не могу...

— Чоинг, тебе знаком этот текст Будды? Послушай...

Учитель закрывает глаза и читает наизусть отрывок из «Дхаммапады», одного из самых древних буддийских текстов, которые дошли до наших дней.

Его едва слышный, спокойный голос заполняет комнату. Мне кажется, что меня оплетают родные теплые слова.

Посмотри, как плохо он со мной обращался,
как бил меня,
Как бросал меня на землю, обкрадывал меня,
Живи своими воспоминаниями —
и будешь жить ненавистью,
Оставь эти мысли и живи любовью в мире.
В этом мире ненависть никогда не заставит
уйти ненависть,
Лишь любовь может изгнать ее из сердца,
И таков древний, нерушимый закон.

Последние слова учитель произносит едва слышно, словно вбирает их в себя. Слезы медленно текут по моим щекам. Мне хочется плакать, но в моем сердце нет печали. Меня просто переполняют слишком сильные эмоции.

— Я не говорю, что ты должна его простить, в конце концов, это не так важно. Я понимаю твою злость. Но она не принесет пользы ни тебе, ни кому-либо другому. Она ударит тебя снова — и ты будешь ранена дважды. Неужели ты думаешь, что твоему отцу доставляет удовольствие тебя бить? Мне кажется, что он болен; он легко поддается эмоциям и не может с ними бороться. Я уверен, что после того, как он изобьет тебя или твою мать, ему самому очень тяжело. Он страдает от этого. У тебя есть возможность научиться покорять свои эмоции. Из вас двоих тебе повезло гораздо больше, Чоинг...

Учитель говорит едва слышно: я не разбираю и половины его слов. Тем не менее я стараюсь быть очень внимательной, ведь это Тулку Ургьен Ринпо-

че, человек, которого я бесконечно уважаю. Он по-настоящему любит меня и никогда не посоветует плохого. Учитель желает мне только добра. Но кулаки сжимаются против моей воли...

— Что ты сделаешь, если увидишь на улице больного человека? Неужели ты не предложишь ему помощь? Так почему же ты поделишься с незнакомцем тем, в чем отказываешь собственному отцу? Думай о том, что он сделал тебе хорошего, вместо того чтобы вновь и вновь воскрешать дурные воспоминания. Тебе кажется, отец причинял тебе лишь боль, которую ты никак не можешь забыть. Но ведь он заботился о тебе с самого рождения, когда ты была еще малюткой и тебя могла утащить крыса, он кормил тебя и дал возможность ходить в школу. В том, что ты здорова и сидишь сейчас рядом со мной, есть и его заслуга. Не надо быть к нему несправедливой: если вспоминаешь все его дурные поступки, не забывай о хороших.

Я стараюсь воспользоваться советом учителя. Вижу, как отец сажает меня на плечи, чтобы я могла поверх толпы наблюдать за церемониями в храме; как он работает с утра до ночи без защитной маски, дышит ядовитыми испарениями химических продуктов, когда красит статуи; как идет вместе с мамой гулять по Боднатху и кушать *momos*... Конечно, мой папа не монстр. Если такие воспоминания помогут мне избавиться от тяжкого груза ярости, я обязательно буду так делать.

Мне надо обдумать сказанное учителем. Уже стоя на пороге комнаты, я поворачиваюсь к Тулку Ургьен Ринпоче: он смотрит на меня и улыбается.

— Подумай еще вот о чем: лотос рождается в грязи, но цветок его всегда остается белым и чис-

тым. Такова наша главная задача: выжить в мире проблем и не дать им затронуть свою душу. В этом и состоит радость свободы.

Я выхожу из комнаты для медитаций и полной грудью вдыхаю свежий воздух. Разноцветные молитвенные флажки громко хлопают в небе. Я одна. Надо мной летают вороны. Я вижу, как вдалеке копается в огороде монахиня, но не могу различить ее лица. Мне холодно. Я подхожу к самому краю земляной площадки, туда, где обрывается в пустоту монастырский холм. Сажусь скрестив ноги на влажную траву, руки ладонями вверх кладу на колени — я часто наблюдала, как учитель медитирует в такой позе. Злюка права: до сих пор я была ленивой. Мне некого винить, я сама отказывалась развиваться и работать над собой. Я научилась драться, но что если я до сих пор шла по ложному пути? Недостаточно просто закалять тело, необходимо тренировать еще и разум.

В сотне метров от меня, в туманной дымке облаков, парит орел — практически на одной высоте со мной. Учитель говорил, что я тоже смогу полететь, если захочу. Надо лишь медитировать снова и снова. Я верю, что взлечу, если как следует сосредоточусь. Для начала я стараюсь утихомирить беспокойные голоса в моей голове. Их надо заставить замолчать, выключить, как мы выключаем радио одним нажатием кнопки. В моей голове жужжит тысяча мыслей: отец; учебник по английскому языку; «Изумруды для твоего сердца», последний индийский фильм, который я посмотрела в Боднатхе; немецкий гость, уехавший на прошлой неделе... Я напеваю мантру, ту самую, что часто шепчет учитель перед сном. Чувствую, как мои ладони гладит

напитанный влагой туманный воздух, как горячая кровь бурлит в моих венах, надувается живот, медленно распрямляются плечи. И постепенно успокаиваюсь.

По прошествии нескольких дней — я как раз стираю белье в ручье — ко мне подходит учитель и присаживается на камень:

— Это пятно сегодня не отстирается, Чоинг, грязь слишком сильно въелась в ткань.

— Знаю, но я тру, тру, и пятно становится все бледнее и бледнее.

— Ты будешь отчищать его с каждой стиркой, и однажды оно исчезнет навсегда. То же самое с ненавистью. Нужно мыть снова и снова...

Поучения Тулку Ургьена Ринпоче всегда опираются на мелкие, незначительные на первый взгляд явления окружающего мира.

Буддизм... Это уникальное таинство, каждый человек находит в нем что-то свое, близкое, неразделимое, — поэтому мне трудно объяснить его суть. Нужно работать над собой день за днем, год за годом, каждый миг, медитировать, медитировать и снова медитировать. Это долгий, трудный путь — и идти придется по извилистой каменистой дорожке у самого края пропасти.

Каждый день я сижу на большом камне, и передо мной раскидывается зеленая долина. Я медитирую, стараясь очистить свой разум. Джерри Гарнер уехал в Соединенные Штаты, а я перестала тренировать руки, чтобы лучше драться. Теперь я втираю лосьон в ладони, чтобы они были мягкими. Я наслаждаюсь моментами освобождения. Меня неудержимо влечет поставленная цель — научиться летать. После медитации я отчаянно выворачиваю

шею, чтобы посмотреть, не проросли ли крылья. Но спина остается совершенно гладкой — ни намека на оперение, да и во всем обозримом пространстве — ни перышка, если только орел случайно не оставит свои перья рядом с камнем. Моя душа крепнет с каждым днем, меня совсем не тянет драться. Теперь я хочу вернуть людям все, что они мне дали. Сама того не осознавая, я поднимаюсь над землей. И вскоре тоже воспарю над облаками.

9
Взросление

Мама аккуратно разворачивает шелковую упаковку, при этом ее щеки краснеют от удовольствия. Кончиками пальцев — словно от резкого движения чудо может исчезнуть — достает золотую цепочку:

— Родная моя, ну зачем же, это слишком прекрасно…

— Слишком прекрасно для кого, мама? Ее будто специально для тебя делали, подходит идеально…

— Наверное, стоит ужасно дорого…

— Мама, сколько раз я тебе говорила, что в монастыре мне дают достаточно денег. А мне так нравится тебя радовать — больше, чем тебе получать подарки!

Я поднимаю мамины косы и застегиваю цепочку. Первый раз в жизни у меня есть достаточно денег, чтобы подарить маме нечто по-настоящему дорогое. Как и все восточные женщины, мама обожает золото. А я обожаю смотреть в ее счастливые глаза.

Я только что вернулась из Сингапура, куда уезжала почти на полтора месяца: меня пригласила одна очаровательная женщина, буддистка-китаянка Лим Хсиу Мей, которую я называла крестной. Мы познакомились в прошлом году, она приехала в монастырь, чтобы побеседовать с учителем. Перед

отъездом Лим Хсиу Мей настойчиво предлагала мне отправиться с ней. Но для этого необходимо согласие Тулку Ургьен Ринпоче. Я сгорала от желания повидать мир, открыть для себя то, что прежде манило меня с экрана телевизора. Но учителю не хотелось меня отпускать, моя помощь была нужна ему в монастыре. Прошло несколько месяцев, в течение которых я регулярно говорила с ним о путешествии, истратила весь свой запас воображения (надо признать, безрезультатно) — и вдруг мне представился уникальный шанс. С того момента, как Лим Хсиу Мей пригласила меня к себе, прошел год, и тут учителю понадобилось уехать в Тайвань (он должен был отсутствовать несколько недель). Раз его не будет в монастыре, значит, ему не нужна моя помощь! Наконец, устав бороться со мной (и втайне восхищенный моим упорством), он разрешил мне отправиться в путешествие.

Подобная перспектива меня пугала и радовала одновременно. В монастыре моя новая «эксцентричная» выходка вызвала неудовольствие у многих почтенных монахинь. Ну и пусть! Я уже поняла, что никогда не смогу жить с ними в полном согласии. Для меня имело значение лишь мнение Тулку Ургьен Ринпоче. Таким шансом нельзя пренебречь! Несколько поездок с семьей в Индию — вот и весь мой опыт путешественника. А теперь я поеду в далекую страну, где люди живут совсем не так, как мы. Особенно меня волнует то, что я полечу на самолете! Совсем одна… Я надолго запомню этот полет; он был одновременно восхитительным и ужасным. Восхитительным, потому что мне все нравилось: приветливые стюардессы, их чистая форма, замысловатая еда, которую подавали в невероятно маленькой

порционной посуде. А еще в самолете так здорово пахло! Ужасным, потому что через пару часов меня укачало. Я вся вспотела, голова кружилась, было невыносимо тяжело дышать. В конце концов меня стошнило. Какая-то морская болезнь… Я чувствовала себя очень неуютно, за весь полет не сказала ни слова, только вжалась в кресло, отодвинувшись как можно дальше от соседки, которая старалась не смотреть в мою сторону. Я так и не смогла заснуть.

Крестная приехала за мной в аэропорт, и тут я забыла о своем недомогании. Все силы уходили на то, чтобы изумляться. Специальный ковер на мраморном полу, куда складывали пассажирский багаж, роскошные бутики с сияющими витринами, перед которыми чинно выстроились блестящие такси, стюардессы, похожие на красавиц из Болливуда, — у меня глаза разбегались от такого пестрого великолепия. С урчащим от страха животом и глупой улыбкой на лице я вышла из аэропорта Сингапура.

Высунув голову в окно автомобиля крестной, я с жадностью всматриваюсь в проносящийся мимо город, словно он может исчезнуть в мгновение ока. Меня поражают его контрасты: с одной стороны — ультрасовременные башни, пронзающие облака, с другой — старые дома с сохнущим на веревках бельем (сначала я приняла его за занавески)! Больше всего мне запомнилась автомойка: огромные пенные валики, странные звуки, доносившиеся снаружи в салон автомобиля — казалось, что мы находимся в центре торнадо, — и страх, соперничающий с новизной впечатлений…

Я мучаюсь от неожиданной жары и сильно потею в своем плотном одеянии. На третий день

крестная предлагает мне подобрать что-нибудь не такое монашеское из одежды:

— Ани, ты не можешь ходить вот так, с тебя пот течет ручьем. Почему бы тебе в виде исключения не переодеться во что-нибудь нормальное?

Я не могу выдавить из себя и двух слов, кое-как объясняю крестной, что на улице люди смотрят на меня и я чувствую себя очень неуютно. В Непале так много монахов и монахинь, любая толпа пестрит красно-рыже-желтыми пятнами, и никто не обращает на них внимания. А здесь прохожие часто оборачиваются и начинают меня разглядывать, а мне это не очень нравится. Крестная прекрасно понимает, каково мне, поэтому буквально на следующий день покупает шорты-бермуды и пару футболок того же цвета, что и мои монашеские одежды, так что я чувствую себя гораздо лучше. Теперь я почти не выделяюсь на улицах Сингапура.

Дни бегут один за другим, я снова приступаю к занятиям. По утрам я хожу в лингвистический центр, где австралийский профессор, похожий на актера Робина Уильямса, занимается со мной английским. Я бы осталась в Сингапуре еще дольше, но виза закончилась, и через пять недель я вернулась в Непал, с сумками, полными подарков.

— Расскажи, расскажи, как там, за границей!..

Я успела уже раз пять рассказать родителям и братьям о своей поездке, но начинаю снова, поскольку всем это очень нравится. И мне тоже. Я описываю невероятно прямые улицы, бутерброды с плавленым сыром, женщин в мини-юбках, толпы в метро, светофоры, гудки кораблей в порту, подростков, целующихся прямо на улице, рекламные плакаты...

— А это правда, что все иностранцы живут во дворцах и разговаривают только о любви, красивой одежде и вкусной еде?

Наша соседка — мы даже не заметили, как она вошла, — тоже хочет получить свой кусочек мечты. Как и многие жители Тибета, никогда не покидавшие родную страну, она свято верит, что за границей все именно так, как показывают в кино. Да и мое мнение о мире до поездки в Сингапур было на редкость наивным, но теперь я поняла, насколько экранная жизнь отличается от жизни настоящей. Мои друзья работают по десять часов в день, почти не бывают дома, возвращаются поздним вечером, усталые и вымотанные. Мне порой кажется, что они постоянно бегут за чем-то недостижимым. Я успела привыкнуть к долине Катманду, раскинувшейся у моих ног, а они живут на куда меньших пространствах. Мне очень понравилось в одиночку гулять по огромному Сингапуру, ездить на автобусе, часами разглядывать витрины, пробовать необычные блюда, обладающие невообразимым вкусом. Я смогла ощутить и полюбить непрерывное биение сердца большого города, с удовольствием вспоминаю приветливость тех, с кем успела встретиться, но все же я бесконечно рада тому, что вернулась домой.

— А себе-то ты что купила?

Я показала две пары туфель, которые подарили мне друзья. Обожаю туфли. Если бы я не была монахиней, то обязательно стала бы *fashion victim* — жертвой моды! Мне безумно нравится красивая, хорошо скроенная одежда из дорогих тканей. Наверное, это у меня от отца... Религиозные одеяния не отличаются особым разнообразием. Лишь в том,

что касается обуви, я могу проявить хоть немного фантазии. Я всегда стараюсь выбирать простые и элегантные туфли. Это единственная уступка истинно женскому кокетству. Мои китайские друзья знали о моей маленькой слабости и любезно подобрали мне красные мягкие туфельки и коричневые мокасины.

Отец до сих пор молчал и с задумчивым наслаждением нюхал свою рубашку. Я подарила ему французские духи. Он словно опьянен, но на этот раз счастьем. Больше всего его сводят с ума зеленые купюры, весьма своеобразным способом разложенные на столе. Он не может оторвать от них взгляд, ему кажется, что там сотни долларов. Часть банкнот отец распределил по кучкам, часть лежит просто так.

Невольно я жду хоть какой-то благодарности. Мне достаточно одного короткого слова «спасибо». Но отец молчит. Я поворачиваюсь к нему. Мы смотрим друг другу в глаза. Этот молчаливый обмен взглядами заменяет тысячи слов. Я все прекрасно слышу и чувствую. Его гордость. Счастье. Восхищение. Его дочку пригласили на другой конец света, и вот она вернулась домой, с множеством подарков. Он никак не может в это поверить. Хотя понимает, что в глубине души всегда знал, что его Чоинг — не такая, как все. По выражению отцовского лица я вижу, что радость переполняет его сердце.

За пять недель, проведенных в Сингапуре, я старалась экономить каждую монетку. Первый раз в жизни я откладывала что-то про запас. Там я получала множество приношений; по буддийской традиции люди дарят подарки монахам и монахиням, чтобы те молились об их благополучии. Жители Сингапура оказались очень щедрыми, и мне

удалось скопить около тысячи долларов. Я аккуратно складывала купюры в красную кожаную сумочку, которую мне подарила подруга. И каждый раз, когда я клала туда очередную бумажку, то думала об отце, о том, как я приеду и протяну ему целую пачку долларов.

С тех пор как шасси самолета коснулось асфальта аэродрома, у меня из головы не выходила лишь одна мысль: отдать все деньги отцу. В сумочке было столько купюр, что я с трудом могла ее закрыть.

— Держи, это тебе!

Как только я переступила порог родного дома, сразу протянула деньги слегка озадаченному отцу:

— Держи, говорю, это вам.

Пытаюсь приглушить нотку триумфа в своих словах, но не могу. Никогда еще я так собой не гордилась. Я всегда хотела сделать свою семью счастливой!

— Тебе больше не понадобится содержать меня, обещаю. Отныне я буду заботиться о вас...

И я говорю правду. Учитель постоянно повторял мне, что родители — самые важные люди в нашей жизни. Надо относиться к ним очень бережно, отдавать им всю любовь, которую они подарили нам, когда мы были еще беспомощным пищащим свертком. Они заботились обо мне после того, как я родилась, а теперь я должна о них позаботиться. Для буддиста нет более почетной и добродетельной обязанности. Родители подарили мне самое драгоценное — жизнь. Я никогда не смогу отблагодарить их за это сполна. До конца их дней я отдавала им все, что могла, и не попросила ни гроша.

В 1991 году, когда отец решил построить новый дом, чтобы переехать, я помогала родителям как

могла. Дела у отца шли хорошо; каждый раз, уезжая за границу, я увозила с собой его статуэтки на продажу. В Гонконге и Тайвани они стоят больше, чем у нас, в Катманду. Некоторые монахини из Наги Гомпа не очень хорошо относятся к тому, что я занимаюсь торговлей. Именно в это время злые языки дали мне прозвище Бизнес-монашка. Но мне было все равно, потому что у меня была одна четкая цель — сделать свою семью счастливой. В тот год я очень много времени провела в Боднатхе. Мне приходилось руководить работами, потому что отец был на это явно не способен. Как наивный ребенок, он доверял сомнительным подрядчикам, постоянно уходил со стройплощадки и был слишком сговорчив с рабочими. Я — нет.

Я приезжаю в Боднатх так часто, как могу, стараюсь заключить самые выгодные контракты, ищу архитекторов, руковожу процессом и внимательно слежу за тем, чтобы нас не обвели вокруг пальца. Я нахожусь на стройке с восьми утра до восьми вечера. Мое постоянство и серьезный подход к делу сначала вызывают любопытство у соседей, а потом они начинают меня искренне уважать. Однажды мужчина, друг моих родителей, которого я едва знаю, подходит ко мне (я заметила, что он и его жена часто за мной наблюдали) и замечает:

— Твоим родителям очень повезло, что у них есть такая дочь, как ты!

— Спасибо. Мне тоже повезло. Я занимаюсь этим, потому что мне нравится.

— Да, я вижу...

Он явно чувствует себя немного неудобно, поэтому начинает рыться в кармане. Достает фотографию и неловко протягивает ее, широко улыбаясь.

— А я тебе уже рассказывал о своем сыне? Он живет в Сингапуре, занимается государственными делами... Хороший мальчик. Что скажешь насчет того, чтобы стать моей невесткой? Мы с женой будем очень рады ввести в семью такую преданную, отважную и работящую девушку. Да ты к тому же еще и такая милая...

Он снова улыбается, его самоуверенность и у меня вызывает желание смеяться. Я решаю воспринять его слова как шутку, чтобы он не почувствовал себя неловко, а еще для того, чтобы поскорее прекратить этот нежелательный разговор. Мне двадцать лет, и я действительно довольно симпатичная. Я прекрасно вижу, что нравлюсь мужчинам, даже несмотря на религиозные одеяния. В квартале меня называют прелестной монахиней. Иногда девушки, слишком рано пришедшие в монастырь, потом меняют свое решение и выходят замуж. Уступая просьбам и желаниям мужчин, они отказываются от монашеской судьбы и вступают в брак. Я знаю, что это случается чаще, чем люди могут себе представить. Но со мной этого не произойдет. Когда я начала путешествовать и вести себя не так, как «традиционные» монахини, родители испугались, что я уйду из монастыря. Многие сплетничали за моей спиной, и мало кто верил в мою твердость. Но я никогда бы не осмелилась опозорить родителей перед лицом всего общества: в нашей стране очень плохо относятся к тем, чья дочь отказалась от религиозной стези. Я, конечно, ни за что на свете на это не пойду. И уж тем более ради соседского сына. Хотя в прошлом году, в Наги Гомпа, мне довелось встретиться с молодым странствующим монахом, который мне очень понравился. Я видела его всего три

или четыре раза. Он сопровождал своего учителя и провел у нас в монастыре несколько дней. Я с ним ни разу не заговорила. Но когда мы смотрели друг на друга, наши взгляды были красноречивее всяких слов. Во всяком случае, для меня... Монах был очень красив: чистая гладкая кожа, белые зубы, добрая улыбка. Все, что было между нами, это случайные прикосновения рукавов в коридорах монастыря, ищущие взгляды, легкое покалывание в затылке от того, что кто-то тайком смотрит на тебя, запах, разливающийся в воздухе, запах, который пьянил меня... Когда я видела молодого странствующего монаха, мое сердце стучало так сильно... И я спрашивала себя: «Неужели ты этого хочешь? Уйти из монастыря с мужчиной и стать его женой?» Ответ приходил незамедлительно — громкий, пронзительный, как крик в голове: «Нет! Нет! Нет!»

Мне не пришлось бороться со своим желанием, поскольку осознание того, что мне будет лучше без мужчины, впиталось в мою душу, стало инстинктом. Я слишком люблю свободу, чтобы позволить кому-то приковать меня к себе.

Через год новый дом родителей был построен. Теперь это был настоящий дом: двухэтажный, с маленьким двориком и верандой для мамы. Я всем сердцем желала, чтобы здесь на семью нашу наконец-то снизошел мир. Заботилась об обустройстве родных так, как делает это мать, вручая ребенку ключи от его первой квартиры: я действительно чувствовала себя самой взрослой. Родителям больше не надо беспокоиться обо мне, что бы ни случилось, я сама со всем разберусь. Я прошу их только об одном: будьте счастливы. Ради нашей семьи.

10
Слабость и сила

На поляне за монастырем, в густой траве, под бесконечным Млечным Путем я лежу одинокой звездочкой, раскинув руки и ноги в разные стороны, и красота ночного неба куда-то уносит меня. Я уверена, что в Непале самое красивое небо. Я провела в монастыре уже семь лет, и все семь лет красота здешних ночей вызывает у меня слезы. Если я сяду, то звезды смешаются с огнями города, роскошным ковром раскинувшегося у моих ног. И мне кажется, что я парю среди ночного неба. После того как я и мои подружки Ани Тара и Гьянатара вечером сходим в туалет, мы убегаем на поляну, чтобы сполна насладиться этими волшебными мгновениями. Я спокойна, как никогда. Глубоко вдыхаю прозрачный свежий воздух, а потом высвобождаю его из легких на одной сдержанной ноте. Люблю петь по ночам, когда меня никто не видит. Голос становится удивительно сильным, что меня порой даже пугает. Наверное, потому, что моя песня обращена к звездам.

— Мне показалось, что сегодня он чувствует себя лучше, чем вчера.

Хриплый голос Гьянатары разрушает тишину:

— Давление нормальное, уровень сахара тоже.

Вот уже несколько месяцев Тулку Ургьен Ринпоче нуждается в постоянном медицинском уходе. Он страдает от диабета, давление слишком высокое. Мои знания английского позволяют расшифровать надписи на лекарствах, поэтому я выполняю обязанности медсестры: делаю инъекции инсулина, меряю давление утром и вечером, перед едой. Вот почему на прошлой неделе я покинула маленькую комнату, которую успела полюбить, которая была моим убежищем все семь лет, что я провела в Наги Гомпа. При помощи друзей я переехала ближе к учителю, чтобы быть рядом в случае необходимости. Мы перенесли мои немногочисленные пожитки в мешках, какие обычно используют для транспортировки риса. Мне грустно. Не из-за того, что пришлось оставить комнату: я научилась легко расставаться с материальными ценностями. Я переживаю за учителя. Теперь у меня есть возможность доказать ему свою преданность. Его любимая жена умерла несколько лет назад. Я рада, что могу хоть как-то помочь Тулку Ургьен Ринпоче, но я прекрасно понимаю, что ему уже семьдесят лет, он старый человек. Хотя для меня он ничуть не изменился с тех пор, как мы впервые встретились: я до сих пор смотрю на него восторженными глазами одиннадцатилетней девочки, пришедшей в храм.

— Так, пора спать! Нам вставать в пять утра… — говорю я, потому что остальные явно не имеют ни малейшего желания шевелиться.

Наша жизнь — жизнь приближенных помощников учителя — заполнена до последней минуты. Я встаю в полпятого. По счастливой случайности мой подоконник облюбовала маленькая птичка, которая начинает стучать в стекло как раз тогда, ког-

да мне нужно вставать. Можете мне не верить, но это так. В это время еще совсем темно, поэтому я зажигаю маленькую свечу (у нас теперь есть электричество, но я не хочу всех перебудить) и отправляюсь в комнату учителя. Он уже медитирует. С тех пор как болезнь в значительной мере ограничила его двигательные возможности, он в основном только этим и занимается. Я меряю давление и проверяю уровень сахара в крови. Раньше я не выносила вида крови, а теперь ее даже не замечаю. Все мои действия доведены до автоматизма: протереть палец, быстро уколоть его, пластиковой трубочкой собрать кровь, поместить ее в специальный прибор и ждать. Потом сделать инъекцию, причем, по словам врача, чем быстрее, тем лучше. Собрать мочу, проверить на цвет, выявить разницу между тем, что учитель принял в себя, и тем, что вышло из его организма. И наконец, занести все наблюдения в журнал здоровья, чтобы следить за развитием болезни. И только после всего этого учителю можно поесть; я приношу ему бульон, специально приготовленный кухаркой. Картофель, рис и сладости ему строго-настрого запрещены.

Часто я делаю все необходимое в полутьме; мы оба молчим. Иногда в комнате уже сидит Андреас. Интересно, он вообще когда-нибудь спит? Для нашего учителя Андреас как сын, хотя вместе с тем он еще и благотворитель. Я знаю, что именно он оплачивает все необходимые медикаменты и вызовы врача. С тех пор как учителю стало хуже, Андреас сам как-то постарел. А Тулку Ургьен Ринпоче остался прежним, во всяком случае, он не изменил своим привычкам. Он все такой же мудрый, добрый, ласковый, скромный и терпеливый; пережива-

ет за других людей, спрашивает, как у них дела. По вечерам во время сеанса медитации, пока мы разминаем учителю руки и ноги, втираем в них эфирные масла, чтобы снять усталость, накопившуюся за день, порой он, как и прежде, рассказывает нам истории о своей молодости, о том, как он путешествовал по Бутану, ездил в Лхасу, посещал отдаленные уголки Тибета, в частности монастырь Нубри на границе с Непалом. В такие моменты к учителю возвращаются силы, бодрость, он кажется совсем здоровым. Я так люблю смотреть на него, когда он счастлив.

В половине шестого я пью тибетский чай, а после этого мне часто удается поспать. Я с наслаждением забираюсь под одеяло и стараюсь хоть немного продлить невинный ночной сон: вокруг темно, монастырь окутан тишиной, и можно притвориться, что мы не знаем, что нас ждет в будущем. Все молчат. Кроме Гьянатары.

— Вы, правда, думаете, что он не боится смерти?

Я недоверчиво смотрю на подругу. Как она может так говорить? Мы никогда не касаемся этой темы — потому что стараемся забыть о ней. За все время, пока учитель болеет, я ни разу не думала о его смерти, только о выздоровлении. Я сказала себе, что он просто испытывает легкое недомогание, а мы должны поддерживать его и сделать все, чтобы ему как можно скорее стало лучше. И все. Я молюсь за него. Я прекрасно понимаю, что на этот раз ситуация куда сложнее, чем обычно, и в глубине души я признаю, что теперь учителю будет гораздо труднее оправиться, но ни о чем другом я не думаю. Действительно, ни о чем. Я очень зла на Гьянатару за сказанные ею слова. Что на нее нашло? Буддисты

не боятся смерти: для них это естественная часть жизни. Кроме того, смерть обладает властью, которая заставляет людей заглянуть в свое сердце и отделить самое главное от всего наносного. Многих соседство смерти заставляет поставить под вопрос всю свою жизнь и наконец-то заняться ее духовной составляющей. В этом случае смерть — наш союзник.

— Так, давайте спать! Скоро наступит новый день...

Я резко встаю. Быстрым шагом — подол платья сбивает капли росы с травы — иду в свою новую комнату. Сегодня ночью мне трудно уснуть. Я слышу, как кашляет за стеной учитель. Врачи просто лучатся напускным энтузиазмом. «Еще крепкий», «всех нас переживет» — с таким диагнозом они каждый раз выходят из комнаты для медитаций. А мы верим, потому что у нас нет выбора. И потому что хотим верить.

В моих воспоминаниях это время подобно тяжелому серому облаку. Ни разрывов, ни внезапных изменений. Только страдания, и не последнюю роль в этом сыграли мои родители. Конечно, они замечательно устроились в новом доме — но побои не прекратились. Зато теперь стали вызывать меня. В основном я выступаю как сдерживающий фактор по отношению к отцу. Отныне, когда назревает ссора, они хватаются за меня как за спасательный круг, думая, что дочь сможет вывести их из затруднительно положения и в доме снова воцарится мир и покой. Не помню, сколько раз мне приходилось оставлять монастырь и все неотложные дела для того, чтобы нестись в Боднатх и приводить папу и маму к взаимному согласию. В какой-то момент

я даже сбилась со счета... Всякий раз одна и та же схема: отец выходит из себя по какому-нибудь пустячному поводу и вымещает свою злость на маме. Не скажу, что он часто бьет ее, нет — теперь он предпочитает издеваться морально, то есть осыпает ее бесконечными оскорблениями и начинает расшвыривать предметы домашнего обихода. В конце концов заплаканная мама звонит в монастырь: когда я появляюсь дома, отец мгновенно успокаивается. Если я приезжаю в Боднатх на три дня, то за все это время не происходит ни одной ссоры. В моем присутствии отец ведет себя просто идеально.

Сложившаяся ситуация причиняет мне нестерпимые мучения, и я о многом рассказываю учителю, в надежде что он поможет мне найти решение. У меня складывается впечатление, что мне надо все время присматривать за двумя неугомонными детьми, которые начнут колотить друг друга, стоит мне только отвернуться. Словно я стала единственным взрослым человеком в нашей семье и должна быть разумной, степенной, уравновешенной, доброй и справедливой по отношению к каждому ее члену. И меня это очень сильно утомляет. Да еще соседи распускают о нас всякие сплетни. Старые болтливые трещотки из нашего квартала считают, что крики моей матери и вспышки гнева отца внесут в их однообразные ежедневные разговоры приятную остроту. А мне это очень не нравится. Учитель внимательно слушает меня, успокаивает, ласково гладит по голове, стараясь вложить в свои действия как можно больше любви и ласки. Его поддержка помогает мне освободиться от груза переживаний. Часто я сворачиваюсь клубком у его

ног и плачу, а он пытается меня хоть как-то подбодрить:

— Говори себе, что тебе повезло, раз ты можешь заботиться о своих родителях. Ты всего в часе пути от них, ничто не мешает тебе ездить к ним так часто, как требуется. Никогда не забывай о том, что твой отец не тиран, а всего лишь больной человек, который не может справиться со своими эмоциями.

— Но вы же, вы же тоже болеете, я бы лучше о вас позаботилась.

— Ты и так уже много сделала, Чоинг, не волнуйся обо мне и отправляйся к своим родителям, сейчас ты им нужнее.

Благодаря учителю и тому, что мне уже не тринадцать лет, я понимаю, что превосхожу маму с папой в благоразумии. Между тем у меня никогда не создавалось впечатления, что я «всего достигла». Но мое поведение и отношение к миру изменились. Теперь я знаю, что тоже могу помогать людям. Сострадание — это первая ступень; способность освобождать людей от мучений — вторая. И я готова. Я смогла познать себя и полюбить, и благодаря этому теперь я могу полюбить других. Я слышала о психоанализе; не совсем поняла, что это такое, но, судя по разговорам моих заграничных друзей, наше общение с учителем в некотором роде на психоанализ похоже. Беседуя с Тулку Ургьен Ринпоче, пытаясь осознать свои стремления, найти источник вспышек всепоглощающего гнева и неудержимого восторга, стараясь избежать мучений, я постепенно учусь принимать себя такой, какая я есть, и приручаю собственную душу. Я уже перестала ссориться со Злюкой и другими несговорчивыми монахинями, потому что это при-

чиняло боль моему наставнику, а я ни в коем случае этого не хотела.

— Вот скажи, как у тебя это получается? — спрашивает у меня Ани Анга.

На дворе жаркий полдень, я, как обычно, занимаюсь английским языком. Каждый раз, когда у меня появляется свободная минута, я стараюсь практиковаться и делать упражнения. Я очень хочу разговаривать на этом языке, но учиться мне приходится практически самостоятельно. Сегодня я читаю фотороман, который мне дала наша гостья из Ирландии. Мне очень нравится произведение: во-первых, потому что в нем повествуется о любви, а во-вторых, потому что есть картинки и я все понимаю. Ани Анга вся покраснела от едва сдерживаемого гнева. Она ложится рядом со мной в траву. Одна из монахинь отказалась дать ей рис для готовки. Они поругались и наговорили друг другу много нехороших слов. Подруга часто спрашивает у меня совета в таких ситуациях. Иногда мне хочется сказать ей, что я не лучший образец для подражания, хотя и являюсь ярким примером того, что человек может измениться, если захочет. А потом, я знаю, что ей просто нравится находиться в моем обществе, ведь я веселая, меня переполняет энергия, я всегда готова петь и танцевать. Просто я никогда не хотела быть обычной монахиней!

— Мы сами творцы своего счастья. Невозможно помешать злу или убрать препятствие с пути. Зато мы можем сами решить, как его воспринять. Ты единственная, от кого это зависит, Ани Анга. Познай себя, полюби себя, а остальное придет само собой.

— Но это так сложно…

— Знаю, но потом ты привыкнешь. Если кто-то тебя провоцирует, то вместо того, чтобы поддаться злости, подумай, что принесет тебе большую пользу: ярость или равнодушие? В каком случае ты выиграешь? Воспринимай жизнь, как бизнесмен — новый рынок. Тебе надо вкладывать средства в этот сектор? Принесет ли он тебе какую-либо выгоду, станешь ты счастливой, избавишься от страданий? Если ответ «нет», то просто отойди в сторону. Все просто!

Ани Анга всегда хохочет, когда я излагаю ей свою «бизнес-теорию». Я улыбаюсь, хотя на самом деле говорю серьезно. Теперь я смотрю на жизнь под другим углом — и она становится более спокойной и безмятежной.

И в то же время, хотя я и запрещаю себе об этом думать, я чувствую надвигающуюся беду. Семья учителя — шесть сыновей, внуки и невестки — переехала в монастырь. И часть меня уже смирилась с тем, что пошел обратный отсчет. Сердце мое отказывается в это верить, но глаза и уши уже заметили явные изменения. Ночью я сплю на маленькой кровати, прямо напротив учителя. Не стоит и говорить о том, что сон у меня стал очень чуткий. Наставник шумно дышит — жидкость в легких мешает ему. Я чувствую: все боятся, что он может умереть в любой момент.

— Но что же нам делать со всеми посетителями?

Мы — я, Андреас и еще две монахини — собрались в моей комнате. Последователи буддизма и именитые учителя со всего Непала и со всего мира, из Индии, Германии, Бразилии и даже из Соединенных Штатов, съехались в Наги Гомпа, чтобы отдать дань уважения Тулку Ургьен Ринпоче и выразить ему свою признательность. Но врачи насто-

ятельно советовали ограничить посещения, которые сильно утомляют больного. Буддистам-наставникам разрешили к нему приходить, но учитель нашел решение и для остальных:

— Эти люди приехали издалека, только чтобы встретиться со мной. Кто я такой, чтобы удостаиваться такой чести и ничего не отдавать взамен? Я хочу познакомиться с каждым человеком, который нашел в себе силы подняться в Наги Гомпа, чтобы поприветствовать меня, бедного старика! Я не могу их разочаровать.

Учитель даже подумать не мог о том, чтобы не уделить хоть немного времени людям, которые пришли его повидать. С его скромностью может сравниться только его доброта. До сих пор нам было разрешено организовывать посещения, но теперь мы вынуждены подчиниться указам врачей. Даже если с виду учитель остался прежним, мы должны уважать научные данные. Нужно изменить распорядок дня наставника, чтобы он меньше уставал.

— Может, пустим людей на крышу и они будут смотреть на него в окно?

Идея пришла ко мне в голову внезапно — наверное, выбралась на поверхность из мутных глубин усталого мозга. В комнате для медитаций, где живет учитель, есть большое окно, из которого открывается вид на долину, а также на террасу. Солнце встает как раз напротив кровати Тулку Ургьен Ринпоче. Это уникальное место, оно просто омывается светом. Солнечные лучи отражаются от золотых ворсинок ковра и ритуальных предметов. Я очень люблю эту комнату, но она больше шести человек не вмещает. А через окно посетители смогут хотя

бы посмотреть на учителя, раз уж нельзя к нему прикоснуться.

— Ты действительно думаешь, что буддисты, съехавшиеся со всего света, обрадуются, если их заставят лезть на крышу?

Андреас, конечно, прав, но у нас нет выбора.

Мы обсудили этот вариант с сыновьями Тулку Ургьен Ринпоче, и они согласились. Сам процесс выглядит достаточно оригинально, поскольку снаружи окно похоже на витрину. А учитель несколько раз в день поднимается с кровати и встает прямо напротив него, чтобы показаться своим верным последователям. Странное зрелище, у многих оно вызывает беспокойство, но зато все довольны. Я наблюдаю это издалека, и меня не оставляет чувство смутной тревоги. А еще я испытываю гордость; конечно, мне следовало бы укротить свое высокомерие, но все-таки мне невероятно повезло, ведь я могу находиться рядом с наставником каждую секунду, — и поэтому я бесконечно ценю всякий отведенный мне миг.

Сегодня, оглядываясь на те события, я понимаю, что тогда люди готовились к смерти Тулку Ургьен Ринпоче. Каждый старался по-своему привыкнуть к мысли о том, что скоро учителя не станет; все подготавливали себя к встрече со смертью, чтобы она причинила им как можно меньше вреда. Но не я. Не я. Я старательно делала вид, что ничего не происходит, будто все в порядке и нет причин для беспокойства. Именно поэтому смерть Тулку Ургьен Ринпоче сильно меня потрясла и буквально расколола мою жизнь.

II
Одна

В ту ночь мне приснился сон, который я не забуду до конца своих дней. Даже сегодня воспоминания настолько четкие, что каждый раз, когда я говорю о том сне, я словно заново его переживаю. Я дома, у родителей, в комнате для молитв, где стоит моя кровать. Время — около пяти утра, я сплю. И мне снится, будто я лечу. Стою на вершине горы и вдруг понимаю, что могу превратиться во что угодно по собственному желанию. Немного поколебавшись, я выбираю Гаруду — птицу из индуистской и буддийской мифологии. Это получеловек-полугриф, чье имя с санскрита переводится как «Крылатая песнь». Я поворачиваю голову, чтобы рассмотреть крылья за спиной — те самые крылья, о которых я так мечтала, когда медитировала подростком в Наги Гомпа. И вот я их обрела. Крылья великолепны: мягкие, белые, перышки трепещут на ветру, — и они готовы нести меня в небо. Крылья сияют и внушают мне чувство невероятной силы — ни разу в жизни я не испытывала ничего подобного. И вот я уже лечу над Бутаном, подо мной сверкают огоньки — окна жилых домов. Я слышу, как крылья с легким шумом разрезают ветер. Взмываю вверх и бросаюсь вниз, пролетаю

над людьми, которые показывают на меня пальцем и что-то говорят, — я не различаю слов и не понимаю, испуганы люди или восхищены. Я чувствую себя сильной и бесконечно счастливой. И просыпаюсь от радости: сердце бьется так сильно, что вот-вот взорвется. Открываю один глаз и с минуту пытаюсь понять, где же я. Но реальность быстро возвращает меня на землю. Я дома, а рядом с моей кроватью разрывается телефон. Я поднимаю трубку и слышу бесцветный голос Тсокни Ринпоче, сына учителя:

— Он покинул нас. Думаю, тебе лучше приехать как можно скорее.

В моем сердце пустота. Мертвая телефонная трубка покоится у меня в руке, а я сижу на кровати и смотрю в пустоту. Бесконечно долго. Я не знаю, что делать, в голове не осталось ни одной мысли. Звонок в дверь выводит меня из оцепенения. Мама в ночной рубашке тихо входит в мою комнату. В монастыре Боднатха меня ждет Чоклинг Ринпоче, другой сын наставника; с ним я поеду в Наги Гомпа. Через двадцать минут я сижу в джипе; монах везет нас к учителю. Все молчат. Я вспоминаю о своей последней встрече с Тулку Ургьен Ринпоче. Он сидел на кровати и выглядел более бодро, чем обычно, ему даже удалось поесть. Спросил, когда я закончу шапочку, которую обещала ему связать. Мы тогда смеялись, а я подумала, что он победил болезнь. Что он обязательно выздоровеет.

Через два часа я вхожу в его комнату, кланяюсь по старинному обычаю и смотрю на учителя: он сидит в той самой позе, в которой я его заставала тысячи раз: ноги скрещены, руки на коленях, ладони

повернуты к небу, глаза прикрыты. Я приближаюсь к нему и едва уловимо наклоняю голову — мы всегда так приветствовали друг друга. Но на этот раз он не ответит на мой молчаливый привет, не прикоснется лом к моему лбу. Он ушел. Умер в шестьдесят шесть лет, тринадцатого февраля 1996 года. Но моя ладонь по старой привычке, почти инстинктивно, ложится на его руку. Она теплая! Учитель не умер, они ошиблись. Меня окатывает волна ярости, порожденная безумной надеждой. Они солгали мне: учитель жив! Я поворачиваюсь к Чоклингу Ринпоче — тот смотрит на меня со сдержанной нежностью.

— Да, я знаю, Чоинг... Это *thukdam*: он все еще медитирует. Тише...

Тибетские буддисты считают, что великие учителя способны поддерживать жизнь в умершем теле при помощи силы духа. Их легкие могут перестать наполняться кислородом, а сердце — биться, но благодаря внутренней энергии тело продолжает жить. Для меня это все слишком странно и неожиданно. Я бросаю взгляд на монахов, сидящих в углу, — они без стеснения плачут. Но почему, ведь учитель не умер? Я ничего не понимаю, не знаю, что делать, как себя вести, голова гудит, будто ее зажали в тиски, которые с каждым мгновением сжимаются все сильнее. Наверное, я должна чувствовать боль? По моим щекам медленно текут слезы, но это скорее выплескиваются переполняющие меня эмоции, чем горе. Я по-прежнему ничего не чувствую... хотя нет, меня не оставляет ощущение, что я зависла в каком-то безвоздушном пространстве и никак не могу оттуда выбраться. Я встаю и выхожу из комнаты, дверь оставляю открытой.

Солнце уже встало, но на улице достаточно свежо. Время будто растягивается, воздух сегодня особенно чист. Я больше ни о чем не думаю.

То, что происходило в следующие часы, превратилось в моей памяти в череду обрывочных картин. Я помню все, но как бы со стороны, в целом. Невозможно отделить боль от возбуждения, тоску от усталости. Я уверена только в том, что по прошествии нескольких дней я очутилась в Катманду, на одной из улочек Боднатха. Тело учителя привезли в город, чтобы все буддисты смогли воздать ему последние почести, ведь до Наги Гомпа довольно трудно добраться. На всем пути следования похоронной процессии люди поют молитвы, жгут эфирные масла и сотни шарфов *khata* колышутся на ветру. Невозможно описать чувства людей. Погребальные церемонии, которые устраиваются для великих буддийских учителей, длятся сорок девять дней. Тело Тулку Ургьен Ринпоче поместили в стеклянную гробницу на территории Боднатха, чтобы люди могли в последний раз увидеть его перед кремацией. Они молча подходят к учителю и прощаются с ним. Здесь весь Боднатх. Кроме моих родителей. Я пытаюсь бороться с разочарованием, но у меня плохо получается. На горькую боль от потери учителя накладывается еще одно испытание. В то время, когда мне больше всего нужна поддержка родителей, они истязают меня своими обычными проблемами. Я ухожу в угол похоронной комнаты, пытаюсь собраться с мыслями — и тут непонятно откуда возникает десятилетний мальчик в монашеском одеянии и настойчиво тянет меня за рукав:

— Твой брат здесь, он хочет с тобой поговорить.

Я встаю и вижу брата: он плачет.

— Что случилось, почему ты пришел сюда один?

— Пойдем скорее, папа сошел с ума, он убьет маму!

— Да что произошло?

— Она пьет со вчерашнего дня, отец вышел из себя и принялся ее избивать. Пойдем, надо спасать маму!

Я думала, что уже достигла последней грани отчаяния. Оказалось, что нет. Эта новость — как нож в спину. Некоторое время назад я начала подозревать маму в чем-то подобном. У нее странно блестели глаза, щеки краснели сильнее, чем обычно. Я видела, как она идет нетвердой походкой по улицам Боднатха, но решила, что меня обманывают сумерки. Ее дыхание пахло алкоголем. Нет ничего страшного в том, что она время от времени выпивала стаканчик. Но то, что она напивается, как алкоголичка, и сопровождает отца в его пьяных загулах, это выходит уже за всякие рамки. В первый момент я готова была вскочить и побежать домой, чтобы утихомирить родителей. Но я останавливаюсь. Хватит. Мне надоела вся эта комедия. Надоело быть той, кто понимает, прощает, забывает. Я сдаюсь. Сейчас у меня просто нет сил для всего этого. Невозможно заставить людей быть счастливыми, если им куда больше нравится без сопротивления опускаться на самое дно. Я всей душой пыталась им помочь. Я очень хотела бы не замечать их слабостей и принимать своих родителей со всей их ограниченностью. Но я не святая. А теперь, когда мой учитель, человек, который все эти годы поддерживал меня и за руку вел к свету,

умер, я не знаю, откуда взять сочувствие и любовь, чтобы снова простить маму и папу. Надо быть слепыми эгоистами или полными глупцами, чтобы не понять: в такой день мне необходим покой! Я ведь все делаю, чтобы они были счастливы. Окружаю их абсолютной любовью, поддерживаю морально и материально — все бесполезно. Будто я поливаю пустыню. Они просто разбивают мне сердце. Говорят, что любят, но никак не подтверждают свои слова. Думают, что только они страдают в этом мире, что у меня нет других дел, как только о них заботиться и волноваться? Хватит. Когда я думаю о том, сколько времени им отдала — времени, которое могла провести рядом с учителем, человеком, искренне любившим меня... Меня начинает душить ярость.

— Уходи! Иди и скажи родителям, что они больше не увидят меня в своем доме. Я устала! Мне надоело тратить на них время и силы. И *любовь* ко мне пусть оставят себе. Мне она больше не нужна!

Брат удивленно смотрит на меня. Медленно отступает назад, не сводя с меня глаз, потом резко разворачивается и убегает. Я сажусь на место, раздавленная внезапно навалившейся усталостью. Люди в комнате прекратили разговоры и молча смотрят в мою сторону. Это ужасно — сорваться в такой день, в таком месте, когда весь тибетский народ объединен общим горем. Для того чтобы скрыться от людских взглядов, я становлюсь на колени и пытаюсь молиться. Склонив голову к коленям, я ищу потерянный покой. Как же мне не хватает учителя в этот момент! Раньше я бы запрыгнула в первое попавшееся такси и поехала в Наги Гомпа — к наставнику... Даже сейчас я с трудом

сдерживаю это желание, ставшее моим рефлексом. С тех пор как я пришла в монастырь, в минуты сомнений и печали я всегда обращалась к учителю. Сегодня я должна вынести одно из самых тяжелых испытаний — и вынести его в одиночку. Получится ли у меня? Я чувствую, насколько мне не хватает Тулку Ургьен Ринпоче, а ведь после его смерти прошло всего несколько дней. Он всегда был рядом, даже когда между нами пролегали сотни километров. Накануне поездки в Сингапур я приходила к нему в любую свободную минуту, чтобы попрощаться. Он брал меня за руку, смотрел в глаза и говорил: «Помни, что я рядом и храню тебя ото всех печалей...» В Тибете говорят: «Монах ростом с палец владеет силой яка». И я всегда знала, что учитель обладает огромной силой. Пока он был жив, я никогда не чувствовала себя одинокой — ведь он вспоминал меня в своих молитвах, а значит, со мной ничего не могло случиться. А сейчас мне кажется, что я ужасно слабая и беспомощная. Никто не защитит меня от этого мира, от мужчин и от меня самой. Конечно, дух Тулку Ургьен Ринпоче никогда не покинет меня, но теперь я должна сама о себе позаботиться.

Через сорок девять дней тело учителя было кремировано в монастыре Боднатха. А еще через три дня несколько монахов и наставников собрались перед храмом *stupa,* где Тулку Ургьен Ринпоче обрел последнее пристанище. Мы должны забрать его прах. Один из учителей осторожно открывает печь. Я сдерживаю дыхание. Среди серого пепла стоит череп наставника и словно смотрит на меня пустыми глазницами. Я инстинктивно отступаю назад. Череп учителя не сгорел. Меня охватывает дрожь;

несмотря на зной, холодный пот струится по спине. И в этот момент что-то внутри у меня обрывается. Рыдания, которые я так долго сдерживала, хватают меня за горло и яростно рвутся наружу, словно бурная река, прорвавшая плотину. Никогда прежде я так не плакала. В моих слезах смешиваются отчаяние, страх, разочарование, и поток эмоций и чувств уносит меня прочь. Только сейчас я окончательно осознала, что учитель умер. «Ты осталась одна, ты осталась одна...» — лишь эта мысль пульсирует в голове. Я чувствую себя ребенком, который потерял в толпе свою маму и теперь испуганно ищет знакомое лицо и ждет, когда его снова обнимут ласковые руки, а родной голос шепнет: «Не волнуйся, я здесь». Но ничего подобного не происходит.

Когда я наконец прихожу в себя, щеки у меня пекут от слез, а глаза успели опухнуть. Все удалились. Добрая душа догадалась зажечь лампадку в углу комнаты. Печь закрыта, ее завесили расшитым покрывалом. Меня трясет. Рубашка на мне холодная и влажная: должно быть, я сильно вспотела. Становлюсь на колени, а затем сажусь на землю — даже это движение требует огромных усилий. Тело ломит, как после яростной схватки. Душу разрывают боль и тоска. Все движения замедленны, мне приходится по крупицам накапливать физические и духовные силы. Пытаюсь собраться с мыслями, но чувствую, что во мне не больше жизни, чем в мешке с землей. Тело переполняет невероятная тяжесть. За всю свою жизнь я ни разу не чувствовала себя такой несчастной. И такой одинокой. Поздно вечером я возвращаюсь в монастырь Боднатха — другмонах уступил мне свою комнату на время церемо-

ний. Не помня себя, я бреду по лестнице: ноги сами знают, куда идти, а остальное не важно.

День, окрашенный горькой печалью... мне трудно о нем вспоминать. У меня не получится толком рассказать о том, что со мной творилось, — просто нет таких слов. Многие люди пережили смерть самого главного для них человека, но никто не может поделиться своей болью. Скорбь — личное испытание каждого.

12
Возвращение к жизни

По моей руке ползет блоха, а я упорно душу в себе желание ее раздавить. У меня уже все ноги в царапинах: постоянно расчесываю места укусов мелких назойливых насекомых. Если вообще ничего не делать, то и эта блоха напьется моей крови. Я аккуратно подцепляю ее пальцем, опускаю на землю — и чувствую себя героем; да, буддизм все-таки требует бесконечного самоконтроля.

Я лежу в кровати и медленно погружаюсь в сон. Родительский дом затих. Я все-таки поддалась на их просьбы и приехала. За те несколько недель, когда я жила в монастыре Боднатха, родители неоднократно приходили ко мне. Сначала мама, потом отец, затем даже дядя пришел и наконец — мама с папой вместе. И каждый раз повторялось одно и то же: извинения, слезы, просьбы вернуться. На меня они не действуют. Я знаю, что в городе некоторые знакомые уже начали болтать о том, что происходит, но мне все равно: я не хочу возвращаться домой. Единственный человек, который искренне любил меня, умер, так для чего мне родители? Я даже в Наги Гомпа возвращаться не хочу, у меня просто нет сил воевать со Злюкой.

Пребывая в монастыре Боднатха, я словно нахожусь в уютном междумирье, недостижимая для окружающей действительности. Я сплю, молюсь, почти ни с кем не говорю, мне не задают вопросов и ничего не заставляют делать. Однажды родители снова приходят ко мне; я слишком устала от всего этого, поэтому пускаю их в комнату и краем уха прислушиваюсь к тому, что они говорят. Мама сидит рядом с отцом и нервно теребит в руках края традиционного платья. Смотрит на меня как испуганный зверек, готовая расплакаться в любой момент. Отец тоже выглядит неважно.

— Чоинг, вернись, пожалуйста, вернись домой, позволь мне о тебе позаботиться... Прошу тебя! Обещаю, я больше никогда не буду пить, слышишь, обещаю!

— А я обещаю больше не бить твою мать... не знаю, как сделать так, чтобы ты меня простила... Вот увидишь, я не допущу, чтобы нечто подобное опять произошло...

Их просьбы вернуться в конце концов тронули мою душу. В любом случае, они мои родители, я не могу бесконечно их игнорировать и копить в себе животную ярость. Я решаю, что маме можно верить, а отцу надо дать еще один шанс. Я оказалась права: мама сдержала слово. Но тихий внутренний голос шепчет, что отцу не стоит доверять. Я отчаянно пытаюсь его заглушить, но безуспешно. Интуиция меня не обманула: будущее подтвердило мои худшие опасения...

Итак, однажды утром, по прошествии нескольких месяцев после смерти учителя, я вернулась к родителям. Жизнь возобновила свое вялое течение. Я помогаю родителям, насколько это возмож-

но: убираюсь, готовлю еду, стираю, мою посуду — в общем, на мои плечи легли практически все домашние дела. И у меня хорошо получается с ними справляться... Но как только посуда вымыта, я падаю на кровать или на диван, полностью опустошенная. Мне ничего не хочется делать. Ем мало, только если заставляют, безо всякого аппетита и не получаю ни малейшего удовольствия от еды. Я всегда была кокеткой, а теперь надеваю первое, что попадется под руку, и меня даже не очень волнует, чистая эта вещь или нет. Какая разница? Все потеряло смысл...

— Милая, ты выглядишь просто ужасно, что с тобой происходит? Посмотри-ка на меня... Да ты постарела на несколько лет... Куда делась моя любимая очаровательная монахиня?

Андреас приехал навестить меня, и тут я понимаю: он считает, что дружба не терпит лжи во благо. Иногда мне хочется, чтобы в нем было чуть больше лицемерия... Разве я говорила Андреасу, что в монастыре ему дали прозвище Nareng (от французского Narine, что значит «ноздря», — слишком уж у него выдающийся нос)? После смерти учителя он тоже переехал жить в Катманду. Мы часто виделись, но он ни разу не говорил ничего по поводу моей внешности. Неужели я так опустилась? Я решила ему не отвечать; в любом случае, его не слишком интересует мое мнение, он продолжает:

— Чоинг, пора очнуться и начать действовать. В следующем месяце я еду в Германию. Ты должна поехать со мной, чтобы отвлечься и развеяться. К тому же нам будет полезно провести некоторое время вместе. Ну, давай пообещай мне, что поедешь.

И по прошествии нескольких недель я улетаю в Германию. Эта поездка заставила меня прийти в себя. Прогулки на природе, дружеские посиделки, хорошая еда, походы за покупками постепенно возвращали меня к жизни. А мне это было необходимо. Не знаю, можно ли назвать мое тогдашнее состояние депрессией, но я больше не чувствовала себя самой собой. Всегда полная энергии и жадная до всего нового, я потеряла вкус к окружающему миру. Когда я вернулась из Германии в Непал, то чувствовала себя гораздо лучше, во мне проснулось стремление жить. Но окончательно обрести себя мне помогли уроки вождения.

Да, машина вернула меня к жизни! Мне всегда нравились автомобили, особенно джипы. Наверное, потому что я впервые приехала в Наги Гомпа, сидя на заднем сиденье зеленого джипа Сонум Гирмея, молодого монаха, который подвез меня, моего отца и дядю. Я хочу научиться водить не столько потому, что мне это необходимо, сколько из желания выделиться, совершить что-то необычное, выдающееся. Я женщина, более того, я монахиня — и я буду водить машину! Можете воспринимать мой поступок как провокацию, для меня это был в первую очередь способ самоутвердиться и почувствовать себя живой. В то время в Непале не было автошкол, как на Западе. Каждый учился как мог.

Итак, я обращаюсь к знакомому водителю такси. Любой может водить машину, но я, очевидно, не отношусь к таким людям. Реакция окружающих не заставила себя ждать:

— Весь квартал только о тебе и говорит!

Едва переступив порог дома, мама даже не пытается скрыть свой восторг. Ее друзья видели меня

в такси... на месте водителя. Они никак не могли прийти в себя после такого зрелища. За небольшую плату водитель такси согласился на десять дней стать моим инструктором. Прохожие смотрят на нас с нескрываемым удивлением. Женщина за рулем — здесь такого еще не видали. Многих искренне поражает тот факт, что в 1996 году я оказалась первой монахиней Непала, которая научилась водить машину! И это стало началом всего: мне понравилось быть первопроходцем. А сыпавшиеся со всех сторон замечания меня ничуть не смущали: кто из нас может равнодушно отнестись к чему-то новому и необычному?

Я купила себе джип марки «сузуки», черный, блестящий, маленький и крепкий — совсем как я. Мне за достаточно хорошую цену уступила его женщина из Малайзии. И вот я еду, вызывая у всех без исключения окружающих удивление, любопытство и, надеюсь, некоторую симпатию, в частности у молодых неконсервативных монахов. Сама радуюсь и горжусь собой, как ребенок! Конечно, не все было радужно и безоблачно. Я с трудом научилась трогаться с места, потом к этому добавились проблемы с парковкой — в Катманду нет специально отведенных для этого площадок, как в Европе и Соединенных Штатах. Надо умудриться втиснуть машину между телегой, коровой, старым мотоциклом; приходилось останавливаться в грязи, изо всех сил выкручивая руль, — и не забывайте, что при этом половина улицы пытается вам помочь, кричит, подбадривает и дает противоречивые советы... В Непале нет правил дорожного движения, одни дикие законы, поэтому необходимо виртуозно управлять машиной! А еще запастись терпением.

Природа щедро наделила меня первым качеством: я без проблем лавирую по узким улицам Боднатха. А вот терпения, признаю, мне часто не хватает. Безумные пешеходы, которые переходят через дорогу так, будто в мире нет никого, кроме них. Велосипедисты, сворачивающие в сторону, не посмотрев по сторонам. Одноместные скутеры с четырьмя пассажирами, которые изо всех сил жмутся друг к другу и цепляются за потертое сиденье: на любом повороте эта шаткая конструкция может опрокинуться, но их мало беспокоит собственная безопасность... Все это просто выводит меня из себя! Но я стараюсь себя контролировать: в конце концов, не стоит впадать в ярость и портить себе настроение из-за нескольких незнакомцев, которые даже не подозревают о вашем состоянии и, разумеется, не думают о том, что вы тратите на них столько нервов. А если бы и думали, то им явно было бы все равно!

Однажды я еду в монастырь на собственном джипе. Несмотря на то что теперь я провожу в Наги Гомпа довольно мало времени, я все равно продолжаю воспринимать его как свой дом и регулярно навещаю самых близких друзей. «Сузуки», припаркованный на вершине холма, как обычно, вызывает язвительные замечания. Злюка больше не пытается скрывать свое отношение ко мне. Она прекрасно понимает, что после смерти учителя у меня не осталось защитников, хотя теперь я в них не нуждаюсь — сама могу за себя постоять. Но в этот день я вдруг ясно осознаю, что больше не могу находиться там, где желчь смешивается с завистью, мне просто нечем дышать. Меня психически истощает подобное отношение. Даже жалость к Злюке не может защитить меня от грязи — все ее шпильки и уколы

пробуждают во мне нестерпимое желание окунуться в теплую, дружественную атмосферу. Но здесь мне ее не найти. Теперь я уже и не знаю, где мое место. Иногда мне кажется, что я напрасно трачу свое время, хотя могла бы приносить пользу людям. Вот чего мне хочется — быть полезной. А не тупо тратить все свои силы на мелкие склоки.

Внезапно на меня снисходит озарение: я должна уехать. Здесь для меня нет будущего. Пока учитель жил в Наги Гомпа, мое место было рядом с ним. Но прошел уже год со дня его смерти, и весь этот год моя жизнь стояла на паузе. Так больше не может продолжаться. После двенадцати лет в Наги Гомпа я покидаю монастырь. Двенадцать лет, почти половина моей жизни... Уезжаю на джипе, забрав с собой немногочисленные пожитки. Конечно, мне грустно, но я понимаю, что такова моя судьба. Внутренне я понимаю, что буду всегда принадлежать Наги Гомпа, и мне совсем не обязательно там жить. Частичка моего сердца, моей души останется в этом райском уголке, но я — нет.

Машина на самом деле открыла передо мной новую дорогу. Мне кажется, что я наконец-то взяла нити жизни в свои руки: теперь я знаю, как идти и как вести себя, во всех смыслах. Я столько времени подчинялась воле других, а теперь пришла пора стать хозяйкой своей судьбы. Я наконец-то выздоровела. Только я могу распорядиться тем, что подарила мне жизнь. Я могу творить добро и помогать не только своим родителям, но всем, кто в этом нуждается. И для этого я буду пользоваться своим собственным методом, и мне безразлично, что кому-то он может не понравиться. Я уверена, что пришло время идти в большой мир.

13
Гастроли

Стив все-таки сдержал слово... Я сижу на кровати в своей комнате, дома у родителей, держу на коленях для надежности замотанный коричневым скотчем бумажный пакет и недоверчиво разглядываю диск, который только что оттуда достала. Мой диск. Первый из длинной серии. В правом углу буклета — моя фотография; вышло хорошо, хотя снимок слегка мутный и я не смотрю в объектив, словно съемка меня не касается. У меня на самом деле возникает такое чувство, будто этот диск, названный «Chö», не имеет ко мне никакого отношения; я рада тому, что он есть, но мне кажется, будто он появился на свет сам по себе, без каких-либо усилий с моей стороны.

Три года назад, в 1994 году, Андреас познакомил меня с музыкантом, приехавшим к нам в монастырь. Его звали Стив Тиббеттс, он приехал из Миннеаполиса. Высокий, худой, с мечтательными глазами; крошечные очки и пышная шевелюра курчавых темно-русых волос делают его похожим на подростка, несмотря на то что ему уже около сорока лет. Стив путешествовал с маленькой черной сумкой и гитарой в кожаном чехле. Инструмент всегда висел у него за спиной, как продолжение те-

ла. Андреас шепнул мне, что у Стива уже вышло десять альбомов. Наше знакомство началось с разговоров о музыке. Оказалось, что у Стива очень разнообразные вкусы: ему нравится и джаз, и рок, но особенно — музыка народов мира. Он признался, что просто влюблен в звуки, во все звуки. Из многозвучных уголков Бали и Индонезии он привез уникальные инструменты, которые всегда вдохновляют его. Я восхищалась рассказами Стива об его увлечениях, о тех странах, где ему довелось побывать, до тех пор, пока Андреас не сказал ему с ноткой гордости в голосе:

— Ты должен послушать, как поет Ани Чоинг!

Так в то утро в саду возле дома Андреаса я впервые спела для Стива. Музыка всегда помогала мне успокоиться и обрести равновесие. Я пою не ради искусства, а только для того, чтобы лучше молиться. Учитель до конца своих дней поддерживал меня на этом пути. В последние недели я пела ему мантры перед сном, и мы молились вместе. С тех пор как наставник покинул нас, пение приближает меня к нему. Даже сегодня каждая нота обращена к моему любимому учителю, потому что он всегда будет жить в моем сердце. Стив слушал меня почти благоговейно, затаив дыхание и изредка покачивая головой. Глаза его сияли. Вид у него был такой, будто он впервые в жизни слышит мантры.

— Ани! Я днями напролет болтаю о своей музыке, а ты скрываешь от меня такой дар! Тебе кто-нибудь говорил, что у тебя уникальный голос?

— Ну что ты... Здесь все поют, не только я одна...

— Конечно, конечно, но поверь мне, ты — это что-то особенное. Я должен записать твой голос.

Я с готовностью согласилась, тем более что я уже записывала свои песни на маленький магнитофон — для занятий, чтобы исправить ошибки и улучшить исполнение. Поэтому к нескольким сеансам в комнате Андреаса я отнеслась как к игре. Стив Тиббеттс уехал к себе на родину и увез с собой мой голос на кассете. Он казался таким счастливым — и я была рада за него.

По прошествии нескольких месяцев мне пришла посылка из Соединенных Штатов, а в посылке — аудиокассета и всего несколько строк: «Я дал послушать твой голос американскому продюсеру, он хочет записать диск. Я приеду через месяц: если ты согласна, то сразу начнем работать. Что думаешь по этому поводу?» Что я думаю по этому поводу? Да ничего особенного, честно говоря... К тому времени запись уже вылетела у меня из головы: учитель заболел, родители постоянно ссорились... У меня была масса других дел, кроме записи си-ди! Тем не менее я в тот же вечер вставила кассету в маленький плеер и обнаружила, что Стив наложил мой голос на звук гитары и ударных. Результат меня приятно удивил. Я никогда не слышала свои песни в сопровождении музыкальных инструментов. И сама не знаю почему, я пошла к учителю и попросила у него совета — меня очень беспокоило, как он отреагирует на предложение Стива. Наставник меня не разочаровал.

— Чудесно! — воскликнул он. — Мне нравится эта идея, Чоинг! Независимо от того, будут среди твоих слушателей буддисты или нет, такие духовные песни должны услышать как можно больше людей.

И процесс пошел. Спустя два месяца Стив вернулся в Наги Гомпа. Каждый день в течение нескольких часов (обычно во время обеда или когда у меня не было никаких дел) мы работали в комнате Андреаса. Перед началом записи я разогревала голос с учителем, чтобы он мог послушать мое пение. После окончания сеанса я обязательно заходила к наставнику и рассказывала ему обо всем. Его замечания и отзывы поддерживали меня и радовали больше, чем все диски в мире. «Ты стала петь гораздо лучше», — сказал он мне однажды. И я не только поверила, но стала еще больше стараться. По прошествии нескольких недель Стив снова уехал в Америку; его сумка была полна песен, а сердце — надежд. Он явно был доволен проделанной работой, а в последний день вручил мне две тысячи долларов — настоящее богатство. Я с гордостью пошла к учителю, чтобы отдать ему деньги, но он покачал головой:

— Оставь деньги, Чоинг, они тебе еще пригодятся. Больше, чем мне, ты же знаешь. Спасибо тебе, милое дитя…

— Но я же заработала эти деньги благодаря вам, вы все время поддерживали меня и вели вперед!

— Ты сама занялась этим делом. Давай так: сейчас ты возьмешь деньги себе, а потом посмотрим.

Потом… Учитель прекрасно знал, что для него уже нет никакого «потом». После его смерти я отдала тысячу долларов на погребальные церемонии, чтобы хоть как-то почтить память наставника. Остальные деньги пошли на обустройство в Наги Гомпа красивого сада.

Вот почему, когда в 1997 году Стив прислал мне диски, мне казалось, что я не имею к ним никакого

отношения. Все это было так давно... Воспоминания о записи песен заставили меня вновь вернуться в то благословенное время, когда учитель еще был с нами и в любой момент был готов меня выслушать. Я пела ради него. На этот раз в посылке снова лежит короткая записка: «Хочешь поехать со мной в турне по Америке?» Я не трачу время на раздумья. Даже если подобная перспектива меня и пугает (слегка), она все-таки представляется необыкновенно заманчивой. Я чувствую, что это мой шанс... К тому же, хотя я и успела посетить Тайвань, Гонконг, Сингапур и даже провела некоторое время в Европе, мне еще не довелось побывать в США. Уже ради этого стоит согласиться...

Новые вести от Стива Тиббеттса приходят по прошествии нескольких месяцев. Однажды я слышу его голос в телефонной трубке:

— Все в порядке, Ани!

— О чем ты говоришь?

— Мы отправляемся в турне, мой продюсер уже все организовал, у нас будет около двадцати концертов в Штатах... Через три недели можем начинать. Можешь взять с собой двух монахинь на выбор, две недели проведете в Миннеаполисе и... *On the road!**

Неужели все действительно так просто... И правда. Стив с удовольствием пригласил бы четырех монахинь, чтобы они исполняли партии хора, но возникла проблема с деньгами. Я должна выбрать двух. Для начала мне необходимо получить согласие сына наставника Шоки Ньима Ринпоче, а также узнать его мнение об этой необычной поездке. Ведь

* В путь! *(англ.)*

он тоже весьма уважаемый лама — буддийский учитель. Если меня еще одолевают сомнения, то он полон энтузиазма. Мы должны пользоваться любой возможность познакомить мир с буддийской культурой.

Мою подругу Ситу убедить куда труднее. Она недоверчиво смотрит на меня сквозь овальные стекла очков. Только что сделанное предложение ее действительно поставило в тупик. Никогда прежде я не видела ее такой озадаченной. Девушка, чей смех с утра до вечера слышится на территории монастыря, внезапно стала жутко серьезной:

— Нет, нет, нет, это невозможно, я остаюсь здесь. Но тебе стоит поехать…

— Сита, я хочу поехать с тобой, такая возможность нечасто выпадает, мы не имеем права отказываться! В любом случае, уже слишком поздно — я сообщила Стиву, что ты едешь с нами.

Глаза Ситы округлились от испуга. Она машинально теребит четки, висящие на шее. Я ни за что на свете не подам вида, что в тот момент у меня желудок сжался, будто половая тряпка, которую решили отжать. Мне так плохо, что хочется согнуться пополам и наконец успокоиться. Но я стискиваю зубы и стараюсь совершенно спокойно смотреть на Ситу. Я только что поговорила с другой монахиней, Сонам Вангмо, и ее привело в восторг мое предложение. Но Сита никогда прежде не покидала Катманду. За ее задорным смехом скрывалась ужасно стеснительная и скромная девушка. В конце концов мне удается убедить ее, но мне пришлось пообещать, что во время поездки мы все время будем вместе.

Октябрьским утром 1998 года мы приземлились в Миннеаполисе. Город встретил нас пурпурно-

оранжевым осенним многоцветием. От морозной свежести перехватывает дыхание, щеки краснеют: то ли от ветра, то ли от счастья. Для меня путешествия уже вошли в привычку, но моих подруг ожидает много сюрпризов. Мы остаемся в Миннеаполисе на девять дней. Каждое утро мы покидаем гостеприимный дом Стива, совсем недавно наполнившийся шумом и детским смехом — у Тиббеттсов родилась тройня, поэтому у жены музыканта практически не осталось свободного времени, — и отправляемся репетировать. По дороге на студию мои подруги с изумлением смотрят по сторонам. В Непале города похожи на муравейники, даже в деревнях улицы редко бывают безлюдными. А здесь нам навстречу попадаются лишь машины. Почему-то в деловой части города люди встречаются крайне редко.

— Что-то я не понимаю, — Сонам Вангмо наконец-то решается задать вопрос, — а где же все американцы?

Стив хохочет:

— Дома, конечно! Сейчас на улице слишком холодно, вот никто и не выходит…

Честно говоря, первые дни, проведенные в Соединенных Штатах, кажутся нам немного скучными. Мы либо работаем, либо сидим дома. Стив выбивается из сил, пытается помочь жене и сам заботится о нас. Поэтому мы каждый день питаемся полуфабрикатами. Сонам Вангмо и Сита не знают, что и думать: мы никогда ничего подобного не пробовали и даже представить не могли, что в Америке люди едят странные замороженные блюда…

Все налаживается, когда нам удается уговорить Стива отвезти нас в супермаркет. Нам необходимо

нормально питаться! В Сингапуре я уже посещала большие торговые центры, но мои подруги не видели ничего подобного. Они медленно ходят между рядов, вертят головой, пробуют на ощупь все продукты, до которых могут дотянуться, и со смехом наполняют тележку. В этот вечер место у плиты заняла Сита, чей кулинарный талант известен всему монастырю. Ужин превращается в праздник живота, во время которого все, включая Стива и его жену, возносятся на вершину гастрономического блаженства. И наконец-то наедаются вдоволь.

А потом начинается турне. Конечно, оно отнимает у нас много сил, но дарит просто незабываемые впечатления. Начинаем с Нью-Йорка; кстати, город нам очень понравился, особенно нас порадовали толпы народу на улицах... Значит, американцы все-таки существуют! За месяц мы дали двадцать концертов, провели уйму времени в микроавтобусе, переезжая из города в город (например, дорога из Массачусетса в Миннесоту заняла двадцать семь часов). В нашей команде шесть человек: три девушки из Непала, Стив, его давний друг Марк Андресон, барабанщик и страстный поклонник экспериментальной музыки, а также Коди — брат и единомышленник Марка. На ночь мы чаще всего останавливаемся в мотелях, причем в качестве оплаты Стив и Марк дают концерты прямо на месте. А мы, монахини, постепенно открываем для себя эту странную страну. Для моих подруг все здесь в новинку: шумные магистрали, роскошные рестораны, сверкающие витрины, круглые глаза зрителей, которые не могут удержаться и удивленно рассматривают наши бордовые платья, обнаженные руки и бритые головы... Надо сказать, что Сита

и Сонам Вангмо отвечают американцам тем же — вот что называется культурным шоком!

Мы выступаем всюду: в церквях, концертных залах, домах культуры и на музыкальных фестивалях. Публика у нас самая разнообразная: молодые, старые, буддисты, католики, протестанты. В противоположность Стиву с его беспокойным характером, я почти не волнуюсь. Я уже приняла решение, зачем теперь-то переживать? Я сижу на сцене, поджав ноги, передо мной на маленьком столике лежат молитвенные книги, и я пою — так, как пела всегда, с абсолютно тем же чувством. Единственная сложность состоит в том, что я не привыкла к музыкальному сопровождению. Иногда я сбиваюсь с ритма, а Стив с некоторым раздражением напоминает мне: «Вместе, мы должны выступать вместе!» Я пытаюсь объяснить ему, что красота духовных песен — в их свободе. Я всегда пела так, как хотело того мое сердце, и мне сложно под кого-то подстраиваться. Но со временем я привыкла. И он тоже. Не знаю как, но мой голос и его инструменты сумели найти общий ритм. Стив очень уважительно относится к нашему пению; иногда мы практически замолкаем, затем звук начинает медленно расти, а он вливается в нашу тишину и усиливает самые напряженные ноты. Такие композиции получаются одновременно волнующими, трогательными и естественными.

Мне нравится, когда акустическая гитара Стива и ударные Марка сопровождают мой голос. А еще мне нравится, что наша публика, которая по большей части ничего не знает о буддизме или знает крайне мало, приобщается к этой религии посредством наших песен; пусть люди не понимают слов,

но нам удается затронуть их душу. В перерывах я рассказываю, о чем идет речь в молитвах, когда и где они возникли. Некоторым молитвам уже почти тысяча лет, и этот факт очень впечатляет американцев. Часто мы со Стивом говорим по очереди, причем у нас получается довольно живой диалог. Постепенно наша команда завоевывает успех...

— Смотри, Ани, про нас напечатали в «Филадельфия инквайер»!

— А что там?

— Цитирую: «На концертах этой группы вы наблюдаете процесс рождения хрупкого чуда»...

Стив на седьмом небе от счастья. Он забывает о недопитом кофе и замирает с бутербродом в руке. Я смотрю на него с улыбкой: он счастлив, и я этому рада. Повернувшись к Марку, Стив продолжает читать вслух некоторые места из статьи:

— «Именно в одном из монастырей Непала Тиббеттсу удалось отыскать Истинный Голос. Подобная манера исполнения пришла к нам из глубины веков... удивительные религиозные песни, которые рассказывают нам о любви к людям и вере в себя. „В Непале мы можем петь целый день без остановки, чтобы достичь полной гармонии. Но здесь у людей явно не хватает свободного времени, поэтому мы отнимем у вас всего лишь пару часов“, — шутит Чоинг Дролма». Конец цитаты!

Мне с самого начала понравилось давать интервью. И как раз во время одного из них мне удалось сформулировать идею, которая давно уже во мне созревала. Именно этой весной я решаю основать школу для непальских монахинь. Тогда же я понимаю, сколько денег мне потребуется. В кон-

це интервью американский журналист спрашивает меня:

— О чем вы мечтаете, Ани Чоинг?

— Я хочу создать школу для монахинь Непала!

Эти слова вырвались сами собой. Хотя, если честно, подобные мысли уже давно не давали мне покоя. Меня всегда поражало невежество непальских и тибетских девочек, скажу больше: меня глубоко возмущал этот факт. Даже с четырьмя годами школы я была исключением. Более того, врожденная сообразительность и способность схватывать на лету информацию позволили мне перескочить сразу несколько классов и получить базовые знания во многих областях, например в алгебре и истории искусств. За эту возможность я должна благодарить отца. Маму учил читать мой дедушка — и получалось у нее гораздо лучше, чем у мужа. Образование всегда было и остается слабым местом Непала. Например, в государственных школах, которые может посещать любой ребенок, оно находится на очень низком уровне. Мужская часть населения в большинстве своем умеет считать, знает несколько английских слов и пишет на непальском языке. А вот женщины...

В Наги Гомпа девяносто процентов монахинь с трудом пишут и читают. Они разбираются в священных текстах, потому что занимаются по ним в течение десятилетий, но при этом не могут их переписать или прочитать. И многие уверены, что этого достаточно: кому нужны образованные монахини? Да никому! В культуре Тибета женщина традиционно служит своему мужу или монастырю. А если у женщин нет никакого образования, то они ничего не знают и сплотить их может только физи-

ческий труд. Вот так распределяются роли в моей стране. Мужчины учатся, а женщины занимаются домашним хозяйством... А монахи между тем являются носителями всевозможных знаний. Я так восхищалась ими в детстве! Они дни напролет проводят над книгой, приобретают воистину энциклопедические познания — и всеобщее уважение. А на долю монахинь выпадает крайнее невежество. Хотя многие из них искренне мечтают получить образование. Итак, желание есть, но нет ни средств, ни людей, которые стали бы этим заниматься.

Я давно решила бороться с подобной несправедливостью и захотела создать учреждение, где монахини смогут учиться и познавать мир, используя лучшие пособия и последние технические достижения. В Непале никто никогда не пытался сделать так, чтобы у женщин, посвятивших себя религии, наравне с монахами-мужчинами появились доступ к знаниям и возможность реализовать свой интеллектуальный потенциал. Им разрешают медитировать, но не дают работать головой. Никто и не мыслит о подобных вещах, настолько в наших душах укоренились древние традиции. Но пришло время это изменить. И в Соединенных Штатах я обрела уверенность в том, что смогу добиться того, о чем мечтаю. После концертов к нам всегда подходило множество людей, они задавали десятки вопросов, чтобы утолить свое любопытство. Так вот, американцы были шокированы тем, что непальские девочки почти не имеют возможности получить образование.

Между тем восхитительные впечатления о заграничном турне были омрачены одним событием, которое меня весьма огорчило. Вечером после послед-

него концерта мы укладываемся спать, и вдруг Сонам Вангмо (третья монахиня, поехавшая с нами в Штаты) заходит в нашу с Ситой комнату:

— Чоинг, Сита, я пришла с вами попрощаться.

— Конечно, спокойной ночи!

— Нет, я действительно хочу попрощаться. Завтра я ухожу. Я не вернусь с вами в Непал. Я остаюсь. Три месяца поживу в Нью-Йорке, осмотрюсь, а потом решу, что буду делать дальше.

— Так это правда? До меня дошли слухи о твоих намерениях, но я не хотела верить... — сказала я. — Ты даже по-английски не умеешь говорить, на что ты рассчитываешь? Не делай этого, пожалуйста, не надо... Давай вернемся вместе, а потом ты можешь уехать, только не надо уходить вот так, никого не предупредив, ни с кем не попрощавшись!

— Я уже все обдумала, Чоинг. Я больше не хочу быть монахиней и не вернусь в монастырь. Попробую устроиться здесь. Если не получится, то через пару месяцев вернусь в Непал, но я не хочу терять такую возможность.

— Ты не можешь так со мной поступить! Я отвечаю за тебя перед сыном Тулку Ургьен Ринпоче! Я не могу вернуться без тебя, ты понимаешь, как он будет злиться? Ты понимаешь, что я обещала ему привезти тебя в целости и сохранности... Здесь для тебя нет будущего, ты еще пожалеешь о своем решении, поверь мне...

Сита сидит опустив голову и теребит помпон, привязанный к спинке кровати. Я резко поворачиваюсь к ней. Не хватало еще, чтобы она тоже ушла. Я умру от стыда, если вернусь одна и мне придется рассказывать сыну учителя, что двух наших монахинь погубили американские соблазны... Сита под-

нимает голову и улыбается мне. Нет, она из другого теста. Она слишком привязана к Наги Гомпа.

Я очень недовольна: мы взяли в турне Сонам Вангмо, потому что она была сиротой: ее родители погибли в результате несчастного случая, — а я заботилась о ней в монастыре и очень хотела сделать ее счастливой. Я надеялась, что во время путешествия по Соединенным Штатам она повидает мир, потому что вторая такая возможность ей вряд ли представится. А она решила опозорить меня перед всеми. Злюка не упустит возможности от души посмеяться надо мной, и она без конца будет припоминать мне этот промах. Даже теперь, когда я больше не живу в монастыре, она нет, нет да и отпустит шпильку в мой адрес... Если я потеряю Сонам Вангмо в Соединенных Штатах, то обеспечу Злюку пищей для злословия на долгие годы. Внутри меня клокочет глухая ярость, и мне очень хочется выплеснуть ее на молодую ветреную эгоистку.

— Ты хочешь выйти замуж, да? Друзья вскружили тебе голову, ты хочешь остаться здесь и зажить мирной жизнью простой американки? А ты понимаешь, что из-за тебя я теперь ни одну монахиню не смогу взять с собой в путешествие? Мне просто не позволят это сделать — и только из-за того, что ты ушла!

Сонам Вангмо, монахиня, которая больше не хочет быть монахиней, стоит, прижавшись спиной к дверному косяку, и слезы текут по ее щекам. Подбородок жалобно дрожит, она судорожно сжимает и разжимает кулаки:

— Ты думаешь, мне легко? Да я умираю от страха. Но все равно хочу попробовать. Начать рабо-

тать, зарабатывать деньги, нормально жить, купить красивый дом, носить красивую одежду... в конце концов, я свободный человек! Свободный, так ведь?

Действительно... Внезапно мне становится ее жалко. До сих пор я не понимала, что ее так тяготит статус монахини. Я ни в коем случае не осуждаю западный образ жизни. У меня много друзей за границей, они спокойно делятся со мной самым сокровенным, например рассказывают о своих любовных приключениях, и я всегда стараюсь их поддержать. Но если монахиня из моего хора считает, что свобода заключается в джинсах и в том, чтобы зарабатывать деньги за овощным прилавком в торговом центре, то она глубоко ошибается. Она совсем не понимает жизнь. Внезапно Сонам Вангмо кажется мне поверхностной девушкой. Я ошиблась в ней. Но, честно говоря, больше всего меня в данный момент волнует перспектива вернуться в Наги Гомпа без человека, за которого я поручилась. Я прихожу в ужас от того, что не справилась с возложенной на меня ответственностью.

— Хорошо, поступай как знаешь. Если передумаешь, тебе известно, когда мы улетаем. Телефон Стива и Марка у тебя есть, так что позвонишь. Билет твой мы возвращать не будем, решишь вернуться — мы никому не расскажем об этом разговоре. В любом случае, береги себя.

В конце концов мы возвращаемся в Наги Гомпа без Сонам Вангмо. Уже через много лет я из случайного разговора узнала, что она вышла замуж и поселилась в пригороде Нью-Йорка. Моя злость быстро улеглась. Зато в Наги Гомпа мне, как и ожидалось, пришлось вытерпеть издевательства и на-

смешки Злюки. Она просто не могла упустить такой шанс:

— Я тебя предупреждала, что такие поездки не для нас! Да кем ты себя воображаешь, если решила, что тебе можно так легко нарушать наши традиции? Думала, ты лучше всех?

— Мы с Ситой великолепно провели время, получили массу впечатлений, ценный опыт — и вернулись в целости и сохранности. Ты и сама это прекрасно видишь...

— И все равно я думаю, что монахине не пристало так жить. Твое поведение недостойно и неуместно. Если любишь выставляться, пожалуйста, это твои проблемы, но Наги Гомпа не нужны твои выкрутасы. Если Шокий Ньима Ринпоче терпит твои выходки, мне приходится с ними мириться. Но знай, я считаю, что ты ведешь себя неподобающим образом для монахини.

Меня трясет от бешенства, когда я уезжаю из монастыря. Кто позволил Злюке судить меня и говорить, что мне делать и как себя вести?

Я знаю, что могу приносить пользу и помогать людям. Поэтому после смерти учителя я решила начать серьезную работу в монастыре, даже направила просьбу в руководящие инстанции. Меня заметили некоторые уважаемые буддистские наставники. Мне в вежливой форме сказали, что необходимо посмотреть, на что я способна. Но я ни разу так и не получила ни одного предложения, мне не доверили ни одного поручения.

И стало ясно, что мне придется самой пробивать себе дорогу. Не в моих привычках ждать и бездействовать. Я хочу быть полезной Наги Гомпа, но если я им не нужна, значит, пришло время реализовать

свой проект и организовать школу для монахинь — и как можно быстрее. За месяц турне я заработала десять тысяч долларов. И меня очень радует это обстоятельство. На эти деньги я могу создать ассоциацию. Мою ассоциацию. Некоторые монахини проводят всю жизнь в молитвах за стенами монастыря. Но речь сейчас не о них. У меня другая миссия. Я должна воспользоваться своим даром — голосом — и приобретенной известностью, чтобы воплотить мечту в жизнь. Я понимаю, что мне необходимо много денег. Очень много. И я готова к тому, что придется работать день и ночь, давать интервью, участвовать в съемках. Меня не интересует известность. Я никогда не пела, чтобы стать звездой, у меня даже мыслей таких не возникало. Я пою, чтобы заработать деньги. Понимаю, что некоторых такое заявление может шокировать: монахиня, которая поет ради денег?! Конечно. Но такова жизнь. Я очень признательна Стиву за то, что он разжег во мне это пламя: без него я бы никогда не записала альбом, не стала бы петь перед публикой, не начала бы зарабатывать деньги при помощи собственного голоса — и никогда не воплотила бы свои мечты в жизнь. Так что я перед ним в неоплатном долгу. Благодаря путешествию по Соединенным Штатам идея, которая долгие годы зрела в моей душе, наконец-то обрела ясность: я поняла, что пришла пора бороться с несправедливостью.

14
Школа Арья Тара

Я только что вернулась из поездки в Сингапур. Мое сердце переполняет радость: во время путешествия случилось нечто из ряда вон выходящее. Я вбегаю в родительский дом, прыгаю на кровать и хватаю маму за руку:

— Мама, мама, ты не поверишь, что произошло! Я встретила потрясающего человека!

Мама подозрительно смотрит на меня. Конечно, такое часто случается во время заграничных путешествий. И соседки были правы: ее дочь такая миленькая, что просто не могла всю жизнь оставаться монахиней.

— Наверное, ты встретила Мишеаля, сына Гопала?

Гопал — сосед моих родителей, тот самый, который несколько лет назад, когда наш дом только строился, показывал мне фотографию своего отпрыска. Тот по-прежнему живет в Сингапуре — и по-прежнему не женат. А я веселая девушка, совсем не стеснительная, легко схожусь с людьми. Я прекрасно понимаю, что привлекаю внимание людей. И нравлюсь мужчинам. Узнав, что я еду в Сингапур, родители Мишеаля попросили меня передать их сыну лично в руки посылку. Уловка

была слишком явной. У меня не было никакого желания встречаться с этим мужчиной, и еще меньше мне хотелось впутываться в эти лицемерные брачные игры: нет, мне, конечно, приятно, но моему эго вполне достаточно молчаливого восхищения... А любовь между мужчиной и женщиной никогда не входила в число моих приоритетов. Мне нравится смотреть на нее в кино. Но в реальной жизни она меня не очень привлекает. И сейчас, когда я только начала наслаждаться свободой и открывать для себя мир, мне меньше всего хочется привязываться к какому-то мужчине, у которого мне надо будет спрашивать разрешения по любому поводу и отчитываться за каждое действие. Сама мысль об этом кажется мне абсурдной. Даже если монашеские одеяния выгодно подчеркивают все мои округлости, в глубине души я осталась девчонкой-сорванцом. Шепот и косые взгляды не трогают меня.

— Я встретилась с ним всего на минуту и даже не успела рассмотреть. Отдала посылку и убежала. Наверное, если я столкнусь с ним где-нибудь, то даже не узнаю. А почему ты об этом говоришь? Нет, я встретила потрясающего человека, который поможет мне со школой!

Моего первого мецената зовут Фредди Мо Тай Тонг, это знакомый моего старого друга Кенга Лека. Сегодня все больше и больше людей хотят меня поддержать. Но мой проект был принят не сразу. А вот Фредди ни минуты не сомневался. Однажды вечером, когда мы с Кенгом Леком договорились о том, чтобы поужинать в ресторане, он пригласил меня к своему другу. Им оказался невысокий улыбчивый и удивительно добрый сингапурец. А еще

очень богатый. И как я узнала позже, очень щедрый.

— Ани, я хочу представить тебе Фредди, — сказал Кенг Лек. — Он владелец замечательного ресторана здесь, в Сингапуре, который называется «Чикен райс»...

— Очень приятно, Ани. Вы обязательно должны как-нибудь посетить мое заведение, я приглашаю!

— Спасибо...

— Отец Фредди — известный агент по недвижимости, — сообщил Кенг Лек и добавил: — Кстати, он тоже поет!

Мы очень легко нашли общий язык и весь вечер проговорили обо всем и ни о чем. Побывав дома у Фредди и послушав, что он рассказывает о своей жизни, я поняла: он действительно богат. Я была уверена, что этот человек может мне помочь. Мне надо всего лишь уговорить его.

Я собрала всю свою храбрость в кулак и бросилась в атаку безо всяких церемоний. Откровенно высказала все на одном дыхании:

— Знаете, вы явно очень богаты. Думаю, что однажды я попрошу вас о помощи.

— Неужели? И как же я могу вам помочь?

— Я хочу создать школу для монахинь.

— И что же вам нужно?

— Мне нужно купить участок под строительство.

— И сколько, по-вашему, участок может стоить?

— Я пока не знаю...

— Пятидесяти тысяч долларов будет достаточно?

Пятьдесят тысяч долларов!.. Такого я не ожидала. Неужели он настолько доверяет мне, молодой монахине, которая не может предоставить ему никаких гарантий?

— Честно говоря, я действительно пока не знаю, сколько это может стоить, я даже не начала составлять проект. Пусть деньги будут у вас до тех пор, когда я подыщу хороший участок.

— Хорошо, дайте мне знать, как только со всем разберетесь и вам потребуются деньги. Я буду ждать. И сохраню эти деньги специально для вас.

Знаете, удивительно приятно чувствовать, что ты не один в этом мире, что есть люди, готовые тебе помочь, и достаточно лишь указать им путь, чтобы они проявили свою щедрость и великодушие. Мне очень повезло. Не считая нескольких недоверчивых личностей, которые не готовы залезть в свой карман, пока им не предоставят серьезных гарантий, люди с готовность помогали мне в реализации проекта. И я всегда буду помнить их доброту. А Фредди — это тот, кто заложил первый камень в воплощение моей мечты.

Я рассказываю все это маме и вижу, как она рада за меня. Я явно не стремлюсь к тому, чтобы оставить религиозную стезю... Мама стала моим лучшим другом, мы разделяем все печали и радости, я полностью ей доверяю. Мы стараемся больше смеяться, улыбаться и поддерживать друг друга. С тех пор как я вернулась из Соединенных Штатов, мои отношения с родителями значительно улучшились. Папа в любое время дня и ночи заходит ко мне в комнату, чтобы поинтересоваться, как у меня дела и все ли хорошо. А я никогда не запираюсь. Но иногда такие внезапные визиты могут

затянуться часа на три. Даже если я тайком молюсь, чтобы отец поскорее ушел, и коротко отвечаю на его вопросы, давая понять, что мне надо работать, я все равно стараюсь его выслушать. В конце концов, я нахожусь в доме у отца, да к тому же я люблю с ним поболтать. Я больше всего на свете ценю такие моменты семейного согласия. Люблю, когда он рассказывает о своей жизни и о своих взглядах на буддистскую философию. Обычно я слушаю его слегка рассеянно, но никогда не забываю улыбаться.

Отец до сих пор работает, хотя уже меньше, чем раньше. За годы совместной жизни и испытаний мои родители смогли наконец достичь гармонии, простой и тихой. Теперь, когда наступила осень их жизни и страсти уступили место выстраданному душевному спокойствию, они полюбили друг друга. Мама всегда, как могла, поддерживала отца. А он всегда был неотразимым покорителем женских сердец. Но сам процесс соблазнения интересовал его куда больше, чем его физиологический результат. Даже если у него и были связи на стороне, он ни разу не помыслил о том, чтобы покинуть семью. Хотя однажды он зашел слишком далеко. Сейчас родители говорят об этом спокойно, в их словах нет горечи.

Когда отцу было семьдесят лет, он отправился в свой родной город Кхам, который находится на востоке Тибета. На обратном пути он остановился в Лхасе, столице нашей страны. Почти шесть месяцев от него не было никаких новостей. Мама места себе не могла найти: она была убеждена, что отец плохо питается, переживала, что злые люди могли его одурачить. В конце концов мама попросила

меня отправиться на его поиски. Я поехала вместе с моим старшим братом, сыном отца от первого брака. Мы довольно быстро нашли папу... Нет, его никто не обидел! Напротив, у него была очень хорошая компания... Он поселился у одной тридцатилетней женщины — в то время она была не намного старше меня. Сейчас это воспоминание вызывает у меня улыбку, а тогда я не знала, что и думать. Я не злилась на отца, просто меня смутил возраст его избранницы. Но она была очень внимательной, заботилась о нем; в общем, они представляли собой очень гармоничную пару. Спустя две недели, посетив святые места, мы с братом отправились домой: я плохо переносила режим, установленный китайскими коммунистами, и тот страх, который ощущался на улицах города. Отец поехал с нами, будто ничего не произошло. Он хорошо провел время, теперь можно возвращаться к жене!

Маму эта история, мягко говоря, шокировала. Она поняла, что отцу на счастье осталось меньше времени, чем ей. Он уже стар, и такое приключение сослужило ему хорошую службу. А мамина любовь всегда была чиста, мама лишь отдавала всю себя, ничего не ожидая в ответ — только желая видеть счастливым того, кого она любит. И это действительно красиво. Мне кажется, неверность отца не причинила ей больших страданий. Она понимала, что та молодая женщина — всего лишь временное увлечение. А она останется с ним до конца жизни. Только она. Она всю жизнь была для отца источником равновесия, точкой опоры, плотиной, которая сдерживала ярость, когда та переполняла его душу. И мама была права. После стольких лет

ее терпение и смирение в конце концов смягчили бешенство отца. Конечно, у него еще случались взрывы, но крайне редко и тогда, когда меня не было дома — я по-прежнему выступала сдерживающим фактором. К тому же те деньги, что я отдавала родителям, скрашивали их жизнь. У меня остались очень хорошие воспоминания о том времени: наша семья была счастлива, мы стали близки, как никогда, несмотря на периодически вспышки отцовского гнева.

В плане карьеры все тоже шло очень хорошо; я много сил отдавала работе. Часть денег, вырученных за турне, я вложила в обстановку своего кабинета: письменный стол, стул, компьютер, принтер — все новенькое, с иголочки. Хотя кабинет — это громко сказано; я приобрела самое основное, а больше мне и не надо. И наконец основала NWF — Nuns Welfare Foundation — Фонд помощи монахиням. Этот чисто формальный бюрократический акт позволил мне собирать средства для школы и вести учет. В то же время благодаря NWF я почувствовала, что мой сумасшедший проект начинает воплощаться в жизнь, во всяком случае на бумаге. А пока все, что у меня есть, это бланк, удостоверение и почтовый адрес... Я решила не терять напрасно время и воспользоваться предложением Фредди. Знаю, что он не возьмет обратно своих слов, но лучше ковать железо, пока горячо. И если подумать, у меня нет никаких причин откладывать воплощение моей мечты в жизнь.

Я всюду ищу подходящий участок. Приходится объезжать все окрестности Наги Гомпа на своем маленьком джипе, потому что у меня есть одно условие: я хочу, чтобы школа стояла на вершине, как

монастырь, где я выросла. Чтобы она возвышалась над толпой, над шумом и грязью городов, смотрела на мир свободно и ясно — совсем как мы. Однажды мне позвонил человек, который случайно узнал о моих поисках. Он сказал, что у него есть участок, который меня может заинтересовать, и предложил приехать и посмотреть.

Раннее утро, около семи часов, у подножия гор стелется туман. Я еду по извилистой дороге, полной опасных поворотов и тяжелых грузовиков. Чувствую себя ужасно усталой: ночью почти не спала, думала о том, как все устроить, организовать. Беспокойная жизнь западных людей не для меня. Я предпочитаю действовать медленно, спокойно, в гармонии с собой. Не надо было мне ехать — скорее всего, меня ожидает разочарование. Машина перебирается через покрытую лесом вершину — и вдруг передо мной открывается невероятное свободное пространство. Из-за облаков выходит по-зимнему скромное солнце. Слева от меня — Катманду: россыпь мерцающих вдалеке огоньков. Справа высятся ослепительные горные вершины, покрытые вечными снегами, — солнечные лучи отражаются от них золотыми искрами; у подножия гор уютно клубятся большие пушистые облака. От такого зрелища дух захватывает. Внезапно на меня снисходит покой, даже сердце словно замедляет свой бег. Здесь. Это место здесь. И продавец уже ждет меня.

— Прошу вас, покажите мне участок... Я очень хочу его увидеть!

— Он чуть дальше, следуйте за мной.

Я снова сажусь в машину и примерно десять минут еду за этим человеком. Он предлагает мне гряз-

ный наклонный участок земли, который расположен совсем близко к холодной серой горе; участок открыт только с севера, и его почти не освещает солнечный свет. Какое разочарование! Я так и знала, что напрасно радовалась... Тем не менее окрестности просто завораживали своей красотой. Я с досадой в сердце покидаю продавца. Никогда не думала, что найти участок будет так сложно. Сажусь в джип, проезжаю несколько сотен метров и оказываюсь с другой стороны склона. Хм, а это место может подойти. Почти плоское, ровное, прекрасный вид и много света. Я резко торможу и выхожу из машины. Вдалеке на западе виден монастырь, куда я ходила вместе с учителем, пока он не заболел. Совсем маленькая обитель посреди рая; там мой наставник целыми днями медитировал в мире и покое, часто мы за сутки не обменивались ни единым словом. И теперь я вижу этот монастырь с того места, на котором стою. Подобная случайность воодушевляет меня. Это точно здесь!

— Кому принадлежит эта земля? Я как раз ищу нечто подобное!

Я с легким сердцем оставляю агента по недвижимости — он быстро со всем разберется. Если дела пойдут хорошо, то скоро мы узнаем цену на землю. И вот по прошествии всего нескольких дней он сообщает: восемьдесят тысяч долларов. Хозяева просят восемьдесят тысяч долларов. Безобидное чудачество, которое я не могу себе позволить. А даже если бы и могла, все равно не стала бы, поскольку цена слишком высока.

Я пытаюсь торговаться. На протяжении нескольких недель мы играем в торговый пинг-понг. Пачки долларов летают туда-сюда, как пластмассовые мя-

чики, но цена по-прежнему остается за гранью моих возможностей. Я покупатель, поэтому заведомо нахожусь в проигрыше. Хозяева земли — непальцы, мелкие фермеры; на этой земле явно жили многие поколения их семьи. Я сдаюсь — это все равно что подталкивать мула. И снова принимаюсь за поиски. Как ни странно, я довольно быстро нахожу хороший участок с замечательным видом по приемлемой цене. Накануне подписания всех бумаг звонит телефон.

— Мы звоним по поводу участка, который вас заинтересовал.

— Спасибо, но уже поздно. Я нашла другой вариант, ваш участок меня больше не интересует. И я ведь говорила, что у меня нет таких денег.

— Мы звоним, чтобы сказать, что мы согласны на вашу цену...

А ведь мне завтра подписывать бумаги! Неизвестно, что заставило хозяев изменить свое мнение, скорее всего, потребность в деньгах. И я принимаю их предложение. По прошествии нескольких дней мы сидим у нотариуса и заполняем необходимые документы. Итак, теперь я владелец земельного участка. Но больше-то у меня ничего нет. Я не могу учить монахинь на голой земле. Чувствую себя как выжатый лимон. Мне нужны деньги на строительство школы. Даже если сама работа будет стоить не так уж и много, мне все равно срочно требуются новые спонсоры. Плюс к этому надо давать новые и новые концерты. Я быстро поняла, что выступления — единственный шанс быстро собрать средства. А пока я несколько недель ищу здание, которое можно арендовать под школу. Больше ждать нельзя. Слишком много девочек находится в отчаянном положе-

нии безо всякой надежды на лучшее, так что надо действовать как можно быстрее.

— Папа, мне надо съездить посмотреть дом, который агент по недвижимости предложил для временного здания под школу. Помнишь, я тебе говорила. Поедешь со мной?

— С удовольствием! Разберемся, что он там нашел...

Честно признаюсь, мне очень повезло с агентом по недвижимости. Это Барзгар, мой друг из Боднатха. Обычно люди по-разному реагируют на мой проект: консерваторы начинают его критиковать, остальные с энтузиазмом поддерживают меня. Естественно, я не обращаю внимания на первых и продвигаюсь вперед благодаря вторым. Так вот, Барзгар точно принадлежит к тем людям, на которых я могу рассчитывать.

— Ну, вот и приехали!

Мы останавливаемся перед большим зданием, расположенном на тихой улице в десяти километрах от Боднатха, на севере Катманду. На потертой вывеске написано: «Туристическое агентство». Буква «е» давно ушла в отставку. Высунувшись из окна машины, я внимательно изучаю окрестности. Немного бедновато, но ничего.

— Давай зайдем внутрь...

Пять этажей, около пятнадцати комнат — от пыли не продохнешь и пол такой грязный, что непонятно, какого он цвета. Все выглядит ужасно запущенным, будто тут долгие годы не ступала нога человека. Но это не страшно, уборка меня не пугает. Электричество вроде бы в норме. Комнаты расположены как раз так, как мне того хотелось: на верхнем этаже — большой зал, симпатичная кухня

и кладовая; на остальных этажах — с десяток маленьких комнат; на первом этаже они расположены в ряд, вдоль коридора, а на верхних расходятся в разные стороны, как лучи у звезды. Превосходно. И плата за аренду кажется вполне реальной: 20 000 рупий в месяц. Получается около двухсот пятидесяти евро, на Западе такую сумму посчитали бы мизерной, но не надо забывать, что средний доход непальца составляет сто семьдесят евро в год. Меня цена устраивает: как я уже говорила, мне по силам оплачивать аренду. Я принимаю решение буквально за минуту:

— Потрясающе, я согласна!

На следующее утро я выступаю на пыльную тропу войны, вооружившись ведрами, тряпками и швабрами. Со мною — семь учениц, для которых предстоящая уборка — нечто вроде обряда посвящения. Да, совсем забыла сказать, что вот уже две недели ко мне приходят девочки, которые хотят учиться в моей школе. Семерых я приняла. Новость о том, что я открываю школу, распространилась по всему кварталу и даже за его пределы. Мои друзья тут же стали отправлять ко мне знакомых девочек. Все они из бедных семей. Многие, совсем как я много лет назад, ушли в монахини для того, чтобы избежать тирании жестокого отца, который превратил их жизнь в ад. Для таких девочек попасть в мою школу все равно что поселиться в раю. Другим повезло меньше. В Непале родители очень часто продают своих дочерей в проститутки; потом несчастные отправляются в Индию, где многие из них заражаются СПИДом. В нашей стране известно, что такое ВИЧ, и в последнее время все больше информационных программ пытаются

предостеречь население, но нищета заставляет отказываться от предохранения. Зараженных девочек отправляют обратно домой, где у них нет никакого будущего. Многие из них продолжают торговать своим телом и заражают все новых и новых людей. Один из моих друзей работает с такими девушками, пытается подарить им хоть какую-то надежду.

А еще я наняла первую учительницу. Ей стала Йеши Ламу; она моложе меня, ей двадцать шесть лет. Она тоже монахиня из Тибета, живет при храме Суоямблу Натх в Катманду. Ей выпала редкая возможность получить образование в Индии, в буддистском университете. Очень трудно найти образованную монахиню, поэтому я считаю, что мне очень повезло. Сегодня Йеши Ламу вместе с нами занимается уборкой. Она сменила мелок на швабру и трет пол с таким же воодушевлением, с каким преподает литературу. За три дня мы и еще несколько моих друзей вычищаем мою будущую школу от пыли и грязи так, что она выглядит вполне прилично.

— А как думаешь назвать свою школу, Чоинг? — спросил папа после поездки.

— Хороший вопрос. Мне нравится название Школа Арья Тара...

Тара — это наша богиня, женский вариант Будды, воплощение женской силы. Ее статуи всегда окрашены в зеленый цвет. Имя богини переводится как «Освобождение» или «Та, которая избавляет». Считается, что Тара обладает силой для того, чтобы уберечь от трех опасностей. От внешней опасности — пожара, землетрясения или оползня; от внутренней опасности — различных болезней; и нако-

нец, от связанных с человеческими чувствами тайных напастей, которые могут нарушить душевное равновесие. Тара хранит нас от этих опасностей, дарит мир и покой. Мне всегда казалось само собой разумеющимся, что школу надо назвать в честь этой богини. А Шокий Ньяма Ринпоче, сын учителя, предложил добавить к ее имени слово «Арья» — «Прославленная». Школа Арья Тара... По-моему, звучит здорово.

Через некоторое время мы уже начинаем проводить уроки. Сначала все держится в основном на импровизации, но постепенно нам удается более-менее организовать учебный процесс. Я закупаю парты и стулья, а доска нам достается из соседней школы. Плачу за все сама, в этом отношении мне никто не помогает. Девочки получают традиционное буддистское образование, то есть учат молитвы и постигают основы религии, но также много внимания уделяется математике, двум языкам: английскому и непальскому. Мне хочется, чтобы в моей школе ученицы получили как можно больше необходимых знаний и навыков. Пока у меня нет возможности купить компьютер, но я постараюсь достать его в ближайшее время, потому что без информатики сейчас никуда.

Чтобы уделять школе еще больше времени и сил, я решаю туда переехать и поселяюсь в одной из комнат. Родители сохраняют мой кабинет, и я в любой момент могу вернуться к ним. Но чаще всего я ночую в школе, ужинаю с девочками... В конце концов у меня возникает чувство, что мне удалось воссоздать ту жизнь и то единение, к которым я так привыкла в Наги Гомпа. Только Школа Арья Тара — пансионат, а не монастырь. Девочки целый

день учатся, а я занимаюсь организацией концертов. Мне постоянно поступают различные предложения, вполне возможно, что в ближайшее время я отправлюсь в турне по Европе. Все произошло так быстро, столько работы навалилось... Кажется, мне нужен секретарь. Я постоянно в разъездах; за все это время я провела в Катманду всего несколько месяцев, но по большей части выступала перед немецкой, французской и американской публикой... Родителей моя новая жизнь слегка беспокоит. Они гордятся мною, но им кажется, что я слишком часто езжу за границу; поддерживают мои начинания, но не совсем понимают, чего я пытаюсь добиться. В Непале меня еще плохо знают и приглашают в основном в Америку и в Европу.

Когда я ночую в школе, то ужинаю вместе со всеми; потом мы молимся в зале для церемоний. Иногда смотрим кино, записанное на кассету. Я по-прежнему обожаю романтические истории Болливуда! И чем фильм грустнее, тем лучше. Если я смотрю кино в одиночестве, то часто плачу, но перед девочками стараюсь себя сдерживать. Мы живем одной большой семьей, девочки снова смеются и улыбаются, а ничто не может радовать меня сильнее. Все идет как нельзя лучше.

Такой моя школа вошла в новое тысячелетие. Сколько в нее было вложено усердия, труда и надежды... Надежды изменить жизнь к лучшему. Надежды подарить счастье тем, с кем жестоко обошлась судьба. Отказаться от обреченности. И конечно, не стоит забывать о больших амбициях: «*Think big, start small*» — «Думай о великом, начинай с малого». Если ты будешь думать о мелких делах, то тем самым существенно ограничишь

себе поле действия, и тебе будет некуда развиваться. Для больших свершений нужны большие амбиции. Обожаю эту фразу. Впервые я услышала ее в Сингапуре и с тех пор часто повторяю — каждый раз, когда затеваю что-либо новое. Никогда не думала о том, что мне что-то не удастся. Старалась всегда верить в себя и благородство других людей. И до сих пор такая установка мне очень помогала. Это не высокомерие, просто вера в себя и в жизнь. Мне кажется, чтобы стать сильной, надо почувствовать себя таковой. А я считаю себя сильной. Во всяком случае, не слабее других девушек. И мужчин.

15
Сын

Глаза у него темные, как беззвездная ночь, в них можно утонуть. Они прекрасны. Но странная сосредоточенность взгляда меня немного озадачивает. Ребенок смотрит на меня внимательно, неотрывно, будто целую вечность; ресницы у него длинные, густые, совсем как у девочки, и совершенно неподвижные. Малыш слишком серьезен для своего возраста. Я хорошо знаю женщину, которая протягивает мне его и умоляюще улыбается. Майли — монахиня из Наги Гомпа. Я часто помогала ей в монастыре, потому что девушка пришла из бедной семьи и Злюка ужасно с ней обращалась. Ребенок, которого я вижу первый раз в жизни, — сын ее брата. Его родители умерли. Мать умерла, когда ребенку было всего восемь месяцев, отец — через восемь недель. Майли совершенно не нужен племянник, ей даже не на что его кормить. И она, что вполне логично, обращается ко мне за помощью.

Я беру малыша, не раздумывая. Я не из тех людей, которые задаются тысячей вопросов перед тем, как что-то сделают: я слушаю свое сердце, и оно говорит, что надо помочь мальчику. Ни секунды не задумываюсь о последствиях своего решения, в голове лишь одна мысль: я нужна ему. Вот так неожи-

данно для всех Сонам Дорже стал моим сыном — за несколько секунд, а не за девять месяцев! В тридцать лет я превращаюсь в мать десятимесячного малыша и воспринимаю это как самую естественную вещь в мире. С утра следующего дня я ношусь по магазинам детских товаров и закупаю все необходимое: кроватку, пеленки, люльку для переноски ребенка, одежду, обувь. Все монахини радуются появлению мальчика, особенно Йеши Ламу... Я не знаю, как зовут малыша, поэтому отправляюсь в монастырь Боднатха и прошу Шоклинг Ринпоче, еще одного сына учителя, подобрать ребенку имя. Это он назвал его Сонам Дорже.

Первое время я очень переживаю за сына. Живот у него раздулся от недоедания; руки, шея, грудь постоянно покрываются белыми шероховатыми пятнышками. Кожа на коленях сухая, как у слона. Но больше всего я опасаюсь, что его спокойствие может быть признаком умственной отсталости. Я вырастила двух братьев, поэтому знаю, как обычно ведут себя дети. Плачут, брыкаются, хватают все, что попадет им под руку, срыгивают, смеются... В общем, живут. Сонам ничего подобного не делает. Его можно было бы назвать смирным, послушным ребенком — но ведь ему даже года нет! Кажется, что он все время погружен в раздумья, в воспоминания о страхе, холоде, голоде и одиночестве. Я так хочу сказать ему: ад позади, малыш, теперь ты в безопасности. Шепчу ему это на ушко, ласково мурлычу, по вечерам пою песни — чтобы он заснул или наконец улыбнулся. Но он словно не слышит меня. Как любая мать, я извожусь от переживаний и воображаю худшее. Вдруг у него неизлечимая болезнь мозга?

Сонам быстро становится своим в нашей общине. Он живет со мной в школе, среди молодых монахинь и профессоров. Мальчик — единственный ребенок в нашей большой семье, поэтому всегда найдется немало тех, кто хочет с ним понянчиться. У меня в то время много работы, и Йешу Ламу очень выручает меня, взяв на себя практически всю заботу о малыше. Он словно наша общая кукла. Вокруг него всегда несколько сестер и мам. Порой я смотрю на него и думаю о том, как извилисты пути судьбы: ребенок, чьи родители умерли, обреченный на жизнь без любви, оказался в мире ласки и теплоты!

Когда я в школе, то стараюсь не расставаться с Сонамом ни на минуту. У нас нет маленькой коляски, так что я ношу его на руках, прижимая к своему сердцу. Сонам цепляется за мою шею, как маленькая мартышка. Я смеюсь — и он тоже иногда улыбается. Месяцы бегут один за другим, и мой малыш начинает вести себя как нормальный ребенок. Вроде бы все в порядке. Я наконец могу вздохнуть спокойно. Он такой славный, никогда не плачет. И я говорю это не только потому, что он мой сын!

Но не все одинаково относятся к происходящему. Появление ребенка в моей жизни вызывает слухи и сплетни, глупее которых я еще не слышала…

— Ани, мне надо сказать тебе кое-что, и, боюсь, тебе это не понравится…

Йеши Ламу стоит в дверях моего кабинета, на руках у нее Сонам, безмятежно лепечущий что-то себе под нос.

— …до меня дошли слухи, что кто-то считает, будто Сонам — твой сын.

— Естественно, он мой сын!

— Нет, я хочу сказать... твой сын. Ребенок, которому ты... как бы так выразиться... подарила рождение.

— То есть мой биологический сын?

— Да. Люди болтают, что ты спала с каким-то мужчиной и забеременела от него...

Бедняжка краснеет от смущения. Я тоже, но от ярости. Меня не должна трогать людская злоба, но я ничего не могу с собой поделать: никому не нравится, когда о нем говорят неправду, а я, в конце концов, тоже человек! Иногда мне плевать на мнение окружающих, а иногда нет. Сейчас я вспоминаю высказывание Будды, которое как-то процитировал учитель: «Они будут винить тебя за то, что ты молчишь, они будут винить тебя за то, что ты говоришь слишком много. Что бы ты ни делала, они будут тебя винить. Люди всегда найдут, за что ругать тебя и за что тобой восхищаться». А еще мне вспоминаются слова учителя, которого я видела по телевизору: «В дерево, приносящее самые сладкие плоды, летит больше всего камней». Иногда люди даже ломают ветви, стремясь добраться до плодов. Но это не мешает дереву расти, крепнуть и цвести. Поэтому не стоит останавливаться, ведь так можно потерять свой путь. Что бы ни случилось, нельзя сдаваться. Так учит далай-лама.

Невежество и злоба некоторых больных духом людей заставляют их порой наносить неожиданные и совершенно нелепые удары. Я — и мужчина? Если бы они не вкладывали в эту сплетню столько ненависти, я бы с удовольствием над ней посмеялась. Но не хочу. Эти бесконечные нападки когда-нибудь меня доведут. Я давно поняла, что нельзя нравиться

всем людям; я не привыкла подстраиваться под чужое мнение и стараюсь не обращать внимания на недовольство окружающих. Но я никогда не стремилась их шокировать и старалась сдерживать свой темперамент.

Это касается в том числе и сальсы. Я с детства любила танцевать. В Наги Гомпа я порой устраивала безумные пляски, чтобы развлечь учителя своими прыжками и импровизированными па. Помню, как однажды на Новый год я устроила настоящее представление, которое очень порадовало публику. Повзрослев, я не бросила танцы. Для меня это естественное состояние, тело само реагирует на музыку. Сальса стала для меня настоящим откровением. Я даже стала посещать занятия и так уверенно двигалась в ритме латино, будто у меня внутри был специально настроенный механизм! Мне случалось танцевать на приемах, куда меня приглашали. Но потом я узнала, что мои поступки вызвали слишком большой резонанс. Монахиня, танцующая сальсу, — слишком вольнодумная идея для отдельных ограниченных личностей. И я могу это понять — потому и прекратила танцевать на публике. Я монахиня, и люди ждут, что я буду вести себя в соответствии с определенными нормами. Я не из тех, кто старается выделиться любой ценой; я не стремлюсь выставлять напоказ то, что я немного отличаюсь от других, — особенно если это может кого-то оскорбить или шокировать. Я понемногу приспосабливаюсь.

Но в случае с Сонамом я всего лишь хотела помочь ребенку, который мог оказаться на улице или умереть с голоду! Скорее всего, он не прожил бы и двух месяцев, если бы его не принесли к нам. Я не

сделала ничего плохого. Я соблюдаю основное правило всех монахинь — не вступаю в связь с мужчинами. И очень этому рада! Если бы я захотела выйти замуж, я бы это сделала. Но меня не привлекает физическая любовь. Конечно, никогда не стоит говорить «никогда», но вряд ли я когда-нибудь перестану быть монахиней.

— Вы не жалеете о своем выборе? Что скажете по поводу личной жизни?

Журналисты обожают задавать подобные вопросы. А я отвечаю им правду. Свою правду.

Я ни о чем не жалею. На самом деле я считаю, что получила от судьбы больше, чем может пожелать женщина. Я свободна. Могу спать всю ночь, а если захочу, то и весь день; могу путешествовать, разговаривать с кем хочу — и сколько того требует мое сердце. Никто не имеет права сказать мне: «Тебе нельзя это делать!» или «Да как ты осмелилась сделать это без моего разрешения?!» Я иду куда хочу и когда хочу. И это для меня бесценно. Даже если бы я вышла замуж за любимого мужчину и была счастлива в браке, никто не позволил бы мне так жить. А я свободна. Свободна физически, морально, а также в финансовом плане. Могу помогать другим — и в этом мое счастье. Честно говоря, я не понимаю, что такого мне может дать мужчина... ну, кроме скуки, конечно! Лучше уж сесть в тюрьму...

Конечно, я испытывала чувства к мужчине, не отрицаю. Когда я была моложе, то нравилась противоположному полу. Два-три человека даже приходили к отцу и просили моей руки! И естественно, был такой период в моей жизни, на исходе подросткового возраста, когда мужчины меня очень инте-

ресовали. Каждая женщина проходит через подобный период. Но физического влечения к противоположному полу я не испытывала уже давно. Наверное, во мне слишком много мужской энергетики.

Время от времени, если представится случай, я даже могу любоваться красотой мужчин. Но я сама установила прочный барьер между нами; я понимаю, что связь с мужчиной будет стоить мне слишком дорого. Наверное, я боюсь того — и подсознательно верю в это, — что, даже если мой избранник будет лучшим мужем и отцом, в конце концов он все равно меня предаст. Слишком часто я видела такое в жизни...

Иногда я вспоминаю историю, которую рассказал мне Тулку Ургьен Ринпоче. Она спасает меня от самых дотошных и недоверчивых журналистов.

Однажды влюбленная тибетская монахиня решила уйти из монастыря. Вечером накануне ухода она пришла к учителю, чтобы попрощаться. И он сказал ей:

— Нет ничего страшного в том, что ты хочешь уйти. Но сначала окажи мне услугу. Когда сегодня ночью ляжешь спать, положи рядом с собой этот сверток. Крепко прижми его к себе — это очень важно. Вот, смотри, я уже все приготовил. Не спрашивай, что в нем лежит, доверься мне в последний раз.

Монахиня осторожно отнесла сверток в комнату, радуясь подарку учителя. Даже если завтра она покинет монастырь, не может быть и речи о том, чтобы ослушаться наставника. И она ложится спать, обняв таинственный сверток. На улице зима, холодно. Ночью она просыпается от ужасного тошно-

творного запаха. Подарок учителя явно воняет. Монахиня старается превозмочь отвращение, помня об обещании, данном наставнику. Через два часа она снова просыпается. Запах становится просто невыносимым. В конце концов она не выдерживает и выносит сверток из комнаты.

На следующее утро она в последний раз приходит к учителю. Тот спрашивает:

— Ты хорошо спала, дитя мое?

— Учитель, мне очень стыдно, но я не смогла сдержать обещание... — признается монахиня.

— И в чем же дело?

— Простите, но от свертка, который вы мне дали, исходил такой ужасный запах...

Учитель начинает смеяться. Он едва может говорить, так его трясет от смеха. Наконец он успокаивается и вздыхает:

— Я верю тебе, дитя мое. На самом деле я нашел в саду замороженную коровью лепешку, завернул ее в красивое покрывало и отдал тебе. Ночью навоз оттаял, нагрелся и проявил свою истинную природу, то есть начал вонять.

— Но... учитель, зачем вы это сделали?

— Потому что любовь похожа на этот сверток: сперва красивый и привлекательный, со временем он портится и начинает отвратительно пахнуть!

В истории не сказано, осталась ли монахиня в монастыре. Думаю, что нет. Тем не менее этот рассказ всегда меня веселил. Конечно, я знаю людей, которые счастливы в браке. Но мне кажется, что они, несмотря ни на что, слишком привязаны друг к другу. Женщина обязана сообщать мужу о своих действиях и намерениях. Я себя хорошо знаю и понимаю, что не смогу с этим смириться. Я слишком

дорожу своей свободой. Единственный принцип, которому я следую, гласит: «Слушай свое сердце». Только оно имеет право говорить мне: «Да, делай это» или «А вот этого делать не стоит». И больше никто. Никогда.

Женщин с таким отношением к жизни часто называют феминистками. Я не против подобного наименования. А почему бы и нет? Тем не менее я очень дорожу своей женственностью, поэтому ни за что на свете не хотела бы стать мужчиной. Мы разные и такими должны оставаться. Для меня это очень важно.

В том же, 2000 году меня пригласили на конференцию в Нью-Йорке, посвященную правам женщин. Ее устраивала Организация Объединенных Наций. Я приехала, чтобы рассказать о своей школе, о первостепенной роли образования, о том, как важно женщинам всего мира получить равные права с мужчинами. Такой случай выпадает раз в жизни. И все же некоторые вещи на конференции в США вызывали у меня грусть. Вокруг меня было множество интеллигентных, образованных женщин, обладающих определенной властью, — и почти все они перенимали у мужчин те недостатки, которые сами так горячо обличали... Честно говоря, меня даже шокировало то, как нагло и вызывающе вели себя некоторые представительницы слабого пола.

Если борьбу за равенство воспринимать как возможность отомстить, ни к чему хорошему это не приведет. Мы, женщины, не должны перенимать манеру поведения мужчин, их стремление к доминированию и дискриминации. Мы выше этого! Мы должны использовать наш потенциал, силу нашей

женственности. Руководствоваться природным инстинктом. Способностью заботиться о других. Добиваться всего при помощи ума и ласки. Но для начала необходимо эти качества в себе развить. Думаю, что это гораздо эффективнее, чем громогласно заявлять с трибуны: «Мы покажем вам, какие мы сильные!» Я постаралась коснуться этой темы в своем докладе, говорила о том, что мы не должны копировать мужские недостатки... Пусть у меня нет высшего образования и я плохо знаю этот мир, я верю в то, что говорю. Если вам что-то не нравится, надо идти в противоположную сторону.

Мы должны бороться, это факт. Но только своим собственным оружием. Без ненависти. Даже я научилась любить мужчин, хотя прежде испытывала к ним отвращение. Для меня олицетворением мужчины всегда был отец. Полное неприятие. Никакой возможности компромисса. Но я изменилась благодаря учителю, который стал для меня воплощением другого типа мужчин — добрых, ласковых, любящих защитников. Но я до сих пор настороженно отношусь к противоположному полу, это сильнее меня. Мой сын — другое дело, он еще совсем маленький, ему и десяти лет нет, а предыдущие девять он жил в окружении монахинь. И все-таки я решилась отправить Сонама в пансионат, чтобы он наконец покинул нашу женскую вселенную, где чувствовал себя полностью защищенным, — для него пришло время развиваться в более разнообразном мире. Теперь он посещает частную школу, получает хорошее образование, учит английский язык и дружит с детьми своего возраста. Но я могу быть уверена в том, что он прошел хорошую подготовку и получил правильное воспитание! Я твердо знаю,

что он будет всегда уважать женщин, потому что он сам видел, какие они добрые, ласковые и в то же время сильные и смелые.

Но часто случается так, что мужчины иначе смотрят на наш мир. Пару раз я оказывалась в весьма деликатной ситуации, когда отдельным личностям казалось, будто за моим поведением скрывается нечто большее, чем простая приветливость. Одного из них я помню особенно хорошо. Это был знакомый моего друга. Очаровательный, веселый, невероятно обаятельный мужчина. Мы часто виделись, и каждый раз я разговаривала с ним очень тепло и ни капельки не смущалась. Я всегда себя так веду, но он воспринял это как приглашение к чему-то большему. Мне пришлось его оттолкнуть: меня поразило то, что он мог подумать, будто у меня в голове появились подобные мысли. Никогда прежде меня не пытались обольстить. Но мне прекрасно известно, что у многих возникают неуместные желания по отношению ко мне. Откуда я знаю? Мне говорят об этом руки, которые задерживаются на моих руках дольше, чем того требует вежливость, и потом поспешно отстраняются, будто обжегшись. Нет, я не умру от этого, просто мне неприятно.

— Во время путешествия будьте осторожны с мужчинами. Вполне возможно, что некоторые попытаются с вами познакомиться. Вы молоды и даже с бритыми головами остаетесь женщинами.

Группа моих учениц отправлялась в Индию, и я решила предостеречь их перед отъездом. Во время уроков и разговоров с ними я старалась избегать вопросов, касающихся наших тел. Но тем не менее. Порой несколько слов могут изменить всю жизнь.

— Если мужчина будет шептать тебе на ушко ласковые слова, не торопись ему верить. Сохраняй ясность ума. Ты знаешь, к чему стремишься и что для тебя важнее всего. Никогда не забывай о том выборе, с которым связала свою жизнь.

Я беспокоюсь за девочек и стараюсь, как могу, оградить их от возможных опасностей.

Я уверена, что женщина может прекрасно обойтись без мужчины. Гораздо тяжелее отказаться от радостей материнства. Однажды, когда мне было двадцать семь лет, я испытала непреодолимое желание завести ребенка. Это было сильнее меня. Я хотела ощутить растущую внутри меня жизнь, стала буквально одержима этим желанием. Мне даже снилось по ночам, что я беременна... Я поговорила об этом с подругами, и их изрядно повеселила эта парадоксальная ситуация: я хочу ребенка, но боюсь подпускать к себе мужчин! Я мучилась почти год, а потом все внезапно прошло. И у меня появился Сонам, хотя я ничего для этого не делала. Я без раздумий приняла малыша — очень часто добрые чудеса именно так и происходят. Просто это наша карма. Сонам — единственный мужчина, когда-либо живший в нашей школе. И скажу вам честно: ни одна монахиня и ни один учитель ни разу на него не жаловались.

16
Встреча со святым

Двадцать первое марта 2001 года. Я плохо запоминаю даты, и мне крайне сложно хронологически упорядочить большинство событий моей жизни, но этот день навсегда останется со мной. Двадцать первое марта 2001 года. В этот день я встретилась с Его Святейшеством далай-ламой. Я никогда бы не осмелилась попросить его об аудиенции, потому что не хочу его беспокоить и отнимать его драгоценное время. Меня подруга заставила. И правильно сделала.

Однажды вечером (было около десяти часов) я сидела в своем школьном кабинете, и вдруг ко мне вошла Пема, наша управляющая. Девочки уже спали, собаки лежали на полу, изредка лениво взмахивая хвостами. Через окно в комнату проникал смутный уличный шум: перекличка клаксонов, шорох шин и гул моторов. Пема явно хотела о чем-то поговорить. Нам нечасто представлялась возможность спокойно пообщаться. Я совсем недавно вернулась из Сингапура, где у меня прошли несколько концертов; как и прежде, когда я возвращалась после долгого или не очень отсутствия, у меня возникла мысль о том, что тут необходимо раздвинуть стены. За несколько лет школа успела переполниться.

Теперь во всех комнатах жили ученицы, каждый квадратный метр использовался максимально. Когда мы только открылись, в школе жили всего семь монахинь, сейчас их тридцать. В некоторых комнатах спят по восемь человек. Слухи разносятся быстро, и меня не удивляет тот факт, что новость об открытии школы для молодых монахинь, которые отчаянно нуждаются в образовании и внимании, не осталась незамеченной. Некоторые девушки приехали даже из Тибета и из Индии. Все они из бедных семей, у многих нет родителей. Девушки едут сюда, будто Школа Арья Тара — предпоследняя станция перед адом. Для них это шанс сойти перед конечной остановкой.

Мы расположились в бывшем туристическом бюро. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. К несчастью, мы были вынуждены отказать некоторым девушкам — придется подождать, пока мы не переедем в новое здание. Мне больно говорить им такие вещи, но у меня просто нет выбора. У многих из них вообще не осталось надежды на лучшую жизнь, поэтому я стараюсь подыскать какие-то промежуточные варианты — нельзя же бросать бедняжек на произвол судьбы.

На прошлой неделе к нам приехала шестнадцатилетняя девушка. Худенькая, закутанная в оранжевую шаль, она стояла на пороге школы и испуганно озиралась по сторонам. Девочка родилась в Мананге, это область в Центральном Непале. Отец бросил семью; сейчас ее несчастная мать живет на окраине Катманду с семью детьми. По традиции Мананга, если мужчина хочет женщину, он ее берет. Безо всяких церемоний. И в прошлом году эту девушку просто-напросто похитили. А потом си-

лой заставили выйти замуж за дальнего знакомого родителей. Ей было пятнадцать лет, ее супругу — намного больше. В нашей стране это давно стало частью жизни каждой женщины: если она не хочет близости со своим мужем, он ее к этому принуждает. Супруга должна удовлетворять потребности главы семьи — вот и все. На Западе это называется изнасилованием. А в Непале на такие вещи смотрят сквозь пальцы: они же женаты! Многие люди именно так и думают.

Через три месяца муж девушки внезапно умер. К ее великому счастью. Или к несчастью: как только она задумала вернуться к родителям, свекровь вознамерилась ее запереть. Девушка безуспешно пыталась освободиться. Наконец она поняла, что единственный способ вернуться к нормальной жизни — стать монахиней. Она укрылась в ближайшем монастыре, а потом пришла ко мне. И я приняла ее. Разве я могла отказать? И такие случаи в нашей стране происходят достаточно часто... Насилие и нищета не знают покоя, они вечно ищут новых жертв. Единственное, что я могу сделать, — защитить тех, кого встречу на своем пути.

— Знаешь, девочки тебя просто обожают...

— Я их тоже!

— Ты для них все: мать, кумир, надежда... Представляешь, что сказала мне сегодня Китуба? «У меня есть фотография Ани Чоинг и Его Святейшества... Но моя тумбочка совсем маленькая, оба снимка на ней не умещаются. Надо, чтобы Ани Чоинг сфотографировалась с далай-ламой!» Она такая милая...

— Действительно. И остальные девочки к ней хорошо относятся. Ей здесь нравится.

— Кстати, мне кажется, что она права.

— Ты имеешь в виду то, что у нее маленькая тумбочка?

— Нет. Я имею в виду то, что тебе стоит побывать у далай-ламы.

Прошел почти год с тех пор, как американский друг заставил меня задуматься над этим, и сейчас я отдаю себе отчет в том, что давно мечтала о чем-то подобном. В глубине души я отчаянно надеялась, что мне посчастливится побыть рядом с далай-ламой, рассказать Его Святейшеству о моей школе и моих юных ученицах. На самом деле, я уже встречала его в Вашингтоне, во время большого фестиваля тибетской культуры, организованного музеем при Смитсонианском институте. Далай-лама был почетным гостем, и мне даже удалось получить его благословение.

В конце концов я решаюсь отправить письмо с просьбой об аудиенции в резиденцию Его Святейшества. И уже через три недели получаю положительный ответ. Невероятно! Меня приглашают в Дхарамсалу, город в Индии, где живет далай-лама. В 1959 году ему пришлось уехать из оккупированного Китаем Тибета. Меня сильно беспокоит ситуация, сложившаяся в этой несчастной стране, так же как и то, что происходит в Афганистане, Ираке и Палестине. Люди там живут в постоянном страхе за свою жизнь. И меня глубоко трогает их отвага. Кто лучше Его Святейшества сможет воплотить призыв к непротивлению злу насилием в современном мире? Я стараюсь следовать принципам, по которым он живет, то есть быть хорошей буддисткой — и хорошим человеком. Стараюсь развивать свои душевные качества: доброту, сострадание, лю-

бовь. В Тибете сложилась страшная ситуация по вине китайского коммунистического правительства, и далай-лама продолжает осуждать творящиеся там ужасы, причем он обвиняет в применении насилия как китайцев, так и самих жителей Тибета. Жестокость и хаос всегда появляются там, где нет места человеческой свободе и справедливости. Сегодня на родине моих родителей уничтожаются вечные ценности — и так происходит во всем мире. Но в то же время Косово празднует признание своей независимости другими нациями. И мы молимся, чтобы Тибет тоже в скором времени вернул себе свободу. Тогда Его Святейшество далай-лама и другие беженцы смогут вернуться в свою родную страну. МИР В ТИБЕТЕ, МИР В КИТАЕ, МИР ВО ВСЕМ МИРЕ!

Итак, меня будут ждать двадцать первого марта! Давно я не чувствовала себя такой счастливой. Для всех буддистов, особенно тибетских, встреча с далай-ламой, их духовным лидером, является светлой мечтой. А для меня она стала реальностью. Как ребенок, я всю ночь не выпускаю письмо из рук и раз за разом перечитываю. В четыре утра я по-прежнему лежу с открытыми глазами. Не могу спать. Что же мне преподнести Его Святейшеству? По традиции посетители должны что-нибудь подарить далай-ламе, и я хочу найти нечто особенное. Ищу, ищу, но никак не могу найти. Измученный мозг отказывается принимать решение, в нем не осталось ни одной достойной идеи. Как радар со сбившимися настройками, мой разум вновь и вновь рассматривает множество возможностей и ни на одной не останавливается, десять раз рассматривает один и тот же образ, изучает его со всех сторон — и от-

кладывает. Меня начинает пробирать нервная дрожь. Какой подарок сможет выразить мою радость от общения с таким человеком? Порой я начинаю представлять нашу встречу. Я попросила Пауло, моего помощника из Америки, сопровождать меня во время путешествия: я не хочу ехать одна, а Пауло всегда сможет меня поддержать. А еще я очень надеюсь, что он сможет сфотографировать меня с далай-ламой и тем самым обессмертить нашу встречу.

Великий день наконец пришел. Мое сердце переполняют радость и понимание того, что произойдет совсем скоро; мысли смешались; кажется, никогда прежде я так не волновалась. Я и Пауло приезжаем за час до назначенного времени. Пауло пытался уговорить меня задержаться в отеле еще хотя бы на полчаса, но я не могла сидеть на месте и слишком боялась опоздать даже на минуту. И вот мы в резиденции далай-ламы, где он принимает посетителей, ждем, когда придет назначенное время. Устроившись на маленьком стуле и уперев локти в колени, я пытаюсь успокоиться. Ничего не помогает: я дрожу, в животе холодный ком. Если бы кто-нибудь прикоснулся к моим ладоням, то обнаружил, что они холодные и влажные от пота.

Не помню, как я дошла до Его Святейшества. Волнение было настолько сильным, что память попросту отключилась. Наша встреча продлилась примерно десять минут, и первые из них я теперь с трудом восстанавливаю в памяти. Его Святейшество сидел в глубине комнаты, слева от него стоял один монах, справа — еще один, больше никого не было. Мы с Пауло приблизились к Его Святейшеству, опустив головы. Простерлись у его ног, и я пре-

поднесла ему в знак уважения белый шарф *khata*. Потом начала подниматься. После этого помню все более-менее хорошо. Неуверенность и волнение, до тех пор сковывавшие меня железными цепями, внезапно улетучились. Его Святейшество смотрит на меня с такой добротой, что меня переполняют теплые чувства. Я сразу понимаю, насколько это искренний, скромный и сострадательный человек — и то, какой гармонии с самим собой он достиг.

Я протягиваю ему свой подарок. После бесконечных метаний и сомнений мой выбор все-таки остановился на потрясающей медной статуэтке Будды, которую я купила в Катманду. Я хотела преподнести далай-ламе что-то символическое, со смыслом. Его Святейшество внимательно рассматривает мой подарок, потом протягивает одному из помощников. Я знаю, что далай-лама не оставит подарок себе, но обязательно отдаст кому-нибудь. Не важно. Он получает столько подношений, что если бы он их все оставлял себе, то ему пришлось бы строить для них отдельный музей. И я его прекрасно понимаю: мне становится лучше при мысли о том, что он порадует другого человека моим подарком, и медный Будда не будет пылиться долгие годы в темном углу, где его никто так и не увидит.

Затем я показываю далай-ламе фотографию Школы Арья Тара и моих учениц. Объясняю ему суть моего проекта, говорю о том, как важно монахиням получить образование… Я сто раз мысленно повторяла свою речь, но не успела добраться до главного, как Его Святейшество спросил меня по-тибетски:

— Надеюсь, ты учишь их не только молиться?

— Нет, конечно…

— Их нужно учить писать, читать, говорить по-английски.

— Да, Ваше Святейшество.

— Молодец... Если в будущем столкнешься с какими-либо трудностями в своей работе, дай мне знать. А теперь пора фотографироваться!

Я облегченно вздыхаю и смотрю на Пауло, который от волнения забыл про то, что пришел сюда с фотоаппаратом. Далай-лама предлагает самостоятельно сделать снимок — и я весело улыбаюсь. Мы становимся рядом и позируем перед камерой. Позже, рассматривая пленку, я замечаю, как светятся мои глаза — от гордости и счастья. Потом мы еще несколько минут разговариваем с Его Святейшеством. У меня осталась еще одна просьба: я хочу, чтобы он написал свое имя и название нашей школы на большом листе рисовой бумаги, который я специально привезла с собой, а еще пару слов на тибетском языке — специально для моих учениц. И далай-лама с удовольствием пишет: «Желаю вам успеха и счастья в вашей будущей жизни» — и ставит подпись внизу страницы.

Все, больше мне ничего не надо от судьбы.

Когда я выхожу от далай-ламы, у меня такое чувство, будто я парю на облаке. Фотографию с автографом крепко прижимаю к сердцу. Через два дня я вместе с Пауло возвращаюсь в Непал. Куда бы я ни поехала, какие бы чудеса ни ждали меня в далекой стране, меня всегда тянет домой. К тому же я немного волнуюсь за маму. Когда я уезжала, она показалась мне усталой, осунувшейся, слишком бледной — а ведь у нее всегда были замечательный румянец на щеках и улыбка на губах.

Я только что получила благословение величайшего в мире человека, меня переполняют сила и вера в себя. Поддержка далай-ламы в очередной раз убедила меня: для того чтобы достичь цели, необходимо постоянно работать. «Дела скажут больше, чем слова». Эту фразу я как-то услышала от одного моего друга. Он оказался прав. За несколько лет я прошла путь от простой монахини до довольно известной исполнительницы, директора школы, на мне лежит ответственность за тридцать девочек. Сначала все смотрели на меня с изрядной долей скептицизма. А сегодня сам далай-лама поздравил меня и пожелал дальнейших успехов. Чувствую, как во мне бурлит энергия, порожденная силой воли и уверенностью в себе. Я должна двигаться вперед. Продолжать свое дело. Ведь каждый может внести свою лепту в то, чтобы сделать этот мир лучше. Надо только целиком посвятить себя работе и быть великодушным. Не думать о том, что ты не можешь дать людям, но с чистым сердцем дарить то немногое, что тебе доступно. Миру необходимы святые. А еще обычные люди, способные понять чужую боль. После встречи с далай-ламой желание помогать окружающим переполнило мое сердце. Я знаю, что могу быть еще более полезной людям. В Катманду я вернулась с непреодолимым желанием действовать, трудиться, двигаться вперед.

17
Путь к вершине

До 2006 года я работаю буквально без передышки. На самом деле. Даю пятьдесят концертов в год, объезжаю полмира — посещаю Францию, Германию, снова Соединенные Штаты Америки, Японию, Гонконг... Таможня в аэропортах, турникеты метро, сиденья такси — направления и виды транспорта сменяют друг друга один за другим. Я в самолетах провожу почти столько же времени, сколько и дома. Землю для строительства «настоящей» Школы Арья Тара я смогла купить, но теперь мне не хватает времени на то, чтобы начать работы. Я не могу снова попросить помощи у Фредди, он и так уже был слишком щедр ко мне. У меня осталось еще шесть тысяч долларов, но этого недостаточно, мне нужно гораздо больше. И я сделаю все, чтобы найти средства.

Конечно, временами бывает трудно, но в моей жизни гораздо больше чудесных моментов. Например, концерт Селин Дион в Париже, во дворце «Берси». Мои друзья обожают эту историю, и мне приходится рассказывать ее снова и снова. Когда я была во Франции, меня пригласил на концерт всемирно известной певицы Стивен Сигал, американский актер, прославившийся ролями во многих бое-

виках. Я познакомилась с ним в прошлом году, когда он приехал в Наги Гомпа, чтобы увидеться с внуком моего учителя, ведь Стивен — ревностный буддист. Я уже смотрела несколько его фильмов, а в монастыре нам удалось очень здорово пообщаться. По воле случая я снова встретила его в Лионе, на тибетском фестивале. Меня пригласил туда Пьер-Ив Жине, французский фотограф, с которым я познакомилась в 1999 году, когда он делал репортаж о тибетских монахинях. Мы стали хорошими друзьями, более того, я искренне считаю Пьер-Ива моим «французским братом».

Итак, в Лионе я случайно сталкиваюсь со Стивеном. Мы очень рады встрече, и он зовет меня на концерт Селин Дион, который пройдет через пару дней в Париже. Честно говоря, я знала всего одну ее песню — «My Heart Will Go On» из «Титаника». Обожаю этот фильм. И конечно, я с радостью принимаю приглашение.

Стивен остановился в том же отеле, что и Селин; более того, ему удается найти в гостинице комнату и для меня. Дворец «Берси» произвел на меня большое впечатление, мне там очень понравилось. А еще мне удалось сфотографироваться с Селин в холле отеля после концерта. Честно говоря, мои друзья никогда не слышали об этой певице до того самого дня, когда я вернулась домой и показала им фотографию. Они поняли, что Селин известна во всем мире, и их очень порадовал тот факт, что я общаюсь со звездами такой величины.

Концерты, встречи, путешествия... Все это приносит мне невероятное удовлетворение. Но признаюсь, я жутко скучаю по своей стране и по своему дому. Мой сын растет, а я все время куда-то ле-

чу, еду, я постоянно вдали от своей семьи. Очень часто я чувствую себя совершенно вымотанной физически. Но дух мой полон сил, и он заставляет меня идти вперед, и я знаю, насколько важно то, что я делаю. Внутренняя энергия подпитывает меня, когда я думаю о тех девочках, которые смогут получить образование — и надежду — благодаря моей работе. Поэтому каждый раз, когда я уезжаю, у меня будто крылья за спиной вырастают. Моя цель в буквальном смысле ведет меня вперед. Жизнь представляется мне в виде головокружительной спирали — временами устаешь от безостановочного движения, но всегда получаешь удовольствие. Именно в то время у меня появилось новое прозвище: Ани Бонд — как Джеймс Бонд. Его дала мне подруга из Германии; во время европейского турне в 2001 году именно она встречала меня на вокзале Ульма.

Благодаря концертам мне удается продавать мелкие сувениры из Непала, диски, замечательные шелковые платки, шали из пашмины, украшения, которые делают у меня на родине... В общем, вещи на любой вкус! И все это увеличивает мои доходы. Зрители с удовольствием приобретают после концерта что-нибудь на память — в результате я одновременно даю автографы и занимаюсь торговлей. Чаще всего мне приходится делать это без чьей-либо помощи.

Я экономлю буквально на всем, в том числе и на транспорте: я не могу позволить себе тратить денег больше, чем зарабатываю, так что о специальном самолете даже не думаю! Поэтому я переезжаю из города в город на поездах, с несколькими битком набитыми сумками, которые таскаю на себе, как

мул, и все время боюсь опоздать. К счастью, везде есть друзья, которые готовы проводить меня на вокзал и встретить. Но страшнее всего пересадки: шумный вокзал, толпа народу, лифта нет, эскалатора нет, и я, как вьючное животное, пыхчу с кучей сумок по лестнице.

В тот день я выбираюсь из поезда на платформе Ульма: на мне три оранжевые футболки (надо было как-то освободить место в багаже), зубы стиснуты, лицо красное, как помидор, пот течет ручьями, на виске пульсирует жилка. А рядом со мной стоят огромные сумки, причем одна по размерам больше меня. Звонок уже объявляет о закрытии дверей, когда добрый человек выносит из поезда последнюю часть моего багажа. Уф! Поднимаю голову — и встречаю взгляд подруги, одновременно озадаченный и восхищенный.

— Ты с ума сошла такие тяжести таскать! У тебя же грыжа выскочит!

— А что же делать? Надо же было вынести сумки, пока поезд не уехал. Кстати, здравствуй...

— Ани, Ани, моя милая Ани... Твой багаж весит в два раза больше, чем ты сама! В своем желании показать себя самой сильной ты напоминаешь мне маленького трудолюбивого муравья, который все время куда-то бежит. Хотя нет! Скорее ты напоминаешь мне Джеймса Бонда. Бонд, Ани Бонд, точно! Та, для которой нет невыполнимых миссий, которая всегда борется до конца...

— Ты же знаешь, что содержимое каждой сумки позволит мне в скором времени построить школу, так что усилия не напрасны...

Это действительно так. Подобная система позволяет мне выручить немало средств. Со стороны мо-

жет показаться, что я почти ничего не зарабатываю, но я-то знаю, что каждый проданный диск, каждый вырученный доллар — это еще один кирпичик в основание Школы Арья Тара. Главное — упорство и терпение. Конечно, мне очень помогли щедрые спонсоры, без них я никогда не воплотила бы свою мечту в жизнь. Мне повезло — у меня есть дар убеждения. Но в принципе такое отношение людей кажется мне нормальным, ведь со временем школа стала смыслом моего существования, и другие это чувствуют. Пара американцев дала мне семнадцать тысяч евро. Многочисленные благотворительные организации также очень мне помогли: три тысячи там, три тысячи здесь — и набирается довольно крупная сумма. Особую поддержку я получила из Германии: немцы не только спонсировали меня деньгами, но занимались организацией турне и возили из города в город. Без них я бы точно не смогла достичь того, чего достигла.

В конце концов терпение и труд позволили мне собрать достаточное количество денег для того, чтобы приступить к строительству школы. Место есть, средства есть, осталось самое важное: убедить духов. По буддистской традиции, если ты вступаешь во владение землей и хочешь построить на ней что-либо, для начала необходимо испросить разрешения у духов — ведь земля в первую очередь принадлежит именно им — и выказать им почтение посредством особых ритуальных церемоний. В противном случае работы могут сопровождаться значительными трудностями, а результат вообще окажется плачевным.

Вернувшись в Непал по прошествии нескольких недель, я устраиваю церемонию на той земле, где

в скором времени будет стоять истинная Школа Арья Тара. По такому случаю я приглашаю уважаемого буддистского учителя Шагме Ринпоче, родителей и друзей. В сумме получилось человек двадцать; мы все собрались на склоне «моего» холма. Погода на удивление ясная, воздух свежий и чистый. Специально устроенный алтарь украшен свежесрезанными цветами, подношение в виде риса разложено по маленьким мисочкам, дым благовоний кружится в воздухе. Мы собрались вокруг монаха, читающего мантры. Еще один монах сидит в позе лотоса и молит духов, чтобы те позволили нам начать строительство на этой девственной земле.

Я оглядываю собравшихся людей. Мне очень не хватает одного человека. Сердце сжимается от грусти. Поворачиваю голову направо и вижу поблескивающее на солнце окно монастыря, куда приезжал учитель, того самого монастыря, на другой стороне долины. Могу поклясться, что он молился именно там, в комнате слева. Я вспоминаю, что в первый раз сопровождала наставника, когда мне было шестнадцать лет. Тогда меня переполняла энергия, и я плохо справлялась с медитациями. Вместо этого я проводила все дни на открытом воздухе и гуляла в окрестностях монастыря. Мне также нравилось смотреть на долину из окна моей комнаты. Однажды я забралась на большой камень, раскинула руки, словно птица — крылья, а ветер мягко подталкивал меня в спину. Со своего возвышения я могла видеть всю долину. И помнится, тогда я подумала: «Как бы я хотела, чтобы это место было моим...»

Мое желание было исполнено. Солнечные лучи отражаются в окне далекого монастыря, и кажется,

будто звезда сияет в середине дня. А я знаю, что это знак. Молчу и улыбаюсь. Счастье переполняет меня, как путешественника, который вернулся домой после долгого странствия. Впереди много работы, но мне уже не терпится приступить к делу. Кто бы мог подумать несколько лет назад, что Помо, девчонка из Боднатха, у которой даже куклы не было, для которой пятьсот рупий (пять евро) были настоящим богатством, создаст свою собственную школу и начнет помогать своим маленьким сестрам по несчастью — и менять их жизнь к лучшему? Без сомнения, там, вдали, горит моя счастливая звезда.

В скором времени после церемонии начинается стройка. Все ученики и профессора принимают участие в земляных работах. Девочки возят землю на тележках и копают; отовсюду доносится счастливый смех, все рады возможности помочь мне и поработать на таком грандиозном строительстве. А вот у меня на душе неспокойно, поскольку есть одна большая проблема: вода.

В этой части горы практически невозможно добыть пригодную для питья воду. В Пфарфинге, ближайшей к строительной площадке деревне, есть запас. Само селение, как и большинство подобных ему в Непале, представляет собой группу земляных домиков, рядом с которыми в грязи играют дети и собаки под присмотром мужчин, лениво сидящих на пороге. Жители Пфарфинга добывают воду из источника, расположенного на другой стороне горы, но многие страдают от ее недостатка. Естественно, я обращаюсь к жителям деревни за помощью и прошу разрешения пользоваться водой — конечно, за определенную плату. Шокирующий

ответ не заставил себя ждать: они согласны, но я должна проявить щедрость. Практически безграничную щедрость: представитель жителей деревни требует огромную сумму, которой у меня попросту нет. Жадные крестьяне считают, что я принесу несчастье в их края. К тому же они думают, что я очень богата и на мне можно неплохо заработать.

— Мы просим за воду сто пятьдесят тысяч рупий (примерно полторы тысячи евро).

— Вы, наверное, шутите, у меня нет…

— Конечно, у вас есть деньги, раз вы решили строить на нашей земле.

— Возможно, через некоторое время, когда ситуация улучшится, я смогу столько заплатить, но сейчас я в несколько стесненных обстоятельствах. Вы просите, чтобы я подарила вам кучу денег, и сами назначаете цену! Впервые вижу, чтобы кто-то определял цену подарка…

— Все когда-нибудь случается в первый раз. Если не можете, вам же хуже…

— Но если вы не подпустите меня к воде, школа никогда не будет достроена — и я никогда не смогу вам заплатить.

Ситуация абсурдная по своей сути, но жителям деревни явно весело. Какие ограниченные люди! Нет, я, конечно, не могу назвать своих новых соседей злыми, просто они бедные и пытаются нажиться на мне очень интересным способом. Их эгоизм вводит меня в замешательство, а бессердечие и равнодушие повергают в отчаяние. Это сильнее меня. Несколько недель я продолжаю бороться, но потом мое эго берет верх. Я не идеальна, и некоторые люди вполне могут вывести меня из себя. Я решаю, что у нас будет вода, мы добудем ее любыми средства-

ми, даже если придется заплатить больше. Но соседи ни за что на свете не получат от меня ни одного рупия. Признаюсь, меня ведет вперед гордыня, но лишь потому, что ярость слишком сильна. Если надо, я буду рыть землю руками, чтобы добыть воду для школы. Мою воду. И ни с кем не буду ей делиться. Я докажу им, что, если Ани Чоинг чего-то хочет, она этого добьется!

На протяжении всего строительства воду привозят из другой деревни, которая расположена в нескольких километрах от моего холма. Это долго, сложно и довольно дорого. При встрече с соседями я старательно их игнорирую. Для того чтобы добраться до школы, необходимо проехать по главной улице Пфарфинга; жители деревни провожают меня недружелюбными взглядами, а я неотрывно смотрю на разбитую ухабистую дорогу. Моя будущая школа расположилась в сотне метров от деревни, на вершине холма. И я проезжаю это расстояние безо всякого сожаления. Злость жителей Пфарфинга подпитывает мое негодование — и наоборот. Конечно, мне следовало гнать из головы такие мысли. Я была буддисткой на протяжении многих лет, двадцать лет назад ушла в монахини, но мне над собой еще нужно много работать!

Со временем ярость стихает. Я понимаю, что мои действия ни к чему хорошему не приведут, напротив, только навредят. Что только я могу себе помочь, вернуть в свою душу мир и спокойствие. И тогда я начинаю действовать. Только я решаю, как мне реагировать на действия и поступки окружающих, так что я вполне могу разобраться с тем, что происходит. Для начала я должна донести до

жителей Пфарфинга, что им не нужно запрещать мне брать их драгоценную воду. Моя школа находится от них всего в двух шагах, и я не в том положении, чтобы начинать войну. Более того, от подобной ситуации все только потеряют — и я, и они. Мы должны научиться друг друга слушать. А для этого мне необходимо достучаться до их сердца. И тогда они начнут ценить меня и помогать! Мне всего-то надо повернуть свой внутренний прожектор в другую сторону. Начать думать иначе. Рассмотреть проблему с другой стороны. Я решаю наладить систему снабжения водой. Когда она будет построена, жители деревни тоже смогут ей пользоваться. Немецкая пара через свою организацию «Water for the World» — «Вода для мира» передала мне пятьдесят тысяч евро, недостающие деньги я добавила сама, и мы приступили к работе.

Требовалось вырыть большой колодец, установить в нем два насоса, прорыть шестьсот метров канализации и создать резервуар емкостью сто пятьдесят тысяч литров. Через год работы были завершены. Теперь двести домов, а также наша школа и ближайший монастырь постоянно снабжаются водой.

В конечном счете, система водоснабжения стоила мне больше пятидесяти тысяч евро. А жители деревни просили у меня 1480 евро. Получается, что я почти в тридцать раз превысила начальную сумму, — но тут я действовала свободно, безо всякого постороннего давления. Более того, в результате была решена важная проблема, и вся деревня наконец получила воду. Жители Пфарфинга и я объединились в одно «мы» — и это самое главное. В глубине души я очень горжусь тем, что провела

воду в деревню: обычно в непальских деревнях именно женщин заставляют носить тяжелые ведра. Мне удалось хоть как-то облегчить им жизнь, а для меня это значит очень много.

В то же время моя сценическая карьера поднимается на новую ступень, и все благодаря одному телефонному звонку. Однажды я услышала в трубке голос Нхио Байрахраи, известного в Непале композитора, с которым я не встречалась ни разу в жизни. И буквально по прошествии нескольких месяцев он стал писать для меня музыку — и продолжает заниматься этим до сих пор. А тогда... несколько вежливых фраз, и он переходит к делу:

— Ани Чоинг, я обратился к вам потому, что написал песню, посвященную далай-ламе...

— Это чудесно! И о чем в ней поется?

— О силе его доброты, сострадании... Я хочу вставить несколько фраз на тибетском между куплетами, вы не могли бы мне помочь? Я просто не хочу ошибиться со смыслом.

Я принимаю приглашение Нхио Байрахраи и приезжаю к нему на студию. Там композитор знакомит меня со своими работами, и они производят на меня приятное впечатление. Я глубоко восхищена музыкой Нхио Байрахраи. Со временем мы становимся хорошими друзьями, и однажды я обращаюсь к нему с предложением:

— Как ты смотришь на то, чтобы написать музыку для меня?

— Для мантр?

— Да, это поможет придать им новое звучание, так сказать, осовременить...

И мы приступаем к делу. Приходится много работать, чтобы найти подходящую тональность.

В один из дней я нахожусь в студии, а Нхио Байрахраи сочиняет музыку для гимна учителю. Мелодия трогает меня до глубины души, в ней слышится мольба, совсем как та, что живет в моем сердце со дня смерти моего наставника. Я вдруг понимаю, что это именно то, что я искала. Тогда Нхио Байрахрая знакомит меня с автором текста, Дургой Лал Шрестхой, известным и уважаемым поэтом Непала. На вид ему лет семьдесят.

При встрече с ним я вдруг осознаю, что передо мной стоит один из самых очаровательных мужчин, с которыми я когда-либо была знакома. Меня глубоко трогают его чуткость и умение слушать. Хотя сначала он не горит особым желанием писать для меня: он меня совсем не знает, его смущает то, что я монахиня; в общем и целом, он сомневается. Поэтому я прихожу к нему домой и пою по-тибетски без инструментального сопровождения, чтобы он мог услышать мой голос и манеру исполнения. И он слушает. Жители Непала не привыкли к тому, что кто-то может петь мантры. Как и люди во всем мире, они любят народную музыку своей страны, а еще им очень нравятся индийские песни восьмидесятых годов, обработанные в стиле техно. Но вот мантры... Их слушают в монастыре, в храме, а не дома на диске. Такого еще никто не предлагал. Тем не менее Дурга Лал Шрестха идет на риск. После прослушивания он замечает с воодушевлением:

— Я не понял ни слова... Но потрясен до глубины души. Это великолепно, просто великолепно! Никогда еще не слышал ничего подобного...

— Спасибо, я очень рада, что вам понравилось. Мне действительно кажется, что нам стоит попробовать работать вместе.

— Согласен. У тебя талант. Твой голос — это подарок небес...

Он явно очень впечатлен, и это меня радует. Мы начинаем работать, иногда по десять часов без перерыва. Сидим в студии, сочиняем песни, подбираем к ним музыку — полностью погруженные в творчество, мы забываем о еде и сне. Я согласилась с тем, чтобы разнообразить мой традиционный репертуар, сделать его современнее, но при этом настаиваю на сохранении духовной стороны. Я хочу, чтобы мои песни несли положительный заряд, делали людей лучше; хочу говорить с людьми о любви и надежде, о том, что каждый из нас может измениться. Когда я пою, то не воспринимаю себя как буддистку, индуистку или христианку. Я славлю человека.

В 2004 году вышел мой альбом «Moments of Bliss» — «Мгновения блаженства». На самом деле это уже четвертый диск, но я впервые решилась петь на непальском языке. Наверное, во многом благодаря этому альбом ждал успех. Прошлые диски, которые я записывала со Стивом Тиббеттсом, в частности «Chö» и «Selwa», продавались только за границей. Но «Moments of Bliss» превзошел все ожидания. Я уже была достаточно известна в Непале, но практически на следующий день после выхода этого альбома я стала настоящей звездой. С этим связаны довольно необычные ощущения, и потребовалось некоторое время, чтобы к этому привыкнуть. А еще к тому, что теперь меня стали узнавать незнакомые люди; иногда, когда я прихожу в ресторан, хозяева — для того, чтобы сделать мне приятное, — ставят мой диск. Я гуляю по улицам, сижу в кафе, просто живу — и краем уха все время слышу собственный голос.

Известности четвертого альбома во многом способствовало телевидение, именно оно помогло ему найти покупателей. В ту пору все непальцы скорбели о смерти двенадцати своих соотечественников в Ираке. Чтобы хоть как-то смягчить людское горе и разбавить печаль надеждой, один канал решил запустить в эфир отрывки из моих концертов. И уже на следующий день меня знал почти весь Непал! Улица, квартал, город, страна — известность распространяется с быстротой молнии. Сейчас я уже и не вспомню, когда меня в первый раз остановил прохожий и попросил автограф, когда люди начали смотреть на меня округлившимися глазами, в которых ясно читалось: «Ничего себе, а ведь это в самом деле она!», — все произошло как-то внезапно. «Moments of Bliss», непальский альбом, куда вошли песни, отличающиеся человеколюбием, и духовные песни в современной обработке, немало удивил слушателей. И сразу им понравился. Одна из композиций (кстати, мне она как раз не очень нравилась) стала настоящим хитом, как среди детей, так и среди взрослых. Повсюду — в машинах, на улицах Боднатха, в супермаркетах, на телевидении — слышатся аккорды «Phoolko Aankhama»... В этой песне поется о том, как меняется мир в зависимости от нашего отношения к нему: «Пусть сердце мое всегда будет чистым, пусть слова мои всегда будут светлыми, пусть нога моя никогда не наступит на букашку... В прекрасных глазах мир всегда остается прекрасным». Проще говоря, если ты с любовью и добротой смотришь на мир, он отвечает тебе тем же.

По прошествии нескольких месяцев меня пригласили участвовать в известном национальном

конкурсе, в ходе которого выбираются лучшие исполнители года. В тот вечер, когда вручают главный приз, меня не будет в зале — у меня запланирован концерт в другом городе. Я дала слово, что обязательно приеду. Церемонию транслируют по телевидению. И я решаю отправить туда своего младшего брата Карму Шоесанга. Организаторы конкурса испробовали все, чтобы уговорить меня остаться. Даже намекнули, что мой рейтинг достаточно высок. На самом деле они явно пытались сказать, что у меня есть все шансы на победу. Но обещание есть обещание, и для меня очень важно его сдержать. А брат великолепно со всем справится.

— Давай, я уверена, что у тебя все получится.

— Люди ждут тебя, а не меня! — возражал брат.

— Ты же знаешь, что я не могу! Я пообещала быть на том концерте, неужели ты хочешь, чтобы я обманула своих зрителей?

— Сестра, придумай что-нибудь, иди сама...

Я не сдаюсь. Мое слово значит для меня больше, чем все призы на свете. К тому же брату очень понравилось на церемонии. Честно говоря, я не слишком люблю улыбаться перед камерами...

Кому из пяти артистов, выбранных профессиональным жюри, отдать приз, решает публика. В назначенный вечер я стою на сцене за сто километров от места проведения конкурса и пою. После выступления, когда я уже ушла за кулисы, ко мне подходит радостная, улыбающаяся девочка:

— Ты выиграла, ты выиграла!

— Что выиграла?

— «Phoolko Aankhama» признали лучшей песней года, а еще ты получила приз как лучшая женщина-исполнительница за весь альбом!

Девочка берет меня за руки, и я понимаю, что она радуется гораздо больше, чем я сама. Нет, я, конечно, довольна, ведь приз может помочь в деле строительства. Но в первую очередь я думаю о маме, мне хочется как можно скорее вернуться домой. Все произошло так быстро... Моя страна вручает мне приз как лучшей исполнительнице года. Я испытываю такое чувство, будто я попала в чудесный мерцающий круговорот.

— Но ты не расстраиваешься из-за того, что пропустила церемонию? Мы записали ее на видео, так что ты можешь посмотреть все от начала до конца.

— Нет, я об этом даже не думаю. И смотреть, наверное, тоже не буду...

Все прошло прекрасно и без моего участия. Это очень хорошо. Я бесконечно рада, что мои песни о любви, счастье, сострадании и доброте смогли дойти до человеческих сердец. Что они, наконец, стали помогать людям.

Но должна признать, что мне приятно чувствовать себя звездой. Я прекрасно понимаю, что все это наносное, что я пока не смогла изменить мир, а только такие поступки достойны высшей оценки, тем не менее присуждение мне приза щекочет мое самолюбие. Разве тут можно устоять? И, как всегда, я вспоминаю учителя, его бесконечную скромность и вечную простоту; то, как он относился к почестям и восхвалениям. Мое эго *тут же* сдувается. Наставник снова помог мне в минуту сомнения, поддержал своей добротой и мудростью.

Для меня известность сродни эхо, которое внезапно прилетает с вершины горы, а потом исчезает. Сначала, поддаваясь друзьям, я собирала статьи, посвященные мне и моим песням. Но очень

быстро забросила это занятие. Материалов было слишком много, а мне уже стало неинтересно. Ведь для меня важнее всего дарить людям мгновения мира, спокойствия и счастья при помощи музыки и песен.

Во время турне, когда на город опускается ночь, я возвращаюсь в отель и засыпаю под аккомпанемент какого-нибудь фильма, не переставая думать о людях, которым я могу помочь благодаря своему дару. Ведь помощь порой заключается в самых незначительных делах, например в том, что ты даришь ребенку плюшевую игрушку. Из каждой поездки я привожу подарки для своих учениц. Друзья специально дарят мне разных плюшевых зверьков или отдают тех, которыми больше не играют их дети, потому что знают, что девочкам из Школы Арья Тара они нужнее; в результате я возвращаюсь в Непал с сумками, полными мишек, котят и прочих пушистых животных. Я прекрасно понимаю, каково это, когда у тебя нет игрушек. Я сполна испытала это в детстве. Когда я была маленькая, меня лишили возможности почувствовать себя ребенком. И теперь я стараюсь подарить детство тем, кто приходит в мою школу. Я хочу, чтобы мои ученицы прилежно занимались, потом поступили в университет в Индии, чтобы они ни в чем не нуждались. Чтобы они наполнили своим счастьем мое пропавшее детство. Я не могла ходить в школу так часто, как того хотела, и теперь горжусь тем, что даю людям возможность учиться. Что даю им шанс построить себе лучшее будущее.

Когда ты что-то отдаешь, то получаешь ни с чем не сравнимое удовольствие. Говорят, что когда мы отдаем, то делаем это для других. Конечно. Но

я уверена в том, что в первую очередь мы отдаем для себя. Потому что удовольствие от вручения подарка невозможно выразить словами, иногда человек уже не может без этого жить. Когда человек отдает что-то, то радуется и он сам, и тот, кто получает дар, причем даритель даже больше. Чем больше я отдаю, тем больше получаю. Так всегда. И для этого совсем не нужно быть звездой.

18
Умереть в понедельник

Я сижу в такси, которое везет маму в больницу. Врач сказал, что ей требуется постоянное лечение. Нас давно тревожили ее бесконечные жалобы на боль в низу живота. Папа очень недоверчиво относится к официальной медицине, поэтому сначала мы пытались вылечить маму при помощи аюрведических средств. Но они не принесли облегчения. Диагноз доктора однозначен: у мамы диабет и повышенное давление. Ее почки в опасности. В Непале нет системы медицинского страхования, так что если вы вдруг заболели, то должны сами платить за лечение и уход. Иначе вам просто не позволят долго болеть. Жить, впрочем, тоже.

Случившееся меня глубоко огорчает. Мама для меня больше, чем просто мама, я делила с ней все свои переживания, печали и радости; она единственная из всех никогда меня не осуждала, только с ней я могла быть самой собой, безо всякого притворства. С мамой мне не нужно было играть никакую роль. Для нее я не монахиня, не певица и не глава школы. Я просто ее дочка, поэтому в ее объятиях я чувствую себя так, будто погрузилась в го-

рячую ванну после долгого, трудного путешествия. Что бы ни случилось, мама будет меня любить и защищать. А это так прекрасно, когда тебя любят!

Теперь она три раза в неделю ездит в больницу, где ее подключают к аппарату для гемодиализа. Три раза в неделю маме чистят кровь, переполненную токсинами, которые уже не в силах выводить ее больные почки. После многолетней передышки жизнь снова решила повернуться ко мне своей темной стороной. Настало время испытаний. Таков круг жизни, и я его принимаю. Есть ли у нас выбор? Я болтаю о всяких пустяках, словно мы выехали на прогулку, рассказываю маме о лавочках, которые мне удается рассмотреть через грязное стекло машины. Она пытается улыбнуться, а получается лишь странная гримаса, искажающая ее красивое лицо. Маме плохо. Сегодня врач должен поставить ей постоянный катетер; потом снова уколы, благодаря которым переливание крови становится менее болезненным.

— Как же я устала от всего этого...

— Я знаю, мамочка, знаю... Но нужно потерпеть.

— Лучше снова попробовать аюрведу, она хоть натуральная.

— Мама, я не думаю, что это хорошая идея. Вспомни, как две недели назад ты раздулась, как шарик, и мы могли тебя потерять!

Каждый раз мне приходиться спорить с мамой, чтобы она продолжала лечение. Как и многие тибетцы, мои родители с опаской относятся к современной медицине. Даже сегодня они предпочитают лечиться при помощи растений и молитв. И эти средства уже не раз доказали свою состоятельность, я, например, им доверяю. Терпеть не могу глотать

лекарства, даже если зуб болит так, что голова раскалывается. Но в случае с мамой я прекрасно понимаю, что ее болезнь требует современного лечения и только врачи смогут ей помочь. Без них, боюсь, она долго не протянет. И один раз я уже в этом убедилась: маме стало совсем плохо, я поверила в то, что она умрет.

Это случилось вечером, около восьми часов; я сидела в гостиной родительского дома и смотрела какой-то фильм, когда в комнату внезапно вошел дядя, бледный как простыня.

— Чоинг, готовься...

— К чему?

Он не успел ответить, а я уже резко встаю и мчусь в мамину комнату. Перескакивая по две ступеньки, я взбегаю на второй этаж; кровь гулко стучит в висках.

Распахиваю дверь в комнату мамы. Она лежит на кровати; лицо, живот, ноги, все тело раздулось и отекло. Мама словно увеличилась в три раза. Дышит хрипло, с трудом, будто невидимая плотная ткань мешает воздуху пройти. Глаза полузакрыты, голова откинута назад; словно рыба, которую выбросили на берег, она борется с удушьем. Мама умирает.

— Мама, мамочка, я здесь, ты слышишь? Я помогу тебе, обязательно помогу! Не бойся, держись, мама.

Беру ее за руку и осторожно сжимаю, словно это не ладонь, а раненая птица. Я боюсь причинить боль маме. Она вся горит. Пытаюсь передать ей хоть каплю своей энергии — ей всегда это помогало, — но сегодня ничего не происходит. Она меня не слышит и не видит. Больше не могу сдерживать

слезы, выбегаю из комнаты. Внутри меня взрывается крик: «Помогите, кто-нибудь, помогите, моя мама умирает!»

Но я душу в себе этот вопль и молчу.

Не знаю, что делать. Кажется, тут уже ничем не поможешь. Возвращаюсь. Сижу рядом с мамой, держу ее за руку, прислонившись головой к спинке кровати. Так проходит четыре часа. Я думаю. Слушаю удары собственного сердца — или это кровь бьется в висках? Столько жизни бурлит во мне — и так близка смерть…

Наконец внутренний голос выводит меня из ступора: «Если ты сейчас ничего не сделаешь, то будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь».

— Мама, послушай, мама, я знаю, что ты не хочешь обращаться к врачам, но позволь мне отвезти тебя в больницу. Поедем только ты и я. Никто об этом не узнает. Если умрешь, я тайком привезу тебя обратно. Но нам надо хотя бы попытаться. Пожалуйста, мама…

Едва слышный хрип вырывается из ее горла. Она с трудом поворачивает голову и закрывает глаза. Это значит «да».

Тихо-тихо, чтобы не разбудить отца, спящего в той же комнате, я беру маму на руки, сажаю ее на переднее сиденье джипа и везу в реанимационное отделение лучшей городской больницы. Ее тут же окружают несколько врачей. Меня не спрашивают, почему мы так долго ждали, перед тем как приехать. Они просто спасают ее, вот и все. Здесь, в больнице, я больше не известная певица, а просто дочь, чья мать тяжело больна. Через два часа после того, как маме поставили капельницу, мне разрешают зайти к ней в палату. Она спит, лицо спокой-

ное, расслабленное, словно ничего не произошло. Наконец-то кошмар закончился. Моя футболка мокрая от пота, я обгрызла ногти почти до крови. Мама спасена. На этот раз. После пережитого страха и пяти дней в больнице она соглашается на нормальное лечение. И мы начинаем три раза в неделю возить ее на гемодиализ.

С этого момента я стараюсь ограничить поездки; конечно, я продолжаю давать концерты, но все больше времени провожу с родителями. И чаще всего живу у них. Школа Арья Тара уже почти отстроена, сто молодых монахинь (всем от восьми до двадцати лет) уже живут там, а я навещаю их несколько раз в неделю. Всю свою любовь отныне я отдаю родителям, зову их *Ama Gaga* и *Aba Gaga* — милая мама и милый папа, и мы замечательно проводим время вместе. Почти каждая секунда наполнена светом и счастьем.

Вспышки отцовского гнева не ушли в прошлое. Изредка он снова впадает в ярость; это чувство сильнее его, он просто не может с ним бороться. Тем не менее я делаю все возможное, чтобы улучшить его жизнь. Честно говоря, ему потребуется серьезно подумать, чтобы назвать хоть одну причину для жалоб. Со временем я нашла способ одолеть злобу отца. Я все испробовала: равнодушие, смех, понимание. Пыталась его перекричать. Но это все равно что подливать масла в огонь: мое негодование только питало его ярость. Лишь любовь усмиряет отцовский гнев.

Однажды отец ведет себя крайне грубо по отношению ко мне. Пришел домой усталый и лег на кровать. На голове у него вязаная шапочка, которую я сама связала. Начала ее для учителя, но он умер, так что я закончила уже для папы. Мне очень

нравится, когда он ее носит. И вот он лежит на кровати, я читаю ему книжку. Он обрывает меня, кричит, что это глупая история и что он ничего не понял, как будто я в этом виновата... Я не выдерживаю и в сердцах говорю:

— С меня хватит! Я все делаю, чтобы ты был счастлив, дарю подарки, привожу духи из путешествий, слушаю тебя, забочусь о тебе, стараюсь всегда быть рядом. Я для тебя как мать. Ни разу не дала повода сомневаться в моей любви и преданности. Но тебе все мало, ты продолжаешь жаловаться и ругаться, словно ждешь чего-то больше. Что тебе еще надо?

— Да что ты такое говоришь? Я тебя никогда ни о чем не просил... Иди-ка лучше приготовь мне чаю...

— Ну, нет, на этот раз я хочу, чтобы ты мне ответил! Скажи — что тебя не устраивает, что я тебе сделала? Я же прекрасно вижу, что с моими братьями ты ведешь себя совсем не так. Во всяком случае, с Лоду Кунчапом, с нашим замечательным Лоду Кунчапом... Ему нет дела до тебя, так почему ты его так любишь?

Вот и все, я выпустила ревность, которая зрела во мне на протяжении многих месяцев. Да что там месяцев, на протяжении многих лет, если быть честной. Лоду Кунчап — мой старший сводный брат, сын отца от первого брака. Родился в Индии за десять лет до того, как я появилась на свет. И однажды мой старший брат, которого я не видела ни разу в жизни, приехал в Катманду, чтобы жить с нами. Он был очень мил. До этого он несколько лет был монахом в Индии, в Химашаль Прадеше, недалеко от Дхарамсалы, потом приехал в Боднатх, женился и в конце концов уехал в Нью-Йорк. Отец обожает

Лоду Кунчапа, всегда ждет от него одобрения, ловит его взгляд, ищет возможности с ним поговорить. Из нас всех он единственный, кого папа никогда не бил. И тем не менее мой старший брат не проявляет никакого внимания по отношению к отцу и преспокойно живет своей жизнью. Я никогда не говорила этого вслух, но сейчас могу признаться, что всегда считала его эгоистом. И чувства несправедливости и обиды, которые я старательно подавляла в себе, наконец вышли наружу.

Глаза отца внезапно темнеют. Челюсти сжимаются, в результате чего лицо превращается в злую маску. Он привстает на кровати — силы внезапно вернулись к нему. Мне знакомы предвестники отцовского гнева, и я сожалею о том, что спровоцировала его. Лучше бы я промолчала. Поднимаю голову и покорно смотрю на отца. И вдруг понимаю, что в его глазах — лишь доброта. Сухие руки молитвенно сложены на белом одеяле. Папа поднимает глаза и смотрит прямо перед собой, на какую-то невидимую точку на стене.

— Ты права, Чоинг, — вздыхает он. — Ты права. Конечно, я люблю Лоду Кунчапа больше, чем тебя. Больше, чем твоих братьев. Больше, чем твою мать. Но не думай, что у меня нет на то причин. Я люблю его, потому что мне подарила его женщина, которую я любил всем сердцем, удивительное существо, которое судьба отняла у меня слишком рано. Я познакомился с ней в Тибете, потом мы вместе бежали в Индию. И там смерть забрала ее у меня, хотя она была такой молодой. Чоинг, она была любовью всей моей жизни, ты можешь это понять?

Отец не плачет, его голос не дрожит, он говорит спокойно, почти бесстрастно, словно наконец при-

знает давно ему известный факт. Мне кажется, ему потребовалось очень много времени и сил, чтобы произнести эти слова. Я молча слушаю отца. Мы никогда не говорили о его первой жене, поэтому я и представить не могла, как много она для него значила. Почему же он сам так долго таил в себе это признание?

— Лоду Кунчап — единственная память, которая осталась мне от нее. Единственный подарок. Когда я смотрю на твоего брата, то вижу ее лицо, вижу самого себя в молодости и то, как мы были счастливы в Индии.

Отец замолкает. А я не знаю, что сказать. По его глазам видно, что он погрузился в воспоминания и не собирается больше ничего говорить. И честно говоря, мне достаточно того, что я уже услышала. Внезапно я испытываю любовь к той незнакомой мне женщине, которая смогла зародить такие чувства в папином сердце. Хоть я ни разу в жизни не видела ее, все равно я благодарна ей за то, что она подарила отцу столько счастья. Наконец-то я поняла, почему Лоду Кунчап всегда был папиным любимчиком. Дело не в том, что я в чем-то провинилась. Просто у брата было то, чего никогда не будет у меня. Невозможно сражаться с прошлым.

Я молча пообещала себе, что больше не буду жаловаться на отца и ругать его. Я слишком уважаю ту утраченную любовь, которая даже спустя сорок лет продолжает жить в его сердце и не давать покоя душе.

После нашего разговора моя любовь к отцу лишь усилилась, насколько это возможно. Мне потребовалось несколько лет, чтобы осознать: начиная с того времени я вступила в гонку со смертью. Я должна

была действовать быстрее, чем она, дать родителям все, что она может у них забрать. Подарить им столько счастья, что и представить нельзя, ведь у них осталось не так много времени. Получается, что в конце их жизни я становлюсь их матерью. Забочусь о них, как мать заботится о своих детях. Вечером делаю им массаж ступней и рук; могу часами расчесывать им волосы; покупаю их любимые *momos*; внушаю им, что они по-прежнему молоды и полны сил.

Как ни странно, отец уходит первым. Я говорю «как ни странно» по одной простой причине: хотя папа старше мамы на двадцать пять лет, физически он гораздо крепче нее. В восемьдесят семь лет он высок, хорош собой, импозантен и довольно мускулист. У него проблемы с сердцем, поэтому несколько лет назад ему поставили кардиостимулятор, но мне отец всегда казался вечным. Я гораздо больше беспокоилась за маму — она казалась мне такой хрупкой, — чем за папу, который продолжал рычать, ругаться и вполне мог напугать меня, будто мне по-прежнему десять лет.

Отец умер в больнице. К счастью, он не слишком страдал; никто даже не думал, что он скоро покинет нас, но отец знал.

Однажды он проснулся и сказал мне:

— Чоинг, я себя не очень хорошо чувствую.

— Папа! Ты хочешь, чтобы я отвезла тебя в больницу?

— Какой сегодня день?

— Четверг... А что такое?

— Четверг? Нет, подождем до завтра...

Он ведет себя довольно странно, но, несмотря на все мои вопросы, не хочет объяснить, что происходит. И я понимаю, что настаивать бесполезно.

Позже я пойму.

На следующее утро отец спокойно встает с кровати; он выглядит немного усталым, вот и все. Хочет, чтобы я отвезла его в больницу. Пока мы едем в машине, отец сидит совершенно спокойно, на лице его — умиротворенная улыбка, оно светится добротой — никогда прежде я не видела отца таким.

— Где мама, Чоинг?

— В больнице на другом конце города. Ей делают гемодиализ.

— Ох... значит, я больше ее не увижу...

— Не волнуйся, я привезу ее к тебе.

Но он отказался. Следующие дни я провожу у его кровати, потому что знаю: я действую на отца как лекарство. Делаю ему массаж ступней, мы болтаем обо всем на свете. Он не хочет, чтобы я уходила; я вижу, что он боится. Отец верит, что я обладаю божественной силой, что мои руки могут прогнать боль и страх. Мне кажется, что папа испускает мягкий оранжевый свет, совсем как небо на закате. В нем не осталось ничего, кроме нежности. Ничего от того человека, которого я боялась в детстве. Он изменился. Я не замечаю ни следа ярости или гнева в его глазах.

По прошествии нескольких дней он совсем ослабел, и я начала понимать, что происходит. Однажды вечером, около семи часов, после целого дня, проведенного вместе, он берет меня за локоть и притягивает к себе. Он хочет, чтобы я положила руку ему на голову.

— Ты не такая, как все, Чоинг, я всегда знал, что ты особенная. У тебя обычная внешность, но внутри тебя таится необычная, выдающаяся личность. Мне очень повезло, что у меня такая дочь, как ты.

Я ничего не отвечаю. Сейчас настал черед отца говорить. Смотрю на него пристально, словно глаза смогут удержать его и помешают уйти. А я вижу, что он уходит. Окруженный любовью.

— Спасибо тебе, Чоинг. Ты полностью исполнила свой долг. Я ухожу со спокойным сердцем.

Никакие слова не могут доставить мне больше удовольствия. Нельзя сказать, что я делала все только для того, чтобы однажды услышать их, но признание отца стало лучшим подарком для меня. Да, папа подарил мне жизнь, и я всегда понимала, что нахожусь перед ним в неоплатном долгу. Теперь мы квиты. Он уходит, но наши души ощущают лишь мир и покой. На следующий день я, полностью опустошенная, уезжаю из больницы. Я так устала, что не помню, какое сегодня число. Я только что потеряла отца. Он был одним из самых важных для меня людей; благодаря нему я стала той, кто я есть, — и вот он ушел. Человек, который на протяжении многих лет внушал мне страх, умер на моих руках, веря в мою любовь и отдавая мне свою любовь. Это красивый конец. У меня хорошая карма, и моя будущая жизнь пройдет в мире и благополучии.

Забирая машину с парковки, я смотрю на дату на стояночном талоне. Понедельник. Сегодня понедельник. От усталости я перестала следить за днями. Но только не отец. Мы, тибетцы, верим, что умереть в воскресенье — очень плохой знак. Отец решил умереть в понедельник. Ему удалось на четыре дня отсрочить смерть. Он ушел тогда, когда сам этого захотел. В свое время.

19
Сирота

После папиной смерти мама чувствует себя ужасно одинокой. Она даже переехала к моему дяде, потому что не могла оставаться в пустом доме. Я даю папиному брату денег для того, чтобы он заботился о маме как можно лучше. Она часто приглашает друзей, разговаривает с ними, но я вижу, что на сердце у нее неспокойно. Я пытаюсь ее развлечь, много шучу, говорю, что мы непременно найдем ей друга-мужчину, то есть стараюсь смехом прогнать грусть. Покупаю ей дорогие кремы для лица, мази, расчесываю волосы; забочусь о ней, как могу. Ее душа ранена, и я стараюсь вылечить хотя бы тело.

Однажды мы с мамой уезжаем в Дели, столицу Индию. Я никому (и в первую очередь маме) не говорила о том, что хочу отдать ей свою почку. Я сама, ни с кем не советуясь, приняла решение. Братья ничего не знают. Это мой выбор, он, кроме меня, никого не касается.

В Непале нет больницы, где занимаются пересадкой почек. Для этого надо обязательно ехать в Индию; такая поездка включает не только перелет и сопровождение, также надо найти, где жить, оплатить операцию и оправиться от нее. Мало у кого есть такие средства. К счастью, я могу себе это поз-

волить. И к счастью, мои почки работают великолепно. В Дели врачи проводят комплексное обследование, делают множество анализов. Маме я сказала, что хочу показать ее другим врачам и узнать их мнение. Только два хирурга, старый и молодой, которые занимаются маминым осмотром, знают о моих планах. И однажды утром один из них, сияя улыбкой, заходит к ней в палату:

— Мадам, все отлично! Анализы великолепные, вам очень повезло. Мы сможем пересадить вам почку вашей дочери: как донор она вам полностью подходит!

— Подождите, о чем вы говорите? Какая почка?

Мама побледнела; она осуждающе смотрит на меня. Она тут же поняла все мои намерения — и они ей совсем не понравились.

— Ни за что в жизни! Лучше я умру! Никогда, слышите, никогда я не возьму почку моей Чоинг. Это последнее, чего я хочу в жизни...

Моя мама, обычно такая тихая и покладистая, взбунтовалась. Невозможно ее переубедить. Я повторяю снова и снова, что на поиски подходящего донора уйдут годы, но она твердо стоит на своем. Я ничего не могу сделать. Не заставлять же ее силой! Мы возвращаемся в Непал.

Но я так быстро не сдаюсь! В нашей стране есть настолько бедные люди, что они продают свои органы. Мне удается найти такого продавца-донора (не знаю, как правильно его назвать). Не то чтобы мне очень нравилась эта идея, но для того, чтобы спасти маму, я готова купить у кого-нибудь почку. По прошествии нескольких месяцев мы снова улетаем, на сей раз в Мадрас. Вроде бы все идет хорошо. Я уже начинаю мечтать, воображаю, как мы с мамой пое-

дем в Америку — там, в Чикаго, живут наши родственники; в Германию, где у меня много друзей; во все святые места, которые нам захочется посетить. Я с радость смотрю на новую страницу жизни, где еще ничего не написано. Но врачи приносят нам плохие вести: мамино сердце устало, артерии сужены бляшками. Ей нужна ангиопластика, позволяющая расширить сужение сосудов. Ну что ж, ангиопластика — так ангиопластика. Пересадка подождет — у нас просто нет выбора. Мы должны держаться. Через пять месяцев после возвращения в Непал мы снова летим в Индию — на операцию. Третья попытка. Но на этот раз нет никакой надежды: мама слишком больна. «Ваша мать настолько слаба, что может не перенести операцию», — говорят мне врачи. До конца жизни придется делать ей гемодиализ, другого выхода нет. Я смотрю на врача так, будто он говорит на иностранном языке. Я просто не хочу его понимать. И совсем не хочу говорить маме правду. Я выдумываю какую-то нелепую ложь; мама сразу все понимает, но делает вид, что верит мне. Мы летим домой.

Мама тает буквально на глазах. Она настолько ослабела, что почти не может ходить без посторонней помощи. В самолете на обратном пути в Непал мне приходится водить ее в туалет. Мы запираемся в крохотной кабинке, я сажаю маму и поднимаю после того, как она справит нужду. Но как только я начинаю ее подтирать, остатки фекалий пачкают мне руку. Мама больше не может контролировать сфинктер заднего прохода. Не моргнув глазом, я вытираю ее и отвожу обратно в кресло, а потом возвращаюсь в туалет, чтобы отмыть руки. Когда прихожу из туалета, то вижу, как мама сидит, натя-

нув плед под самый подбородок, словно нашкодивший ребенок, и чуть не плачет. Ей так стыдно, что она боится встретиться со мной взглядом.

— Прости меня, Чоинг, мне очень жаль...

— Почему?

— Тебе приходится делать такие неприятные вещи, это просто ужасно...

— Мама, не переживай ты так. Сколько раз ты делала то же самое, когда я была ребенком? Сколько раз ты мыла мою грязную попу? Сто, двести? И что, тебе было противно или неприятно? Неужели ты кривилась и отворачивалась? Нет... Сегодня пришел мой черед тебе помогать.

Я много думала об этом. Если детям дается шанс позаботиться о родителях и обеспечить их всем необходимым, этим шансом нужно воспользоваться. Те, кто еще может показать своей маме, как ее любит, пользуйтесь отпущенным временем. Любите и оберегайте ее. Вы даже не представляете, какое это счастье, когда мама рядом, когда ее можно позвать просто так и она придет, когда можно смотреть на то, как она дышит, и не думать, что каждый вздох может стать последним; слышать, как она смеется и видеть ее улыбку. Мать всегда желает своему ребенку самого лучшего, радуется его счастью, страдает, когда ему больно, и ее боль сильнее во много раз. Нам часто говорят о Боге. Но родители — это нечто большее. Они спасают нас с самого начала, ведь без них мы бы не выжили после рождения. Я старалась до самого конца делать все возможное, чтобы мои родители были счастливы. Их жизнь изменилась, они стали иначе относиться друг к другу — и в этом я вижу свою самую большую заслугу. Я бесконечно благодарна им за то, что они

позволили мне испытать чувства, ценнее которых нет в мире.

В последние месяцы жизни моей матери я, с одной стороны, воспринимаю все происходящее вокруг как в замедленной съемке, а с другой стороны — проявляю особую активность, так как мне необходимо организовать свадьбу брата. Он вернулся из Канады, куда уехал много лет назад, чтобы провести оставшиеся дни рядом с мамой, и здесь, в Катманду, встретил тибетскую девушку, в которую влюбился буквально с первого взгляда. Его избраннице девятнадцать лет, она беженка из Индии и наша дальняя родственница.

Пусть Карма Шоесанг уже тридцатилетний мужчина, он все равно остается моим младшим братом, и я чувствую ответственность за него. Он испросил у меня разрешение жениться, и я, конечно, дала согласие. Наверное, именно тогда я в полной мере почувствовала, что стала главой семьи. Именно я взяла на себя подготовку к церемонии, которую мы решили провести в доме дяди. Я рада тому, что мама увидит свадьбу своего сына, поэтому стараюсь ускорить события. Я прекрасно понимаю, что у нас осталось не так много времени. Итак, дата назначена: семнадцатое декабря.

Свадьба прошла, как было задумано. Мама выглядела очень слабой, но это не мешало ей разделять общую радость и оживление.

Двадцать первого декабря мама подзывает меня к себе; она выглядит изнуренной. Когда я вижу, как она страдает, то в глубине души желаю, чтобы смерть поскорее избавила ее от боли. Хочу, чтобы эта пытка наконец прекратилась. Пограничное состояние, в котором она находится сейчас — уже не

живая, но еще и не мертвая, — это хуже всего. Это страшно.

— Недалеко от твоей школы, в горах, скоро будут проходить буддистские празднества. Я бы очень хотела на них посмотреть.

— Ты уверена, что это тебя не слишком утомит?

— Нет, конечно. Попроси Карму Шоесанга меня отвезти, а потом я смогу посмотреть на Школу Арья Тара. Хоть увижу, как вы там устроились.

На тот день у меня была назначена важная встреча, поэтому брат сам повез маму на праздник, а я присоединилась к ним позже, уже в школе.

Они стоят и улыбаются. Мама вся светится, несмотря на изможденный вид.

— Дочка, я приняла решение: я стану монахиней, как и ты!

Учитель из буддистского монастыря с пониманием отнесся к маминой просьбе. Она никогда прежде не говорила мне о своих намерениях, тем не менее я очень рада за нее. Я и сама не раз думала об этом, но ни за что на свете не хотела подталкивать ее к такому выбору. Когда буддисты посвящают себя религии, они получают возможность улучшить свою карму и умереть в мире, отказавшись от всех мирских благ.

Мама оказалась в Школе Арья Тара впервые с момента начала работ. Она с интересом осмотрела мою комнату, столовую, учебные кабинеты... Прогулка явно благотворно повлияла на нее. На щеках румянец, глаза блестят. Я думаю о том, что она может прожить остаток дней здесь. Затем мы отвозим маму к буддистскому учителю, который срезает у нее прядь волос. Совсем как у меня — семнадцать лет назад. Мама выглядит очень счастли-

вой и на обратном пути в Катманду почти все время молчит, словно хочет сохранить новые ощущения как можно дольше. А дома засыпает с улыбкой на усталом лице, бормоча сквозь сон в ответ на вопросы дяди: «Я так рада, что наконец увидела школу...»

На следующий день мама должна ехать на гемодиализ. Обычный день, привычная процедура. Я осталась дома, а брат заехал к дяде, забрал маму и повез в больницу. Я рада тому, что мои братья здесь, с нами, и могут в свою очередь позаботиться о маме — они не так часто ее видят. Ведь это так важно — разделить с мамой последние оставшиеся ей дни.

В десять часов брат звонит и говорит, что маме трудно дышать. Она больше не может произнести ни слова. Я прыгаю в джип, мчусь в больницу, сломя голову несусь через все коридоры, влетаю в палату... Слишком поздно. Мама уже ушла. Ее сердце остановилось. А я даже не успела с ней попрощаться. Провела столько часов у ее изголовья — и не оказалась рядом в последнюю минуту. Все вокруг видится как в замедленной съемке: братья в слезах, медсестра стоит в углу и молчит, скрестив руки на груди. И мама, слишком маленькая для такой большой кровати, тихая, бледная, будто спящая. А в голове одна мысль: «Не плачь, сейчас не время и не место для слез».

На моем лице застывает улыбка. Фальшивая, как картонная маска. В отделениях, подобных тому, где лежала мама, обычно много больных с ослабленной психикой, так что не стоит показывать им свое отчаяние. Это может их убить. Я стараюсь сосредоточиться на мысли о том, что не имею пра-

ва окончательно подрывать их силы, — и мне удается сдержаться. Я не плачу. По крайней мере, с виду.

Сразу стараюсь погрузиться в дела. Звоню дяде, сообщаю ему о случившемся и прошу связаться с буддистским учителем и договориться о кремации; в больничной палате, где лежит еще не остывшее тело моей матери, мы назначаем день, когда оно будет сожжено. Такого рода решения принимаются с помощью астрологов. Они знают, в какие дни лучше всего покидать этот мир. Звезды сообщают, что следующие четыре дня совершенно точно не подходят. Нужно действовать прямо сейчас. Прямо сейчас... Это случилось вечером двадцать второго сентября 2006 года. Вместе с пеплом мама улетела к небесам.

Она на два года пережила отца. И я пользовалась каждой секундой, вырванной у смерти, чтобы доказать маме свою любовь. Лишь эта мысль помогает мне сегодня справиться с отчаянием. Мне очень не хватает мамы. Но я знаю: я сделала все, что могла. Последние два года мы любили друг друга больше, чем за всю предыдущую жизнь, если это только возможно.

Мама заслужила, чтобы для нее провели полную погребальную церемонию, такую, которая длится сорок девять дней. Все это время мы делали подношения, молились, жгли тысячи свечей, чтобы благословить ее душу, принимали соболезнования друзей и соседей. Наш народ считает, что если пренебречь всеми церемониями, то мертвые не поймут, что они покинули этот мир, и будут пытаться установить связь с живыми. Но из-за того, что последние не смогут их увидеть или услышать, умершие

могут испугаться и никогда не обретут покой. За эти сорок девять дней они должны примириться со своим положением, осознать его и перейти в другой мир. Живым, конечно, приходится нелегко, но, по крайней мере, они заняты, и им некогда предаваться печали.

И лишь потом все становится плохо. Я приезжаю в Школу Арья Тара, здороваюсь с профессорами, учениками и быстро иду в свою комнату. Захожу туда и вижу, что на моей подушке лежат четки. Мамины четки. Те самые, с которыми она никогда не расставалась. Наверное, она оставила их, когда приезжала в прошлый раз. Я тогда ничего не заметила. А она знала уже тогда — и теперь посылает мне весточку после кончины.

Слезы прорывают плотину, выстроенную за сорок девять дней. Буддистское учение уделяет смерти много внимания. Нас учат тому, что «смерть — одно из самых важных событий в жизни». Я думала, что знаю об этом. Думала, что готова. Что будет легче. Но в такие моменты человек ничего не помнит, ни о чем не думает. Мудрость, знание, медитации, истина, разум — все это испаряется, когда умирает твоя мама. Мне ее физически не хватает. Мне больно. Очень больно. У меня внутри — пустота, которая плачет и рыдает. Я хочу, чтобы мне вернули маму!

Следующие месяцы не приносят облегчения. Братья возвращаются к себе домой. Жизнь возвращается в обычное русло. Но я чувствую себя невыносимо одинокой, даже несмотря на то, что рядом со мной друзья. Раньше я все время заботилась о родителях, а теперь мне просто нечем заняться. Я чувствую себя бесполезной. Все вокруг напоми-

нает о том, что их больше нет. В такие моменты я молюсь за них, и знакомые с детства слова приносят некоторое утешение.

К тому же есть еще кое-что, что помогает мне выбраться из депрессии. Я понимаю, что сделала все, что могла, отдала все, что у меня было. Мне не о чем жалеть, и я могу спать спокойно. Жизнь, в сущности, похожа на скачки по кругу, так что большие и маленькие радости постепенно заглушают мою боль.

— Ани, я хотел бы познакомить тебя с моей подругой. Она сейчас в Непале. Я много рассказывал ей о тебе, и она очень хочет с тобой встретиться. Наверное, ты ее знаешь. Ее зовут Трейси Чапмен, она певица, как и ты. Ну так что, у тебя есть свободная минута?

Питер американец, но уже давно живет в Катманду. Он часто повторяет, что ему очень нравятся мои песни. Мы с ним хорошо понимаем друг друга. И он прекрасно знает, что я большая поклонница Трейси Чапмен (а еще мне давно известно, что Питер и Трейси добрые знакомые). Просто Питер дразнит меня: он понимает, как я буду рада с ней встретиться.

Он позвонил мне в январе, и совсем скоро Трейси Чапмен приехала к нам в школу. Девочки были на занятиях, так что я приняла гостью на последнем этаже, где у меня была собственная небольшая квартирка с уютной гостиной. Я пригласила своего композитора, Питер тоже приехал, его сопровождали еще несколько друзей.

Мы с Трейси поем: она — для нас, я — для нее. Это мгновения удивительного единства и теплоты. У меня остались замечательные воспоминания

о том дне. Мы обошли всю школу (причем моя собака Сума не отставала от нас ни на шаг), сделали несколько фотографий, все время шутили, смеялись. Просто жили.

Непальцы отмечают Новый год в феврале, причем этот праздник всегда сопровождается широкими народными гуляниями. В 2007 году я отправила сообщение всем друзьям, которых мысленно причисляю к своей «команде»: мы не должны лишать себя радости из-за смерти моей матери. Ученицы Школы Арья Тара — большинство из них еще дети — имеют право на праздник. К Новому году они подготовили потрясающий спектакль.

Я сижу в первом ряду перед импровизированной сценой, а передо мной разворачивается эпизод из жизни Будды. Девочки прыгают, смеются, изображают различных персонажей, и всем очень-очень весело. Я понимаю, что мое разбитое сердце должно снова научиться радоваться. И вдруг я почувствовала, как во мне сломалось что-то, что все это время словно отгораживало меня от остального мира. Меня переполняет радость: я здесь, вместе с моими девочками, моими ученицами, мы счастливы и нам очень повезло. Я поднимаюсь на сцену и начинаю танцевать вместе с маленькими актерами, чтобы окончательно влиться в общее веселье. Мы становимся в круг, все поют, смеются; даже Сума заражается общим настроением и начинает носиться вокруг нас. Она пытается лизнуть мне руки, но я поднимаю их вверх, так что собака прыгает все выше и выше. Кажется, что она тоже смеется! Потом я беру ее за передние лапы и завожу в общий круг. Я счастлива. Я никогда не забуду эти мгновения.

Иногда, когда я сплю и вижу сон, я отдаю себе отчет в том, что это сон, и перестаю серьезно к нему относиться. Так же нужно поступать с печалью и страданиями. Мы страдаем, но в то же время можем найти повод для того, чтобы быть счастливыми. Нужно только осознать это и справедливо относиться к жизни, помнить не только о том, что она у нас забирает, но и о том, что она нам дает. Именно так я и стараюсь поступать. Иногда я думаю о том, что мама могла снова переродиться в нашем мире, и молюсь за нее. Где бы она ни была, я знаю, что у нее все будет хорошо.

Эпилог

Когда я рассказываю мою историю, то порой замечаю непонимание в глазах слушателей. Однажды я говорила о жестокости отца, и кто-то в ужасе произнес: «Это чудовище лишило тебя детства!» Но все совсем наоборот. Я написала эту книгу, чтобы люди осознали: нужно иначе смотреть на мир. Буддизм говорит нам, что врагов нужно воспринимать как учителей, использовать их ненависть для того, чтобы побороть тьму в их собственной душе. Отец заставил меня переступить через себя и обнаружить в своей душе неизведанные силы. Он научил меня сражаться. Я стала тем, что я есть, благодаря отцу, и я бесконечно признательна ему за это. Если бы он не избивал меня, я никогда не встретила бы учителя и не обрела те качества, которые необходимы, чтобы быть хорошим человеком. Думаю, что испытания в конечном счете делают нас лучше, сильнее. Потому что горьковатый привкус боли позволяет глубже ощутить всю сладость жизни. В моменты сомнений, ярости, когда горячий гнев волнами окатывает душу, мысль об учителе помогает мне обрести равновесие. Когда мы представляем себе лимон, то ощущаем кислоту во рту; вместе со льдом приходит холод, а с огнем — тепло; так и образ наставника наполняет меня состраданием и любовью и ведет вперед.

Говорят, что противоположности притягиваются. Наверное, именно так и сформировалась моя личность: из любви и ненависти, из ограниченности и бесконечности, из нежности и жестокости. Меня тянуло то в одну сторону, то в другую до тех пор, пока чувства не успокоились, не перестали посылать мне противоречивые знаки — до тех пор, пока я не обрела душевное равновесие.

Сегодня у меня есть бесконечное множество источников счастья и много дел, которые наполняют меня радостью; нужно разбить сад рядом со школой, вылечить раненую мышку, освободить козу, угодившую в западню в горах, встретиться с другом, которого не видела много лет, купить красивые туфельки, накормить нищего на улице, сделать ремонт в доме родителей, написать письмо братьям, рассмешить расстроенного ребенка, увидеть учителя во сне и проснуться с улыбкой на губах, сделать пожертвование в дом престарелых, сочинить новую песню, покататься на джипе под дождем, поплакать во время просмотра болливудского фильма, восхититься индийскими исполнителями, забрать сына из школы, утешить ученицу, у которой умирает мама, поделиться силой с теми, кому ее не хватает, обсудить с врачами проект строительства новой больницы, написать книгу... Счастье повсюду, стоит только протянуть руку — и вот уже прикасаешься к нему кончиками пальцев. Секрет в том, что нужно научиться ценить его. Радоваться тому, что у тебя есть.

Нет, я не говорю, что я совершенна! Мне еще так многому предстоит научиться... Иногда я грущу. Некоторые люди меня разочаровывают, и я стараюсь тратить на них как можно меньше сил и време-

ни. Я не закрываюсь от мира, просто стараюсь беречь себя от неприятностей. В споре я говорю то, что должна говорить, но стараюсь избегать противоречий. Я искренне пытаюсь делать так, чтобы всем было хорошо. Поэтому приступы плохого настроения быстро проходят.

Недавно мы приняли в школу новую девочку. Я узнала, что отец избивал малышку и ее детство было отмечено синяками и издевательствами. Когда мне рассказывают подобные истории, порой я не в силах сдержать свой гнев. Такая жестокая несправедливость наполняет меня жгучей ненавистью. Но потом я успокаиваюсь. Я понимаю боль этого ребенка и чувствую, что между нами есть невидимая связь; нам не обязательно говорить, чтобы она обнаружилась. У нас есть общая тайна. Мы принадлежим к одной семье. Нельзя понять боль другого человека, не испытав боль на себе. Благодаря своему прошлому я инстинктивно чувствую страдания людей, а значит, я могу им помочь лучше, чем кто-либо.

Я стараюсь выручать тех, кто попал в беду. К несчастью, людское горе — бездонная пропасть, нужно непрерывно наполнять ее любовью и состраданием, чтобы самые слабые из нас не упали туда. Спасая людей, я получаю ни с чем не сравнимое удовольствие.

Сегодня очень много сил у меня уходит на строительство больницы. Я отдаю всю себя этому проекту. Многие непальцы страдают диабетом и проблемами с кровообращением. Часто это вызвано низким уровнем жизни и ужасными санитарными условиями. Многие женщины ходят босиком, мало пьют воды, не обращают внимания на заболевания

мочеполовой системы. Необходимо научить людей заботиться о своем здоровье, привить им хоть какие-то медицинские знания. Я обещала маме, что сделаю все возможное для строительства больницы, — и я сдержу обещание, независимо от того, сколько времени и сил потребуется от меня. Это жизненно необходимо: услуги здравоохранения в Непале стоят слишком дорого, не хватает свободных мест в центрах гемодиализа, многие из них не могут позволить себе купить медицинские аппараты. И больные умирают, хотя в Германии и во Франции они могли бы еще жить и жить. Среди поклонников моего творчества — премьер-министр Непала Гирия Прасад Койрада, он пообещал помочь мне в реализации моего проекта.

Эта книга была написана еще и затем, чтобы собрать деньги на строительство больницы. Я хочу поблагодарить своего издателя, который способствовал ее выходу и тем самым помог проекту. Я уверена, что у кого-то из читателей обязательно возникнет желание сделать пожертвование... большое пожертвование, миллион евро — а почему бы и нет? Так мы будем шаг за шагом приближаться к цели... Стоит лишь задуматься о покорении неприступной горы — и ты окажешься на вершине. Надо только верить. Я знаю, о чем говорю.

Оглавление

Предисловие 5
Пролог 7
1. Меченная 10
2. Младшая сестра Брюса Ли 22
3. В поисках укрытия 31
4. Спасение 46
5. Возрождение 62
6. Любимчик 75
7. Падение 85
8. Над облаками 92
9. Взросление 103
10. Слабость и сила 113
11. Одна 124
12. Возвращение к жизни 133
13. Гастроли 140
14. Школа Арья Тара 157
15. Сын 173
16. Встреча со святым 185
17. Путь к вершине 194
18. Умереть в понедельник 212
19. Сирота 223
Эпилог 235

Литературно-художественное издание
Документ

Чоинг Ани

Меченная

Генеральный директор издательства
С. М. Макаренков

Редактор *А. Ю. Серов*
Выпускающий редактор *Е. А. Крылова*
Художественное оформление: *В. Ю. Шумилов*
Компьютерная верстка: *В. В. Ничипорук*
Корректор *Т. Е. Антонова*
Изготовление макета: *ООО «Прогресс РК»*

Подписано в печать 13.08.2010 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Paladium»
Печ. л. 15,0. Тираж 7000 экз.
Заказ № 7602.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14